

Р. СКОТТ БЭККЕР



ВОИН- ПРОРОК

КНЯЗЬ ПУСТОТЫ

Книга вторая

fanzon

Второй Апокалипсис

Р. Скотт Бэккер

**Князь Пустоты. Книга
вторая. Воин-Пророк**

«ЭКСМО»

2004

УДК 821.111-312.9(71)
ББК 84(7Кан)-44

Бэккер Р.

Князь Пустоты. Книга вторая. Воин-Пророк / Р. Бэккер —
«Эксмо», 2004 — (Второй Апокалипсис)

ISBN 978-5-699-99925-5

Над миром Эарвы, когда-то пережившим первый Апокалипсис, вновь собирается тьма, возвещающая возвращение Не-бога Мог-Фарау. И народы Трех Морей, собранные под знамена шрайи Тысячи Храмов, выдвигаются на войну против язычников фаним, чтобы вернуть Священный город Шайме! Но каждая фракция этого воинства преследует свою тайную цель, и шпионы-оборотни наводнили его ряды. И только Анасуримбору Келлхусу, загадочному монаху-дунианину, под силу снять с них маски и встать во главе Священного воинства, ведь все зовут его не иначе как Воин-Пророк...

УДК 821.111-312.9(71)
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-699-99925-5

© Бэккер Р., 2004
© Эксмо, 2004

Содержание

Что было прежде...	7
Часть I. Первый переход	16
Глава 1. Ансерка	16
Глава 2. Ансерка	29
Глава 3. Асгилиох	43
Глава 4. Асгилиох	65
Глава 5. Равнина Менгедда	84
Глава 6. Равнина Менгедда	97
Конец ознакомительного фрагмента.	104



Р. Скотт Бэккер Князь Пустоты. Книга вторая. Воин-Пророк

R. Scott Bakker
The Warrior Prophet

© 2004 by R. Scott Bakker

© О. Степашкина, перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Посвящается Брайану, моему брату по сердцу и видению

Что было прежде...

Первый Апокалипсис уничтожил великие норсирайские народы севера. Лишь юг, кетьяньские народы Трех Морей, пережили бойню, учиненную Не-богом Мог-Фарау и его Консульт, состоящим из военачальников и магов. Годы шли, и люди Трех Морей, как это вообще свойственно людям, забыли об ужасе, что довелось перенести их отцам.

Империи возникали и рушились одна за другой: Киранея, Шир, Веней. Последний Пророк, Айнри Сейен, дал новое истолкование Бивню, священнойшейшей из реликвий, и в течение нескольких веков айнритизм, проповедуемый Тысячей Храмов и их духовным лидером, шрайей, сделался господствующей религией на всех Трех Морях. Великие магические школы – такие как Багряные Шпили, Имперский Сайк и Мисунсай – возникли в ответ на гонения со стороны айнрити, преследовавших Немногих, то есть тех, кто обладал способностью видеть и творить чародейство. Используя хоры, древние артефакты, делающие их обладателей неуязвимыми для магии, айнрити воевали со школами, пытаясь – безуспешно – очистить Три Моря. Затем Фан, пророк Единого Бога, объединил кианцев, племена пустыни, расположенной к юго-западу от Трех Морей, и объявил войну Бивню и Тысяче Храмов. По прошествии веков, после нескольких джихадов фаним и их безглазые колдуны-жрецы, кишаурим, завоевали почти весь запад Трех Морей, включая священный город Шайме, где родился Айнри Сейен. Лишь остатки Нансурской империи продолжали сопротивление.

Теперь югом правили война и раздор. Две великие религии, айнритизм и фанимство, сражались между собой, хотя терпели торговлю и паломничество, когда это было прибыльно и удобно. Великие семейства и народы соперничали за военное и коммерческое господство. Младшие и старшие школы ссорились и плели заговоры, в особенности против выскочек-кишаурим, чью магию, Псухе, колдуны считали проявлением Божьего благословения. А Тысяча Храмов под предводительством развратных и бесполезных шрай преследовала мирские честолюбивые интересы.

Первый Апокалипсис превратился в полузабытую легенду, а Консульт, переживший смерть Мог-Фарау, – в сказку, которую бабки рассказывают детишкам. Через две тысячи лет только адепты Завета, каждую ночь заново переживающие Апокалипсис, видящие его глазами основателя своей школы, Сесватхи, помнили и этот ужас, и пророчество о возвращении Не-бога. Хотя сильные мира сего вкупе с учеными считали их глупцами, сами адепты Завета обладали Гнозисом, магией Древнего Севера, и потому их уважали – и смертельно им завидовали. Ведомые ночными кошмарами, они бродили по лабиринтам власти, выискивая среди Трех Морей присутствие древнего, непримиримого врага – Консульт.

И, как всегда, ничего не находили.

Книга 1. Слуги Темного Властелина

Священное воинство – так нарекли огромное войско, которое Майтанет, глава Тысячи Храмов, созвал, чтобы освободить Шайме от язычников фаним. Призыв Майтанета разнесся по всем уголкам Трех Морей, и истинно верующие из великих народов, исповедующих айнритизм, – галеоты, туньеры, тидонцы, конрийцы, айноны и их данники – отправились в Момемн, столицу Нансурской империи, чтобы стать Людьми Бивня.

С самого начала собирающееся воинство погрязло в политических дрязгах. Сперва Майтанет каким-то образом убедил Багряных Шпилей, самую могущественную колдовскую школу, присоединиться к Священному воинству. Несмотря на возмущение – ведь среди айнрити чародейство предано анафеме, – Люди Бивня понимали, что Багряные Шпили необ-

ходимы для противостояния кишаурим, колдунам-жрецам фаним. Без участия какой-то из старших школ Священная война была бы обречена, еще не начавшись. Вопрос заключался в другом: почему чародеям вздумалось принять столь опасное соглашение? На самом деле Элеазар, великий магистр Багряных Шпилей, давно уже вел тайную войну с кишаурим, которые десять лет назад без видимой причины убили его предшественника, Сашеоку.

Затем Икурей Ксерий III, император Нансурии, придумал хитрый план, чтобы обернуть Священную войну к своей выгоде. Многие земли, ныне относящиеся к Киану, некогда принадлежали Нансурии, и Ксерий больше всего на свете жаждал вернуть империи утраченные провинции. Поскольку Священное воинство собиралось в Нансурской империи, оно могло выступить только в том случае, если император снабдил бы его продовольствием, а он не соглашался, пока каждый из предводителей Священного воинства не подпишет с ним договор, письменное обязательство передать ему, императору Икурею Ксерию III, все завоеванные земли.

Конечно же, прибывшие первыми кастовые дворяне отвергли договор, и в результате ситуация сделалась патовой. Но когда Священное воинство стало исчисляться сотнями тысяч, титулованные военачальники забеспокоились. Поскольку они воевали во имя Божье, то считали себя непобедимыми и совершенно не стремились делиться славой с теми, кто еще не прибыл. Один конрийский вельможа, Нерсей Кальмемунис, пошел навстречу императору и уговорил товарищей подписать договор. Получив провизию, большинство собравшихся выступило, хотя еще не прибыли их лорды и основная часть Священного воинства. Поскольку армия состояла в основном из безродной черни, не имеющей господ, ее прозвали Священным воинством простецов.

Несмотря на попытки Майтанета остановить самовольный поход, армия продолжала двигаться на юг и вторглась в земли язычников, где – в точности как и планировал император – фаним уничтожили ее подчистую.

Ксерий знал, что с военной точки зрения потеря Священного воинства простецов особого значения не имеет, поскольку составлявший его сброд в битве обычно только мешается под ногами. Но с политической точки зрения уничтожение армии сделалось бесценным, поскольку продемонстрировало Майтанету и Людям Бивня истинный нрав их врага. С фаним, как прекрасно знали нансурцы, шутки плохи даже для тех, кто ходит под покровительством Божьим. Лишь выдающийся полководец, заявил Ксерий, может обеспечить Священному воинству победу – например, такой, как его племянник, Икурей Конфас, который после недавнего разгрома грозных скульвендов в битве при Кийуте приобрел славу величайшего тактика эпохи. Предводителям Священного воинства требовалось лишь подписать императорский договор, и сверхъестественное искусство Конфаса оказалось бы в их распоряжении.

Похоже было, что Майтанет очутился в затруднительном положении. Как шрайя, он мог вынудить императора снабдить Священное воинство провизией, но был не в силах заставить его отправить с армией Икурея Конфаса, своего единственного наследника. В разгар конфликта в Нансурию прибыли первые действительно могущественные айнритийские властители, примкнувшие к Священной войне: Нерсей Проюас, наследный принц Конрии, Коифус Саубон, принц галеотов, граф Хога Готьелк из Се Тидонна и Чеферамунни, регент Верхнего Айнона. Священное воинство приобрело силу, хоть и оставалось своего рода заложником, связанное нехваткой провизии. Кастовые дворяне единодушно отвергли договор Ксерия и потребовали, чтобы император обеспечил их продовольствием. Люди Бивня принялись устраивать набеги на окрестные поселения. Ксерий в ответ призвал части имперской армии. Произошло несколько серьезных столкновений.

Пытаясь предотвратить несчастье, Майтанет созвал совет Великих и Малых Имен, и все предводители Священного воинства собрались в императорском дворце Андияминские

Высоты, чтобы обсудить сложившееся положение. Тут-то Нерсей Пройас и потряс собравшихся, предложив на роль командира взамен прославленного Икурея Конфаса покрытого шрамами скульвендского вождя, ветерана многих войн с фаним. Между этим скульвендом, Найюром урс Скиоатой, с одной стороны, и императором и его племянником – с другой, состоялся разговор на повышенных тонах, и скульвенд произвел сильное впечатление на предводителей Священного воинства. Однако же представитель шрайи колебался: в конце концов, этот варвар был таким же еретиком, как и фаним. Лишь мудрые речи князя Анасуримбора Келлхуса помогли ему выйти из затруднения. Представитель зачитал повеление, требующее, чтобы император под угрозой отлучения обеспечил Людей Бивня провизией.

Священное воинство вот-вот должно было выступить.

Друз Ахкеймион был колдуном, которого школа Завета отправила следить за Майтанетом и его Священным воинством. И хотя Друз уже не верил в древнее предназначение его школы, он отправился в Сумну, город, где располагалась Тысяча Храмов, надеясь побольше разузнать о загадочном шрайе, в котором школа Завета подозревала агента Консультанта. Во время расследования он возобновил давний роман с проституткой по имени Эсменет и, несмотря на дурные предчувствия, завербовал своего бывшего ученика, а ныне шрайского жреца, Инрау, чтобы тот сообщал ему о действиях Майтанета. В это время его ночные кошмары, видения Апокалипсиса, усилились; отчасти из-за так называемого Кельмомасова пророчества, в котором говорилось, будто в канун Второго Апокалипсиса Анасуримбор Кельмомас вернется в мир.

Затем Инрау умер при загадочных обстоятельствах. Пораженный чувством вины и до глубины души удрученный отказом Эсменет бросить свое ремесло, Ахкеймион бежал из Сумны в Момемн, где под алчным и беспокойным взглядом императора как раз собиралось Священное воинство. Могущественный соперник школы Завета, колдовская школа Багряных Шпилей присоединилась к Священной войне – из-за давней борьбы с колдунами-жрецами кишаурим. Наутцера, наставник Ахкеймиона, приказал ему наблюдать за Багряными Шпилями и Священным воинством. Добравшись до военного лагеря, Ахкеймион пристроился к костру Ксинема, своего старого друга-конрийца.

Продолжая расследовать обстоятельства смерти Инрау, Ахкеймион убедил Ксинема взять его на встречу с еще одним прежним своим учеником, Нерсеем Пройасом, конрийским принцем, ныне ставшим доверенным лицом загадочного шрайи. Когда Пройас высмеял его подозрения и отрекся от него как от святотатца, Ахкеймион упросил его написать Майтанету об обстоятельствах смерти Инрау. Исполненный горечи, он покинул шатер бывшего ученика в уверенности, что его скромная просьба останется неисполненной.

Затем его окликнул человек, приехавший с далекого севера, – человек, называвший себя Анасуримбором Келлхусом. Измученный повторяющимися снами об Апокалипсисе, Ахкеймион поймал себя на мысли, что боится худшего – Второго Апокалипсиса. Так что же, появление Келлхуса – не более чем совпадение, или он и есть тот самый Предвестник, о котором говорится в Кельмомасовом пророчестве? Ахкеймион попытался расспросить нового знакомого и поймал себя на том, что юмор, честность и ум Анасуримбора полностью его обезоружили. Они ночь напролет проговорили об истории и философии, и перед тем как уйти, Келлхус попросил Ахкеймиона быть его наставником. Ахкеймион, в душе которого необъяснимо возникли теплые чувства к новому знакомому, согласился.

Но тут перед ним встала дилемма. Школе Завета обязательно следовало узнать о возвращении Анасуримбора: более значительное открытие, пожалуй, и придумать было трудно. Но Ахкеймиона пугало то, что могли сотворить его братья-адепты: он знал, что жизнь, наполненная кошмарными снами, сделала их жестокими и безжалостными. И кроме того, он винил их в смерти Инрау.

Прежде чем Ахкеймион сумел разрешить эту проблему, племянник императора, Икурей Конфас, вызвал его к себе в Момемн. Там император пожелал, чтобы Ахкеймион оценил его высокопоставленного советника – старика по имени Скеаос – на предмет наличия у него чародейской Метки. Император Икурей Ксерий III самолично привел Ахкеймиона к Скеаосу и потребовал выяснить, не отравлен ли старик богохульной заразой колдовства. Ахкеймион ничего не обнаружил – и ошибся.

Но Скеаос кое-что разглядел в Ахкеймионе. Он стал корчиться в оковах и говорить на языке из снов Ахкеймиона. Хотя это и казалось невероятным, старик вырвался и успел убить нескольких человек, прежде чем его сожгли императорские колдуны. Ошеломленный Ахкеймион оказался в двух шагах от завывающего Скеаоса – лишь для того, чтобы увидеть, как его лицо расплывается в клочья...

Он осознал, что эта мерзость – воистину шпион Консульты, человек, способный принимать чужой облик, не имея красноречивой колдовской Метки. Оборотень. Ахкеймион бежал из дворца, не предупредив ни императора, ни его придворных; он знал, что его уверенность сочтут чушью. Им Скеаос казался не более чем артефактом язычников-кишаурим, тоже не носивших Метки. Не видя ничего вокруг, Ахкеймион вернулся в лагерь Ксинема; он был настолько поглощен пережитым ужасом, что даже не заметил Эсменет, которая наконец-то пришла к нему.

Загадки, окружающие Майтанета. Появление Анасуримбора Келлхуса. Шпион Консульты, обнаруженный впервые за много поколений... Как он мог сомневаться и дальше? Второй Апокалипсис должен вот-вот начаться.

И Ахкеймион плакал в своей скромной палатке, сраженный одиночеством, страхом и угрызениями совести.

Эсменет была проституткой из Сумны, оплакивающей и свою жизнь, и жизнь своей дочери. Когда Ахкеймион приехал в город, чтобы побольше разузнать о Майтанете, Эсменет охотно пустила его к себе. Она продолжала принимать и обслуживать клиентов, хотя понимала, какую боль это причиняет Ахкеймиону. Но у нее и вправду не было выбора: она знала, что рано или поздно Ахкеймиона отзовут и он уйдет. Но однако все сильнее влюблялась в злосчастного колдуна. Отчасти потому, что он относился к ней с уважением, а отчасти – из-за мирской сущности его работы. Хотя самой Эсменет приходилось сидеть полуголой у окна, огромный мир за этим окном всегда оставался ее страстью. Интриги Великих фракций, козни Консульты – вот от чего у нее начинало быстрее биться сердце!

Затем пришла беда: информатор Ахкеймиона, Инрау, погиб, и потерявший дорогого человека адепт был вынужден отправиться в Момемн. Эсменет просила Ахкеймиона взять ее с собой, но колдун отказался, и ей пришлось вернуться к прежней жизни. Вскоре после этого к ней в дом с угрозами явился незнакомец и потребовал от Эсменет рассказать все, что ей известно об Ахкеймионе. Обратив ее желание против нее самой, незнакомец соблазнил Эсменет, и та обнаружила, что отвечает на все его вопросы. С наступлением утра он исчез так же внезапно, как появился, оставив лишь лужицы черного семени как свидетельство того, что он действительно приходил.

Эсменет в ужасе бежала из Сумны, твердо решив отыскать Ахкеймиона и все ему рассказать. В глубине души она знала, что незнакомец как-то связан с Консультым. По дороге в Момемн Эсменет остановилась в какой-то деревне – починить порвавшуюся сандалию. Когда жители заметили у нее на руке татуировку проститутки, они принялись забрасывать ее камнями – так, согласно Бивню, следовало карать продажных женщин. Эсменет спасло лишь внезапное появление шрайского рыцаря Сарцелла, и ей выпало удовольствие полюбоваться на унижение своих мучителей. Сарцелл довез Эсменет до Момемна, и постепенно

его богатство и аристократические манеры вскружили голову Эсменет. Сарцелл, казалось, был совершенно лишен уныния и нерешительности, постоянно изводивших Ахкеймиона.

Когда они добрались до Священного воинства, Эсменет осталась с Сарцеллом, хоть и знала, что Ахкеймион находится всего в нескольких милях. Как постоянно напоминал ей шрайский рыцарь, колдунам, к которым относился и Ахкеймион, запрещалось жениться. Если даже она убежит к нему, говорил Сарцелл, колдун все равно ее бросит – это лишь вопрос времени.

Неделя шла за неделей, и постепенно Эсменет начала все меньше ценить Сарцелла и все больше тосковать по Ахкеймиону. В конце концов, в ночь перед тем, как Священное воинство должно было выступить в поход, Эсменет отправилась на поиски колдуна. Наконец она отыскала лагерь Ксинема; но тут ее одолел стыд, и она не решилась показаться Ахкеймиону на глаза. Вместо этого Эсменет спряталась в темноте и стала ждать появления колдуна, удивляясь странным мужчинам и женщинам, сидевшим у костра. Уже наступил день, а Ахкеймион так и не появился, Эсменет побрела по покинутому городу – и Ахкеймион попался ей навстречу. Эсменет раскрыла ему объятия, плача от радости и печали...

А он прошел мимо, словно увидел совершенно чужого человека.

Эсменет бросилась прочь, решив отыскать свое место в Священной войне, но сердце ее было разбито.

Найюр урс Скиоата был вождем утемотов, одного из скульвендских племен; скульвендов боялись, зная их воинские умения и неукротимость. Из-за событий, сопутствовавших смерти его отца, Скиоаты, – произошло это тридцать лет назад, – соплеменники Найюра презирали его, но никто не смел бросить вызов свирепому и коварному вождю. Пришли вести о том, что племянник императора, Икурей Конфас, вторгся в степи Джиюнати, и Найюр вместе с прочими утемотами присоединился к скульвендским ордам на отдаленной имперской границе. Найюр знал репутацию Конфаса и подозревал, что тот придумал ловушку, но Ксуннурит, вождь, избранный для грядущей битвы королем племен, не прислушался к его словам. Найюру оставалось лишь наблюдать за приближающейся бедой.

Спасшись во время уничтожения орды, Найюр вернулся в уголья утемотов, терзаясь еще больше, чем обычно. Он бежал от шепотков и косых взглядов соплеменников и уехал к могилам своих предков, где нашел у отцовского кургана израненного человека, а вокруг него – множество мертвых шранков. Осторожно приблизившись, Найюр с ужасом осознал, что узнает этого человека – или почти узнает. Он походил на Анасуримбора Моэнгхуса – только был слишком молод...

Моэнгхуса взяли в плен тридцать лет назад, когда Найюр был еще зеленым юнцом, и отдали в рабы отцу Найюра. О Моэнгхусе говорили, будто он принадлежит к дунианам, секте, члены которой наделены небывалой мудростью, и Найюр провел с пленником много времени, беседуя о вещах, запретных для скульвендских воинов. То, что произошло потом – совращение, убийство Скиоаты и последовавшее за этим бегство Моэнгхуса, – мучило Найюра до сих пор. Хотя когда-то Найюр любил этого человека, теперь он ненавидел его, яростно и неистово. Он был уверен, что если бы ему удалось убить Моэнгхуса, к нему наконец-то вернулась бы внутренняя целостность.

И вот теперь, каким бы невероятным это ни казалось, к нему пришла копия Моэнгхуса, странствующая по тому же пути, что и оригинал.

Поняв, что чужак может оказаться полезен, Найюр взял его в плен. Этот человек, назвавшийся Анасуримбором Келлхусом, утверждал, что он – сын Моэнгхуса. Он сказал, что дуниане отправили его в далекий город Шайме убить своего отца. Но как бы Найюру ни хотелось поверить в эту историю, он был настороже. Он много лет непрестанно размышлял о Моэнгхусе и понял, что дуниане наделены сверхъестественными талантами и остротой

ума. Теперь Найюр знал, что их единственная цель – господство, хотя там, где другие применяли силу и страх, дуниане использовали хитрость и любовь.

Найюр понял, что история, которую рассказал ему Келлхус, – именно та история, какую сочинил бы дунианин, чтобы обеспечить себе безопасный проход через земли скульвендов. И тем не менее он заключил сделку с чужаком и согласился отправиться вместе с ним. Вдвоем они быстро пересекли степь, увязнув в призрачной войне слова и страсти. Найюр снова и снова обнаруживал, что почти попался в хитроумно раскинутые сети Келлхуса, и успевал остановиться лишь в последний момент. Его спасала ненависть к Моэнгхусу и то, что он уже знал дуниан.

У границы империи они наскочили на членов враждебного скульвендского племени, отправившихся в набег. Нечеловеческая искусность Келлхуса в битве и потрясла, и ужаснула Найюра. После схватки они обнаружили наложницу, Серве, спрятавшуюся в груди захваченных вещей. Найюр, сраженный красотой Серве, взял ее себе и от нее узнал об объявленной Майтанетом Священной войне за освобождение Шайме, города, где, как предполагалось, ныне проживает Моэнгхус... Могло ли это быть совпадением?

Было это совпадением или нет, но Священная война заставила Найюра пересмотреть первоначальный план: в Нансурской империи скульвендов убивали не думая, и потому Найюр намеревался ее обогнуть. Но теперь, когда фанимские правители Шайме должны были вот-вот увязнуть в войне, для них с Келлхусом остался лишь один способ добраться до Священного города – стать Людьми Бивня. Найюр понял, что им остается лишь присоединиться к Священному воинству, которое, если верить Серве, собиралось у города Момемна, самого сердца Нансурской империи, – то есть именно там, где ему нельзя было показываться. Кроме того, Найюр не сомневался, что теперь, когда они благополучно пересекли степь, Келлхус убьет его: дуниане не терпели никаких помех и никаких обязательств.

После спуска с гор Найюр поссорился с Келлхусом: тот заявил, что Найюр по-прежнему его использует. На глазах у перепуганной и потрясенной Серве двое мужчин сразились на вершине горы, и, хотя Найюру удалось удивить Келлхуса, дунианин с легкостью одолел скульвенда и поднял над обрывом, держа за горло. Желая доказать, что по-прежнему намерен соблюдать условия сделки, Келлхус пощадил Найюра. Он сказал, что Моэнгхус, прожив столько лет в миру, мог стать чересчур могущественным. Он сказал, что им потребуется вступить в армию, а он, в отличие от Найюра, ничего не знает о войне.

Несмотря на все дурные предчувствия, Найюр поверил Келлхусу, и они продолжили путь. Найюр видел, что Серве с каждым днем все сильнее влюбляется в Келлхуса. Это причиняло ему боль, но Найюр не желал в этом признаваться и говорил себе, что воинам нет дела до женщин, особенно до тех, которые захвачены в качестве добычи. Какая ему разница, что днем она принадлежит Келлхусу? Ночью она все равно достается ему, Найюру.

После тяжелого опасного пути они наконец-то добрались до Момемна, места сбора Священного воинства. Там их привели к одному из военачальников, конрийскому принцу Нерсею Пройасу. В соответствии с их планом, Найюр заявил, будто он – последний из утемотов и путешествует с Анасуримбором Келлхусом, князем северного города Атритау, который увидел Священное воинство во сне и возжелал к нему присоединиться. Но Пройаса куда больше заинтересовал сам Найюр, его знания о фаним и их способах ведения войны. Рассказы Найюра произвели на Пройаса сильное впечатление, и конрийский принц принял его со спутниками под свое покровительство.

Вскоре Пройас привел Найюра и Келлхуса на встречу предводителей Священного воинства с императором, где должна была решиться судьба Священной войны. Икурей Ксерий III отказывался снабдить Людей Бивня продовольствием, пока они не поклянутся, что все земли, отвоеванные у фаним, отойдут Нансурской империи. Шрайя Майтанет мог заставить императора дать продовольствие, но боялся, что Священному воинству не хватает пол-

ководца, способного одолеть фаним. Император предлагал на эту роль своего выдающегося племянника, Икурея Конфаса, прославившегося эффектной победой над скульвендами при Кийуте, – но опять же лишь в том случае, если предводители Священного воинства откажутся от притязаний на отвоеванные территории. И тогда Проиас предпринял дерзкий маневр: он предложил на роль главнокомандующего не кого иного, как Найюра. Вспыхнула яростная перепалка, и Найюру удалось взять верх над императорским племянником. Представитель шрайи приказал императору обеспечить Людей Бивня продовольствием. Священное воинство должно было вот-вот выступить.

В считанные дни Найюр превратился из беглеца в командующего величайшим войском, равного которому еще не видели в Трех Морях. Каково же было скульвенду, вынужденному поддерживать отношения с чужеземными принцами – людьми, которых он поклялся уничтожить! Как он страдал, видя, к чему ведет его месть!

Той ночью он смотрел, как Серве отдалась Келлхусу телом и душой, и размышлял над тем ужасом, который он принесет Священному воинству. Что Анасуримбор Келлхус – дунианин! – сделает с Людьми Бивня? А какая разница? – сказал себе Найюр. Главное, что Священное воинство движется к далекому Шайме. К Моэнгхусу и обещанию крови.

Анасуримбор Келлхус был дунианским монахом, которого отправили на поиски его отца, Анасуримбора Моэнгхуса.

С тех самых пор, как во время Первого Апокалипсиса, что случился две тысячи лет назад, дуниане обнаружили тайную цитадель верховных королей Куниюрии, они поселились там и жили вдали от мира, на протяжении поколений совершенствуя рефлекс и интеллект и непрестанно тренируя тело, мысли и лицо, – и все ради чистого разума, священного Логоса. Стараясь сделать себя совершенным выражением Логоса, дуниане превратили свое существование в борьбу с иррациональностями, влияющими на человеческий разум: историей, обычаями и страстями. Они верили, что именно так со временем вырвутся из тисков того, что называли Абсолютом, и станут истинно свободными душами.

Но теперь их поразительная изоляция подошла к концу. После тридцати лет изгнания один из дуниан, Анасуримбор Моэнгхус, вновь появился в их снах и потребовал, чтобы к нему прислали его сына. Келлхус предпринял труднейшее путешествие через земли, давно покинутые людьми; ему ведомо было лишь одно: его отец живет в далеком городе Шайме. Он зазимовал у охотника по имени Левет и обнаружил, что может читать мысли охотника по выражению его лица. Келлхус понял, что люди, рожденные в миру, – сущие младенцы по сравнению с дунианами. Он принялся экспериментировать и выяснил, что способен добиться от Левета чего угодно – любой любви, любого самопожертвования, – обходясь одними лишь словами. А ведь его отец провел среди подобных людей тридцать лет! Каковы же теперь пределы могущества Анасуримбора Моэнгхуса?

Когда в охотничьи угодья Левета вторглась банда шранков, существ нечеловеческой расы, людям пришлось спасаться бегством. Левет был ранен, и Келлхус бросил его шранкам, не испытывая ни малейших угрызений совести. Но шранки все равно догнали его, и Келлхус сразился с их вожаком, безумным Нелюдем, который едва не одолел дунианина при помощи магии. Келлхусу удалось бежать, но его терзали вопросы, на которые у него не было ответов. Его учили, что магия – не более чем суеверие. Неужто дуниане способны ошибаться? А тогда какие еще факты они проглядели или неверно оценили?

Через некоторое время Келлхус нашел убежище в древнем городе Атритау. Там он сумел организовать экспедицию, чтобы пересечь кишасшие шранками равнины Сускары. Келлхус проделал этот путь и пересек границу – лишь затем, чтобы его тут же взял в плен сумасшедший скульвендский вождь Найюр урс Скиоата, человек, знающий и ненавидящий его отца, Моэнгхуса.

Найюр знал дуниан, и поэтому им невозможно было манипулировать напрямую. Но Келлхус быстро понял, что может обернуть жажду мести, терзающую Найюра, к собственной выгоде. Он заявил, что его послали убить Моэнгхуса, и попросил скульвенда отправиться с ним. Снедаемый ненавистью Найюр неохотно согласился, и двое мужчин двинулись через степи Джюнаати. Келлхус снова и снова пытался завоевать доверие Найюра, чтобы завладеть его разумом, но варвар упорно сопротивлялся. Его ненависть и проницательность были слишком велики.

Затем, уже у самой границы Нансурской империи, они нашли наложницу по имени Серве, которая рассказала им о Священном воинстве, собирающемся в Момемне, – воинстве, которое намеревалось выступить на Шайме. Келлхус понял, что отец не случайно призвал его. Но что же Моэнгхус задумал?

Они перешли горы и вступили на земли империи. Келлхус видел, как у Найюра растет уверенность: он делается бесполезен. Найюр решил, что убить Келлхуса – почти то же самое, что убить Моэнгхуса, и напал на него. И потерпел поражение. Чтобы доказать скульвенду, что в нем все еще нуждаются, Келлхус пощадил его. Он понимал, что должен прибрать к рукам Священное воинство, но сам ничего не смыслил в военном деле.

Найюр знал Моэнгхуса и знал дуниан, и это превращало его в помеху. Но воинские навыки делали скульвенда бесценным. Чтобы заполучить эти знания, Келлхус принялся соблазнять Серве, используя девушку и ее красоту как обходной путь к истерзанному сердцу варвара.

Очутившись в землях империи, они наткнулись на патруль имперских кавалеристов, и их путешествие в Момемн превратилось в бешеную скачку. Когда они наконец добрались до лагеря Священного воинства, их тут же отвели к Нерсею Пройасу, наследному принцу Конрии. Чтобы пользоваться уважением среди Людей Бивня, Келлхус солгал и назвался князем Атритау. Пытаясь заложить основы будущей власти, он рассказал, будто его преследовали сны о Священной войне, – и, не распространяясь особо на эту тему, намекнул, что сны были ниспосланы Богом. Поскольку Пройаса куда больше заинтересовал Найюр – конриец тут же понял, как с помощью военного опыта скульвенда сорвать планы императора, – он вообще не обратил особого внимания на заявление Келлхуса. Единственным, у кого Келлхус вызвал серьезное беспокойство, был сопровождавший Пройаса адепт Завета Друз Ахкеймион – особенно его встревожило имя дунианина.

На следующий вечер Келлхус обедал вместе с колдуном и постарался обезоружить его при помощи чувства юмора и произвести впечатление, задавая нужные вопросы. Он много знал об Апокалипсисе и Консульте, и хотя он видел, что имя Анасуримбор внушает Ахкеймиону ужас, все равно попросил этого печального человека стать его учителем. Келлхус уже начал понимать, что у дуниан о многом были неверные представления – в том числе и о колдовстве. Ему столько всего необходимо было узнать, прежде чем он встретится лицом к лицу с отцом...

Было созвано последнее совещание, чтобы разрешить разногласия между предводителями Священного воинства, желающими выступить в поход, и императором Нансурии, который отказывался обеспечить их продовольствием. Келлхус, сидевший рядом с Найюром, изучал души присутствующих и прикидывал, кого каким образом можно поработить. Однако среди советников императора оказался один, по лицу которого Келлхус ничего не смог прочесть. Он осознал, что у этого человека поддельное лицо. Пока Икурей Конфас и айнритийские высокородные дворяне грызлись между собой, Келлхус изучал советника. Читая по губам его собеседников, Келлхус узнал, что его зовут Скеаос. Не может ли этот Скеаос быть агентом его отца?

Но прежде чем Келлхус успел прийти к какому бы то ни было выводу, император заметил, что дунианин внимательно наблюдает за его советником. И хоть Священное воинство

праздновало победу над императором, Келлхус был ошеломлен и сбит с толку. Никогда еще он не предпринимал столь глубокого исследования.

Той ночью он вступил в плотские отношения с Серве, продолжая терпеливо трудиться над уничтожением Найюра, чтобы затем уничтожить всех Людей Бивня. Где-то, за фальшивыми лицами, скрывалась призрачная фракция.

Далеко на юге Анасуримбор Моэнгхус ждал приближения бури.

«Здесь мы видим, как философия оказывается в том, что, по сути, является шатким положением, которое надлежит выправить как можно быстрее, даже несмотря на то, что его не поддерживает ничто ни на небе, ни на земле. Здесь философии надлежит продемонстрировать ее чистоту в качестве абсолютной опоры, а не только провозвестника законов, которые нашептывает навязанный извне разум или неизвестно какая охранительная природа».

Иммануил Кант, «Основы метафизики морали»

Часть I. Первый переход



Глава 1. Ансерка

«Неведение – это доверие».
Старинная куньюрская поговорка

4111 год Бивня, конец весны, к югу от Момемна

Друз Ахкеймион сидел, скрестив ноги, во тьме палатки: смутный силуэт, раскачивающийся взад-вперед и бормочущий тайные слова. Из рта его струился свет. Хотя между ним и Атьерсом лежало сейчас залитое лунным светом Менеанорское море, Ахкеймион шел по древним коридорам своей школы – шел среди спящих.

Не поддающаяся измерению геометрия снов никогда не переставала поражать и пугать Ахкеймиона. Было все-таки что-то чудовищное в мире, для которого не существовало понятия «далеко», где расстояния растворялись в пене слов и страстей. Какое-то незнание, которое невозможно преодолеть.

Погружаясь в один кошмар за другим, Ахкеймион в конце концов нашел того человека, которого искал. В своем сне Наутцера сидел в кровавой грязи и баюкал на коленях мертвого короля. «Наш король мертв! – вскричал Наутцера голосом Сесватхи. – Анасуримбор Кельмомас мертв!»

Чудовищный, сверхъестественный рев ударил по барабанным перепонкам. Ахкеймион скорчился, пытаясь заслониться от исполинской тени.

Враку... Дракон.

Те, кто еще стоял, зашатались под волнами рева; те, кто упал, замахали руками. Воздух разорвали крики ужаса, а затем на Наутцера и королевскую свиту обрушился водопад кипящего золота. Время крика закончилось. Зубы трескали. Тела разлетались, словно головни из костра, который кто-то ударил ногой.

Ахкеймион повернулся и увидел Наутцера посреди дымящегося поля. Защищенный берегами, колдун положил мертвого короля на землю, шепча слова, которые Ахкеймион не мог расслышать, но они не раз снились ему самому: «Отврати очи своей души от этого мира, друг мой... Отвернись, чтобы сердце твое более не рвалось...»

Дракон с грохотом, словно рухнула осадная башня, опустился на землю, подняв тучу дыма и пепла. С лязгом захлопнул челюсти, огромные, словно решетка на крепостных воро-

тах. Расправил крылья размером с паруса военных галер. На блестящей черной чешуе играли отсветы пламени от горящих трупов.

– Наш господин, – проскрежетал дракон, – вкусил кончину твоего короля и сказал: «Готово».

Наутцера встал перед золоторогой мерзостью.

– Нет, Скафра! – крикнул он. – Пока я дышу – нет! Никогда!

Смех – словно хрип тысячи умирающих. Великий дракон навис над колдуном, выставив напоказ ожерелье из дымящихся человеческих голов.

– Твое искусство не спасет тебя, колдун. Твое племя уничтожено. Наша ярость разбила его вдребезги, словно глиняный горшок. Земля красна от крови твоих сородичей, и вскоре тебя окружают враги с тугими луками и острой бронзой. Теперь ты раскаиваешься в своей глупости? Жалеешь, что не унизился перед нашим господином?

– Так, как ты, могучий Скафра? Унизиться, как могущественный Тиран Облаков и Гор? Ртутные глаза дракона на миг затянула пленка третьего века.

– Я – не Бог.

Наутцера мрачно усмехнулся. Сесватха же произнес:

– Так же, как и ваш господин.

Топот огромных ног, скрежет железных зубов. Крик, исторгнутый пышущими жаром легкими, глубокий, словно стон океана, и пронзительный, как вопль младенца.

Не испугавшись рушащейся на него туши дракона, Наутцера внезапно повернулся к Ахкеймиону. На лице его появилось недоумение.

– Кто ты такой?

– Один из тех, кто делит с тобою сны...

На миг они сделались похожи на двух утопающих: две души, бьющиеся в судорогах и сражающиеся за глоток воздуха... Затем пришла тьма. Безмолвное ничто, пристанище людских душ.

«Наутцера... Это я».

Место чистого голоса.

«Ахкеймион! Этот сон... Он так часто мучает меня в последнее время... Где ты? Мы боялись, что ты умер».

Беспокойство? Наутцеру беспокоит его судьба, его, Ахкеймиона, которого он презирует, как никого из чародеев? Но тогда, получается, Сны Сесватхи – это способ избавиться от мелочной вражды...

«При Священном воинстве, – отозвался Ахкеймион. – Борьба с императором завершена. Священное воинство выступило на Киан».

Эти слова сопровождались образами: Пройас, обращающийся к восторженной толпе вооруженных конрийцев; бесконечные corteжи знатных дворян и их челяди; разноцветные знамена тысяч танов и баронов; взгляд издалека на нансурскую армию, марширующую среди виноградников и полей безукоризненными колоннами...

«Итак, это началось, – решительно произнес Наутцера. – А Майтанет? Удалось ли тебе узнать о нем побольше?»

«Я думал, что мне поможет Пройас, но я ошибался. Он принадлежит Тысяче Храмов... Майтанету».

«Неладное что-то с твоими учениками, Ахкеймион. Почему они все превращаются в наших врагов, а?»

Легкость, с которой Наутцера вернулся к своему обычному сарказму, одновременно и уязвила Ахкеймиона, и принесла ему странное облегчение. Скоро старому магистру потребуется весь его ум и все остроумие.

«Наутцера, я видел их».

Вспышка: Скеаос – нагой, скованный, извивающийся в пыли.

«Кого ты видел?»

«Консульт. Я видел их. Я теперь знаю, как они ускользали от нас все эти бесчисленные годы».

Лицо разжимается, словно кулак скупца, отдающего золотой энсолярий.

«Ты что, пьян?»

«Они здесь, Наутцера. Среди нас. И всегда были здесь».

Пауза.

«О чем ты говоришь?»

«Консульт не отступился от Трех Морей».

«Консульт...»

«Да! Смотри!»

Новые картины, реконструкция безумия, разразившегося в недрах Андияминских Высот. Дьявольское лицо разворачивается, снова и снова.

«Без применения магии, Наутцера. Понимаешь? У этого человека не было Метки! Мы не сумеем разглядеть этих оборотней за теми, кем они прикидываются...»

Хотя после смерти Инрау Ахкеймион еще сильнее возненавидел Наутцера, он все-таки обратился к магистру, потому что Наутцера был фанатиком, единственным человеком, достаточно склонным к экстремизму, чтобы трезво оценить всю чрезвычайность ситуации.

«Текне... – произнес Наутцера, и Ахкеймион впервые услышал в его голосе страх. – Древняя наука... Это она! Ахкеймион, другие тоже должны это увидеть! Пошли этот сон остальным, прошу тебя!»

«Но...»

«Что – но? Что, еще что-то стряслось?»

Еще как стряслось. Вернувшийся Анасуримбор, живой потомок мертвого короля, только что снившегося Наутцере.

«Да нет, ничего существенного», – отозвался Ахкеймион.

Почему он так сказал? Почему он скрывает существование Анасуримбора Келлхуса от Завета? Почему защищает...

«Хорошо. Я и это едва в состоянии переварить... Наш древний враг наконец-то обнаружен! Он скрывается за живыми лицами! Если ему удалось пробраться в императорский двор, в самые высокие круги, значит, он может проникнуть почти везде, Ахкеймион. Везде! Пошли этот сон всему Кворуму! Пусть весь Атьерс содрогнется этой ночью!»

Рассвет казался мощным и дерзким, и Ахкеймиону невольно подумалось: может, он всегда выглядит таким, когда его приветствуют тысячи копий? Первые солнечные лучи вынырнули из-за фиолетового края земли, залил склоны холмов и ряды деревьев бодрящим утренним светом. Согианский тракт, древняя прибрежная дорога, существовавшая еще до Кенейской империи, уходила на юг, прямая, словно стрела, и терялась вдали, в холмах. По ней устало брела колонна людей в доспехах, а сзади тащился обоз; сбоку от колонны ехал отряд конных рыцарей. Там, где до солдат дотянулись солнечные лучи, на пастбище падали длинные тени.

Это зрелище изумило Ахкеймиона.

Заботы, столь долго заполнявшие собою его дни, померкли перед ужасом сегодняшней ночи. То, что он видел глазами Сесватхи, никак не соотносилось с миром бодрствования. Конечно же, мир дневного света мог причинить ему боль, мог даже убить, но все это казалось мышинной возней.

До нынешнего момента.

Вокруг, насколько хватало глаз, рассеялись Люди Бивня, теснясь вокруг дороги, словно муравьи вокруг яблочной шкурки. Вон отряд верховых скачет к далекой гряде холмов. А вон сломанная повозка торчит среди чащи обтекающих ее со всех сторон копий, словно лодка, севшая на мель. Кавалеристы галопом несутся через цветущие рощи. Местные юнцы что-то вопят с верхушек молодых берез. Вот это картина! И ведь это – лишь частица их истинной мощи.

Вскоре после того, как Священное воинство покинуло Момемн, оно распалось на отдельные армии, возглавляемые Великими Именами. Если верить Ксинему, причиной тому отчасти была предусмотрительность – по отдельности им будет легче прокормиться, если император нарушит слово и не даст продовольствия, – а отчасти упрямство: айнритийские дворяне просто не смогли договориться, каким путем лучше двигаться к Асгилиоху.

Пройас настаивал на побережье; он намеревался идти на юг по Согианскому тракту до его конечной точки, а уже оттуда свернуть на запад, к Асгилиоху. Прочие Великие Имена – Готьелк со своими тидонцами, Саубон с галеотами, Чеферамунни с айнонами и Скайельт с туньерами – отправились прямо через поля, виноградники и сады густонаселенной Кира-нейской равнины, думая про себя, что Пройас слишком уж привык хитрить и петлять, вместо того чтобы идти напрямую. Но древние кенейские дороги представляли собой обычные разбитые колеи, а командующие просто понятия не имели, насколько быстрее можно передвигаться по мощеному тракту...

При их нынешней скорости, сказал Ксинем, конрийцы доберутся до Асгилиоха намного раньше остальных. И хотя Ахкеймиону это внушало беспокойство – как они смогут выиграть войну, если обычный поход наносит им поражение? – Ксинем, похоже, был уверен, что это хорошо. Они не только завоюют славу своему народу и своему принцу, но еще и дадут другим хороший урок. «Даже скульвенды, и те знают, на кой хрен на свете дороги!» – воскликнул маршал.

Ахкеймион тащился вместе с мулом по обочине, окруженный скрипящими телегами. С первого же дня пути ему приходилось прятаться в обозе. Если колонны марширующих солдат походили на передвижные казармы, то обозы напоминали скотный двор на колесах. Запах домашнего скота. Скрип несмазанных осей. Ворчание мужиков с пудовыми кулаками и пудовыми сердцами, время от времени сопровождающееся щелканьем кнутов.

Ахкеймион смотрел на ноги; от раздавленной травы пальцы сделались зелеными. Он впервые задался вопросом: а почему он прячется в обозе? Сесватха всегда ехал по правую руку королей, принцев и генералов. Так почему же он этого не делает? Хотя Пройас продолжал хранить видимость безразличия, Ахкеймион знал, что он бы смирился с его обществом – хотя бы ради Ксинема. Да и какой ученик в смутное время не желает втайне, чтобы его старый наставник оказался рядом?

Так почему же он тащится в обозе? Что это – привычка? В конце концов, он – шпион со стажем, а смирение в стесненных обстоятельствах – лучшая на свете маскировка. Или это ностальгия? Этот поход почему-то напоминал Ахкеймиону, как он в детстве шел следом за отцом к лодке: голова гудит от недосыпа, песок холодный, а море темное и по-утреннему теплое. Неизменный взгляд на восток: там уже сереет рассвет, обещаая явление сурового солнца. Неизменный тяжелый вздох, с каким он примирялся с неизбежным, с тяготами, превратившимися в ритуал, который люди называют работой.

Но какое утешение дают подобные воспоминания? Наркотики не смягчают боль, они лишь вызывают оцепенение.

Затем Ахкеймион понял: он ехал среди скота и всякого барахла не по привычке и не из ностальгии, а из отвращения.

«Я прячусь, – подумал он. – Прячусь от него...»

От Анасуримбора Келлхуса.

Ахкеймион замедлил шаг и потянул мула с обочины на луг. От холодной росы тут же заболели ноги. Телеги продолжали катиться мимо бесконечным потоком.

«Я прячусь...»

Похоже, он все чаще ловит себя на том, что действует, исходя из каких-то невнятных причин. Рано ложится спать, но не потому, что устал за время дневного перехода – как он сам себе говорит, – а потому, что боится испытующих взглядов Ксинема, Келлхуса и всех остальных. Смотрит на Серве, и не потому, что она напоминает ему Эми – как он сам себе говорит, – а потому, что его беспокоит то, как она смотрит на Келлхуса: с таким видом, будто что-то знает...

А теперь еще и это.

«Я что, схожу с ума?»

Он ловил себя на том, что без причины хихикает вслух. Проводил рукой по лицу, чтобы проверить, не плачет ли он. Каждый раз лишь потрясенно бормотал: ну, мало есть на свете более привычных вещей, чем узреть в себе незнакомца. А кроме того, что еще он мог подделывать? Заново обнаруженный Консулт – уже одного этого было вполне достаточно, чтобы шагнуть за грань безумия. Но подозрение – нет, уверенность – в том, что начинается Второй Апокалипсис... И нести такое знание в одиночку!..

Разве эта ноша под силу такому человеку, как он?

Раньше Ахкеймион боялся, что Келлхус предвещает возрождение Не-бога. Колдун не стал докладывать о нем, потому как точно знал, что сделает Наутцера и прочие. Они вцепятся в него, словно шакалы в кость, и будут глотать и грызть его до тех пор, пока он не треснет. Но то происшествие под Андияминскими Высотами...

Все изменилось. Изменилось бесповоротно.

Консулт много лет был всего лишь тягостной абстракцией. Как там про них говорил Инрау? Грехи отцов... Но теперь – теперь! – они стали реальны, словно лезвие ножа. И Ахкеймион больше не боялся, что Келлхус возвещает Апокалипсис, – он это знал.

Оказалось, что знать – куда хуже.

Ну и зачем он продолжает прятаться от этого человека? Анасуримбор вернулся. Кельмомасово пророчество исполнилось! Через считанные дни Три Моря растают, как тот мир, в котором он страдает каждую ночь. И однако же Ахкеймион ничего не говорит – ничего! Почему? Ему случалось замечать, что некоторые люди отказываются признавать такие вещи, как болезнь или неверность, будто факт нуждается в признании, чтобы стать реальностью. Уж не этим ли он сейчас занимается? Он что, думает, если держать существование Келлхуса в секрете, это каким-то образом сделает самого человека менее реальным? Что можно предотвратить конец мира, зажмурившись покрепче?

Это слишком. Просто слишком. Завет должен об этом узнать, невзирая на последствия.

«Я должен им сказать... Сегодня я должен им сказать».

– Ксинем сказал, что я найду тебя в обозе, – донесся из-за спины Ахкеймиона знакомый голос.

– Что, правда? – отозвался Ахкеймион, удивившись неуместной веселости, прозвучавшей в его голосе.

Келлхус улыбнулся.

– Он сказал, что ты предпочитаешь шагать по свежему дерьму, а не по старому.

Ахкеймион пожал плечами, стараясь не измениться в лице.

– Так ногам теплее. А твой скюльвендский друг?

– Едет вместе с Проясом и Ингиабаном.

– Ага. А ты, значит, решил снизойти до меня.

Он уставился на сандалии северянина.

– Ну, от этого идти не меньше...

Кастовые дворяне не ходят пешком. Они ездят на лошади. Келлхус был князем, хотя, подобно Ксинему, с легкостью заставлял окружающих позабыть о своем статусе.

Келлхус подмигнул.

– Я подумал, что мне для разнообразия неплохо будет проехаться на своих двоих.

Ахкеймион рассмеялся; у него было такое ощущение, словно он надолго затаил дыхание – и только сейчас выдохнул. С первой их встречи под Момемном Келлхус вызывал у него именно это чувство – как будто к нему возвращается возможность дышать полной грудью. Когда он упомянул об этом при Ксинеме, маршал лишь пожал плечами и сказал: «Всякий рано или поздно пернет».

– А кроме того, – продолжал Келлхус, – ты обещал меня учить.

– Что, правда?

– Правда.

Келлхус схватил веревку, привязанную к грубой уздечке мула. Ахкеймион вопросительно взглянул на него.

– Что ты делаешь?

– Я – твой ученик, – пояснил Келлхус, проверяя, надежно ли закреплены сумки на муле. – Наверняка ты и сам в молодости водил мула своего наставника.

Ахкеймион неуверенно улыбнулся.

Келлхус погладил мула по шее.

– Как его зовут? – поинтересовался он.

Банальность этого вопроса почему-то потрясла Ахкеймиона – до ужаса. Никому – ни единому человеку – до сих пор не приходило в голову об этом спросить. Даже Ксинему.

Келлхус заметил его колебания и нахмурился.

– Ахкеймион, что тебя беспокоит?

«Ты...»

Колдун отвернулся и уставился на бесконечные колонны вооруженных айнрити. Голова гудела от шума.

«Он читает меня, словно развернутый свиток...»

– Это что, настолько... Насколько заметно? – спросил Ахкеймион.

– А это важно?

– Важно! – отрезал Ахкеймион, сморгнул слезы и снова повернулся к Келлхусу.

«Так, значит, я плачу! – отчаянно заныло что-то у него в душе. – Так, значит, я плачу!»

– Айенсис, – продолжал он, – некогда сказал, что все люди – обманщики. Некоторые, мудрые, дурачат только других. Другие, глупые, дурачат только себя. И мало кто дурачит и себя, и других – из таких-то людей и получаются правители... Но куда тогда отнести таких людей, как я, Келлхус? Как насчет людей, которые не дурачат никого?

«И я еще называю себя шпионом!»

Келлхус пожал плечами.

– Возможно, они ниже дураков и выше мудрецов.

– Возможно, – отозвался Ахкеймион, стараясь напустить на себя задумчивый вид.

– Так что же тебя беспокоит?

«Ты...»

– Рассвет, – сказал Ахкеймион и потрепал мула по морде. – Его зовут Рассвет.

Для адепта школы Завета не было имени счастливее.

...Преподавание всегда что-то ускоряло в Ахкеймионе. От него, как от черного чая из Нильнамеша, кожу начинало покалывать, а душа пускалась вскачь. Конечно, тут было что-то от обычного тщеславия человека знающего, от гордости человека, видящего дальше других. Но была и радость, которую чувствуешь, когда чьи-то юные глаза вспыхивают пониманием, когда осознаешь, что кто-то *видит*. Быть учителем – все равно что заново стать учеником,

пережить опьянение прозрения, и стать пророком, и набросать мир заново, с самого основания, – не просто вырвать зрение у слепоты, но и потребовать, чтобы узрели другие.

И неотъемлемой частью этого требования было доверие, такое опрометчивое и отчаянное, что Ахкеймиону делалось страшно, когда он над этим задумывался. Ведь это же чистое безумие, когда один человек говорит другому: «Пожалуйста, суди меня...»

Быть учителем – значит быть отцом.

Но в случае с Келлхусом все оказалось совершенно не так. В последующие дни, пока конрийское воинство продвигалось все дальше на юг, они с Ахкеймионом шли рядом, беседуя на всевозможные темы, от флоры и фауны Трех Морей до философов, поэтов и королей Ближней и Дальней Древности.

Ахкеймион не придерживался никакого учебного плана – это было бы непрактично в подобных обстоятельствах; он пользовался методом Айенсиса и просто позволял Келлхусу удовлетворять свое любопытство. Он просто отвечал на вопросы. И рассказывал истории.

Впрочем, вопросы Келлхуса были более чем проницательны – настолько проницательны, что вскоре уважение, которое внушал Ахкеймиону его интеллект, сменилось благоговейным страхом. О чем бы ни шла речь – о политике, философии или поэзии, – князь безошибочно проникал в самую суть. Когда Ахкеймион изложил основные тезисы древнего куниюрского мыслителя Ингосвиту, Келлхус, задавая один уточняющий вопрос за другим, вскорости воспроизвел критические статьи Айенсиса, хоть и утверждал, что никогда не читал работ киранейца. Когда Ахкеймион описал беспорядки, охватившие Кенейскую империю в конце третьего тысячелетия, Келлхус опять же принялся донимать его вопросами – на многие из которых Ахкеймион ответить не мог, – касающимися торговли, денежного обращения и социальной структуры. А затем, через считанные минуты, предложил объяснение ситуации, наилучшее из всех, какое только приходилось читать Ахкеймиону.

– Но как? – однажды, не удержавшись, выпалил Ахкеймион.

– Что – как? – удивился Келлхус.

– Как тебе... как тебе удастся все это увидеть? Как я ни вглядываюсь...

– А! – Келлхус рассмеялся. – Ты начинаешь говорить в точности как учителя, которых ко мне приставлял отец.

Он обращался с Ахкеймионом одновременно и смиренно, и до странности снисходительно, как будто уступал в чем-то властному, но любимому сыну. Солнечные лучи позолотили его волосы и бороду.

– Просто у меня такой талант, – пояснил он. – Только и всего.

Ничего себе талант! Скорее уж то, что древние называли «носчи» – гений. Было нечто необычное в самом мышлении Келлхуса, некая неизъяснимая подвижность, с которой Ахкеймион никогда прежде не сталкивался. Нечто такое, из-за чего северянин иногда казался человеком другой эпохи.

В общем, большинство людей от природы были узколобы и замечали лишь то, что им льстило. Они все, почти без исключения, считали, что их ненависть и их страстные желания правильны, невзирая на все противоречия – просто потому, что они чувствуют, что это правильно. Почти все ценили привычный путь выше истинного. В том и заключалась доблесть ученика, чтобы хоть на шаг сойти с наезженной дорожки и рискнуть приблизиться к знанию, которое угнетало и нагоняло ужас. И все равно Ахкеймион, подобно любому учителю, тратил на выкорчевывание предрассудков почти столько же времени, сколько на насаждение истины. В конце концов, все души упрямы.

А вот с Келлхусом дело обстояло иначе. Он ничего не отметал с порога. Для него всякая – абсолютно всякая – возможность заслуживала рассмотрения. Возникало ощущение, будто его душа движется вообще без путей – над ними. Лишь истина вела его к выводам.

Вопросы следовали за вопросами; они били в точку, они затрагивали ту или иную тему так мягко, но при этом так упорно и тщательно, что Ахкеймион сам поражался тому, как много он знает. Больше всего это походило на то, будто Ахкеймион, подгоняемый терпеливыми расспросами Келлхуса, совершает экспедицию по собственной жизни, которую сам по большей части позабыл.

Келлхус спрашивал про Мемгову, древнего зеумского мудреца, который в последнее время сделался чрезвычайно модным среди образованной части айнритийского кастового дворянства. Ахкеймион вспоминал, как читал его «Небесные афоризмы» при свечах на приморской вилле Ксинема, наслаждаясь экзотическими оборотами и зеумской эмоциональностью Мемговы и слушая, как за закрытыми ставнями ветер проносится по саду и сливы падают на землю с глухим стуком, словно железные.

Келлхус спрашивал про его толкование Войн магов, и Ахкеймион вспоминал, как спорил с собственным наставником, Симасом, на черных парапетах Атьерса, как считал себя необычайно одаренным и проклинал негибкость стариков. Как он ненавидел тогда эти высоты!

Вопрос сменялся вопросом. Келлхус никогда не повторялся. Он ни о чем не спрашивал дважды. И с каждым ответом Ахкеймиону все сильнее казалось, что он обменивает предположения на истинное озарение и абстракции на воскрешенные моменты своей жизни. Он понял, что Келлхус учится и одновременно с этим учит сам. У Ахкеймиона никогда еще не было такого ученика. Ни Инрау, ни даже Пройас не были такими. Чем больше он отвечал на вопросы этого человека, тем сильнее казалось, что Келлхус знает ответ на главный вопрос его собственной жизни.

«Кто я? – часто думал Ахкеймион, прислушиваясь к мелодичному голосу Келлхуса. – Что ты видишь?»

А затем Келлхус начал расспрашивать его о Древних войнах. Ахкеймиону, как и большинству адептов Завета, легко было упоминать об Апокалипсисе – и трудно его обсуждать. Очень трудно. Конечно, дело было в заново переживаемом ужасе. Чтобы говорить об Апокалипсисе, требовалось переложить жесточайшее горе в слова – непосильная задача. А еще к этому примешивался стыд, как будто он потворствовал некой унижительной навязчивой идее. Слишком уж многие над этим смеялись.

Но с Келлхусом все осложняла еще и кровь, текущая в его жилах. Он был Анасуримбором. Как рассказывать о конце света его невольному вестнику? Иногда Ахкеймион опасался, что его стошнит от такой иронии. А еще он постоянно думал: «Моя школа! Почему я предаю мою школу?»

– Расскажи мне про Не-бога, – попросил однажды Келлхус.

Как это часто случалось, когда они пересекали ровный луг, колонны сходили с дороги и рассыпались по траве. Некоторые солдаты даже снимали сандалии или сапоги и плясали, как будто, скинув лишнюю тяжесть с ног, обрели второе дыхание. Ахкеймион как раз смеялся над ужимками плясунов, и просьба Келлхуса застала его врасплох.

Его передернуло. Еще не так давно это имя – Не-бог – упоминалось как нечто далекое и мертвое.

– Ты родом из Атритау, – отозвался Ахкеймион, – и ты хочешь, чтобы я рассказал тебе о Не-боге?

Келлхус пожал плечами.

– Да, мы читали «Саги», как и вы. Наши барды, как и ваши, распевали бесчисленные лэ. Но ты... Ты это все видел.

«Нет, – захотелось сказать Ахкеймиону, – это видел Сесватха. Сесватха».

Вместо этого он уставился вдаль, собираясь с мыслями.

«Ты это все видел. Ты...»

– У него, как тебе, вероятно, известно, много имен. Жители древней Куниюрии называли его Мог-Фарау, откуда и происходит наше «Не-бог». На древнекиранейском он именуется просто Цурумах, «Ненавистный». Нелюди Ишариола называли его со своеобразной поэтичностью, вообще свойственной их именам, Кара-Скинуримой, «Ангел беспредельного голода»... Точные имена. Мир никогда не знал большего зла... Большой опасности.

– Так что же он такое? Нечистый дух?

– Нет. По этому миру бродило множество демонов. Если слухи о Багряных Шпилях истинны, некоторые бродят до сих пор. Нет, он больше и в то же время меньше...

Ахкеймион умолк.

– Возможно, – предположил князь Атритау, – нам не следует говорить...

– Я *видел* его, Келлхус. Я видел его, насколько это по силам человеку... Неподалеку отсюда, на равнине Менгедда, разбитые войска киранейцев и их союзников заново подняли знамена, решив умереть в схватке с Врагом. Это было две тысячи лет назад.

Ахкеймион горько рассмеялся и опустил голову.

– Я забыл...

Келлхус внимательно наблюдал за ним.

– Что ты забыл?

– Что Священное воинство должно пройти через Менгедду. Что я вскоре вступлю на землю, которая видела смерть Не-бога...

Он взглянул на южные холмы. Вскоре на горизонте появятся горы Унарас, граница мира айнрити. А за ними...

– Как я мог позабыть?

– Многое нужно помнить, – сказал Келлхус. – Слишком многое.

– А это означает, что слишком многое было забыто! – огрызнулся Ахкеймион, не желая прощать себе эту оплошность.

«Мне нужен мой разум! Весь мир...»

– Ты слишком... – начал было Келлхус, но умолк.

– Что – слишком? Слишком груб? Ты не понимаешь, что это было! На протяжении одиннадцати лет – одиннадцати лет, Келлхус! – все младенцы рождались мертвыми! С момента пробуждения Не-бога каждое чрево стало могилой... И все его *чувствовали* – каждый, где бы он ни находился. Это был ужас, который постоянно, ежесекундно присутствовал в каждом сердце. Стоило лишь взглянуть на горизонт, и человек сразу понимал, где находится *он*. Он был тенью, знаком судьбы... Север превратился в пустыню – я не стану пересказывать этот кошмар. Мехтсонк, могучая столица Киранеи, была повержена несколькими месяцами раньше. Все дома были разрушены. Все идола разбиты. Все жены подверглись насилию. Все великие народы пали... Как мало осталось, Келлхус! Сколь немногие уцелели! Киранейцы с их вассалами и союзниками-южанами ожидали Врага. Сесватха стоял по правую руку великого короля Киранеи, Анаксофуса V. Они были верными друзьями и подружались много лет назад, когда Кельмомас созвал всех лордов Эарвы на свою Ордалию, обреченную Священную войну – он хотел уничтожить Консулт прежде, чем те сумеют разбудить Цурумаха. Они вместе следили за его приближением...

«Цурумах...»

Ахкеймион вдруг смолк, повернувшись к северу.

– Вообрази, – сказал он, поднимая руки к небу. – Точно такой же день, воздух напоен ароматом полевых цветов... Вообрази! И вдруг – пелена грозowych туч, от одного края неба до другого, черных, словно вороново крыло, – они, клубясь, заполняют собой небосвод и катятся на нас, словно горячая кровь по стеклу. Я помню росчерки молний, разрывающих небо над холмами. А под сенью бури на восток и на запад галопом скачут бесчисленные отряды

скюльвендов, намереваясь обойти нас с флангов. А за ними мчатся, словно псы, легионы шранков и воют, воют!..

Келлхус дружески положил руку ему на плечо.

– Тебе вовсе не обязательно рассказывать мне об этом, – сказал он.

Ахкеймион посмотрел на него в упор, смаргивая слезы.

– Нет, обязательно, Келлхус. Мне необходимо, чтобы ты знал. Ведь для этого я и нужен – более, чем когда бы то ни было... Ты понимаешь?

Келлхус кивнул. Глаза его блестели.

– Тьма напозла на нас, – продолжал Ахкеймион, – поглотив солнце. Скюльвенды ударили первыми: конные лучники принялись осыпать нас стрелами, а отряды копейщиков в бронзовых доспехах тем временем врезались нам во фланги. Когда ливень стрел иссяк и лучники отошли, весь мир заполонили шранки. Их было бесчисленное количество; завернутые в человеческую кожу, они неслись по холмам, сквозь высокие травы. Киранейцы опустили копья и подняли большие щиты. Нет таких слов, Келлхус, чтобы описать ужас и решимость, которые двигали нами. Мы сражались с дерзостью обреченных, стремясь лишь к одному: чтобы наш последний вздох был плевром в лицо Врагу. Мы не пели гимнов, не читали молитв – мы давно от них отреклись. Вместо них мы пели погребальные песни по самим себе, горькие погребальные плачи по нашему народу, нашей расе. Мы знали, что единственной нашей посмертной славой будет та дань жизнями, которую мы соберем с врагов. А затем из туч на нас обрушились драконы. Драконы, Келлхус! Враку. Древний Скафра, чья шкура несла на себе шрамы тысячи битв. Величественные Скутула, Скогма, Гхосет. Все, кого не доконали стрелы и магия Древнего Севера. Маги Кираней и Шайгека шагнули в небо и сразились с тварями.

Взгляд Ахкеймиона был устремлен куда-то вдаль. Он видел прошлое.

– К югу отсюда, совсем не далеко, – сказал он, покачивая головой. – Две тысячи лет назад.

– И что произошло потом?

Ахкеймион взглянул на Келлхуса.

– Невероятное. Я... нет, Сесватха... Сесватха поверг Скафру. Скутула Черный бежал прочь, весь израненный. Киранейцы и их союзники стояли неколебимо, словно волнолом против вздыбившегося моря, и отражали одну черную волну за другой. На мгновение мы почти посмели обрадоваться. Почти...

– А потом пришел он, – сказал Келлхус.

Ахкеймион сглотнул и кивнул.

– Потом пришел он... Мог-Фарау. Во всяком случае, в этом отношении автор «Саг» написал правду. Скюльвенды отошли; напор шранков ослабел. По их рядам пронесся пронзительный скрежет, переросший в нестерпимый вопль. Башраги принялись колотить по земле своими молотами. Клубящаяся тьма, затянувшая горизонт, превратилась в огромный смерч – как будто небо и землю связала черная пуповина. И все знали. Все просто *знали*. Не-бог приближался. Мог-Фарау шел, и мир содрогался. Шранки принялись визжать. Многие бросались на землю, пытались выцарапать себе глаза... Я помню, что мне тяжело было дышать... Я сел в колесницу Анакки – Анаксофуса, и я помню, как он держал меня за плечи. Я помню, он что-то кричал, но я не мог его расслышать... Наши лошади пятились и дико ржали. Люди вокруг нас падали на колени, зажимая уши. На нас накатывались огромные тучи пыли...

А потом раздался голос, говорящий глотками сотен тысяч шранков.

ЧТО ТЫ ВИДИШЬ?

Я не понимаю...

МНЕ НУЖНО ЗНАТЬ, ЧТО ТЫ ВИДИШЬ.

Смерть. Ужасную смерть!

ГОВОРИ.

Даже ты не сможешь спрятаться от того, чего не знаешь! Даже ты!

ЧТО Я ТАКОЕ?

– Обреченный, – прошептал Сесватха, отвечая грому.

Он вцепился в плечо великого короля Киранеи.

– Давай, Анаксофус! Бей!

Я НЕ МОГУ ВИ...

Через Карапас, вращаясь над холмами, пронеслась сверкающая серебряная нить. Треск, от которого из ушей пошла кровь. Обломки, хлынувшие дождем. Исполненный боли вой, вырвавшийся из бесчисленных нечеловеческих плоток.

Смерч исчез, словно дымок задутой свечи, – немного повращался и развеялся.

Сесватха упал на колени, рыдая от горя и ликования. Невероятно! Невероятно! Анаксофус выронил Копье-Цаплю и обнял его за плечи...

– Ахкеймион, с тобой все в порядке?

Ахкеймион? Кто такой Ахкеймион?

– Пойдем, – сказал Келлхус. – Вставай.

Сильные руки незнакомца. А где Анаксофус?

– Ахкеймион!

«Снова. Это происходит снова».

– Что?

– Что такое Копье-Цапля?

Ахкеймион не ответил. Он не мог. Вместо этого он довольно долго шел молча, вспоминая, что предшествовало моменту, когда эта история завладела им, и размышляя над ужасающей потерей себя и ощущения времени – почему-то казалось, будто это в некотором смысле одно и то же. Потом он подумал о Келлхусе, спокойно идущем рядом. Адепты Завета часто упоминали о том, как был повержен Не-бог, но редко рассказывали эту историю. По правде говоря, Ахкеймион вообще не припоминал, чтобы хоть кому-то ее рассказывал – даже Ксинеу. И однако же Келлхусу он все выложил по первому требованию. Почему?

«Он что-то со мной делает».

Ахкеймион поймал себя на том, что ошеломленно пялится на этого человека, с прямой сонного ребенка.

«Кто ты?»

Келлхус ответил таким же прямым взглядом; его это несколько не смутило – казалось, для него подобные вещи слишком незначительны. Он улыбнулся Ахкеймиону так, словно тот и вправду был ребенком, невинным существом, неспособным желать зла. Этот взгляд напомнил Ахкеймиону Инрау, который так часто видел в нем того, кем Ахкеймион не являлся, – а именно хорошего человека.

Ахкеймион отвел взгляд. У него болело горло.

«Должен ли я выдать и тебя?»

Ученика, подобного которому нет.

Группка солдат затянула гимн в честь Последнего Пророка; смех и гомон стих – окружающие подхватили песню. Келлхус вдруг остановился и опустился на колени.

– Что ты делаешь? – спросил Ахкеймион более резко, чем хотелось.

– Снимаю сандалии, – отозвался князь Атритау. – Давай пройдемся босиком, как остальные.

Не петь вместе с остальными. Не радоваться с ними. Просто пройти.

Позднее Ахкеймион осознает, что это были уроки. Пока Ахкеймион учил Келлхуса, тот непрестанно учил Ахкеймиона. Он был почти уверен в этом, хотя понятия не имел, что же это могут быть за уроки. Возможно, доверия. Или, быть может, открытости. Каким-то

образом Ахкеймион, наставляя Келлхуса, сам сделался учеником, хоть и иного рода. Единственное, что он знал наверняка, так это то, что его образование неполно.

Но по мере того, как шли дни, это открытие лишь усугубляло его страдания. Однажды Ахкеймион трижды за ночь готовил Призывные Напевы, но все заканчивалось лишь невнятными ругательствами и попреками. Он должен все рассказать Завету, своей школе – своим братьям! Анасуримбор вернулся! Кельмомасово пророчество – не просто часть Снов Сесватхи. Многие видели его, достигнув зенита, и узрели в нем причину того, что Сесватха ушел из жизни в кошмары своих учеников. Великое предостережение. И однако же он, Друз Ахкеймион, колебался – нет, не просто колебался, он рисковал. Сейен милостивый... Он рисковал своей школой, своей расой, своим миром ради человека, которого знал без году неделя.

Что за безумие! Он бросил на чашу весов конец света! Обычный человек, слабый и глупый, – кто он такой, Друз Ахкеймион, чтобы брать на себя подобный риск? По какому праву он взвалил на себя эту ношу? По какому праву?

«Еще один день, – подумал он, дергая себя за бороду и за волосы. – Еще один день...»

Келлхус отыскал его, когда все покидали лагерь, наутро после того, как Ахкеймион принял решение, и, несмотря на хорошее настроение и юмор Келлхуса, прошел не один час, прежде чем Ахкеймион смягчился и начал отвечать на его вопросы. Слишком уж многое одолевало и мучило его. Слишком много невысказанного.

– Тебя тревожит наша судьба, – в конце концов сказал Келлхус; взгляд его был серьезен. – Ты боишься, что Священное воинство не добьется успеха...

Конечно же, Ахкеймион боялся за Священное воинство. Он видел слишком много поражений – во всяком случае, в снах. Но несмотря на то что вокруг него двигались тысячи вооруженных людей, мысли Ахкеймиона были заняты отнюдь не Священной войной. Но он предпочел притвориться, что так оно и есть. Он кивнул, не глядя на собеседника, как будто сознавался в чем-то, что причиняло боль. Опять невысказанные упреки. Опять самобичевание. Когда дело касалось других людей, мелкие обманы казались одновременно и естественными, и необходимыми, но с Келлхусом они... они раздражали.

– Сесватха... – произнес Ахкеймион, потом заколебался. – Сесватха был почти мальчишкой, когда начались первые войны против Голготтерата. В те дни даже мудрейшие из древних не понимали, что поставлено на кон. Да и как они могли это понять? Они же были норсирайцами и владели всем миром. Они покорили своих родичей-варваров. Они прогнали шранков за горы. Даже скульвенды не смели навлекать на себя их гнев. Их поэзия, их магия, их ремесла ценились по всей Эарве, даже среди нелюдей, что некогда были их наставниками. От красоты их городов у иноземных послов на глаза наворачивались слезы. Даже при самых далеких дворах, у киранейцев и у ширцев, старались перенять их манеры, их кулинарное искусство, их моды... Они были истинным мерилom своего времени, как мы – своего. Все было меньше, а они всегда были больше. Даже после того, как Шеонанра, великий магистр Мангаэки – Консульты, – пробудил Не-бога, никто не верил, что близится конец. Даже разгром куниюрцев, самого могущественного из их народов, не поколебал уверенности в том, что Древний Север как-нибудь да одержит верх. Лишь когда бедствия посыпались словно из рога, они начали понимать...

Заслонив лицо от солнца, Ахкеймион взглянул князю в глаза:

– Величие не снисходит до величия. Всегда может произойти немыслимое.

«Конец близится... Я должен решиться».

Келлхус кивнул и, сощурившись, взглянул на солнце.

– У всего своя мера, – сказал он. – У каждого человека.

Он взглянул на Ахкеймиона в упор:

– У каждого решения.

На мгновение Ахкеймион испугался, что у него сейчас остановится сердце. «Совпадение... Это совпадение, и ничего больше!»

Келлхус внезапно наклонился и подобрал маленький камень. Несколько мгновений он осматривал склон, как будто разыскивал птицу или зайца, кого-нибудь, кого можно было бы убить. Затем он швырнул камень, и рукава его шелковой рясы щелкнули, словно кожаные. Камень со свистом пронесся в воздухе, потом врезался в край растрескавшегося каменного выступа. Выступ покачнулся и рухнул, рассыпавшись грудой пыли и щебня. Внизу зазвучали предостерегающие крики.

– Ты нарочно? – спросил Ахкеймион.

У него перехватило дыхание.

Келлхус покачал головой.

– Нет... – Он бросил на Ахкеймиона поддразнивающий взгляд. – Но это именно то, о чем ты говорил, разве нет? Непредвиденное, катастрофа, следующая по пятам за всеми нашими деяниями.

Ахкеймион сомневался, что вообще упоминал об этом.

– И решениями, – сказал он, чувствуя себя странно – как будто говорил чужими устами.

– Да, – согласился Келлхус. – И решениями.

Той ночью Ахкеймион приготовил Призывные Напевы, хоть и знал, что не сумеет выдать из себя даже слова. «Какое ты имеешь на это право? – кричал он мысленно. – Какое право? Ты, ничтожество...» Келлхус – Предвестник. Посланник. Вскоре – Ахкеймион это знал – ужас его ночей вырвется в мир бодрствования. Вскоре великие города – Момемн, Каритусаль, Аокнисс – запылают. Ахкеймион уже видел их горящими, много раз. Они падут, как пали их древние собратья: Трайсе, Мехтсонк, Миклы. Крики. Вопли, возносящиеся к небесам, затянутым пеленой дыма... Они станут новыми именами горя.

Какое у тебя право? Что может оправдать подобное решение?

– Кто ты такой, Келлхус? – пробормотал Ахкеймион, сидя в темной палатке, служившей ему пристанищем. – Я рискую ради тебя всем... Всем!

Но почему?

Потому что в нем... в нем есть нечто. Нечто, что заставляет Ахкеймиона ждать. Ощущение чего-то невероятно соответствующего... Но чего? Чему он соответствует? И будет ли этого достаточно? Достаточно, чтобы оправдать предательство школы? Достаточно, чтобы бросить гадальные кости на Апокалипсис? Чего вообще для этого достаточно?

Чего-то, помимо истины. Истины всегда достаточно, не так ли?

«Он посмотрел на меня и понял». Ахкеймион осознал, что брошенный камень был еще одним уроком. Еще одним намеком, еще одной зацепкой. Но на что он намекал? Что бедствие разразится, если он примет неверное решение? Или что бедствие разразится вне зависимости от того, какое решение он примет?

Казалось, его мучениям не будет конца.

Глава 2. Ансерка

«Расстояние между животным и божеством измеряется долгом».

Экиани, послание 44

«Дни и недели, предшествующие сражению, – странное время. Все войска – конрийцы, галеоты, нансурцы, туньеры, тидонцы, айноны и Багряные Шпили – пришли к крепости Асгилиох, к Вратам Юга и границе языческих земель. И хотя многие думали о Скауре, язычнике-сапатишахе, с которым им предстояло бороться, он по-прежнему стоял для них в одном ряду с сотнями прочих абстрактных забот. Всякий еще мог перепутать войну с обычным повседневным существованием...»

Друз Ахкеймион, «Компендиум Первой Священной войны»

4111 год Бивня, конец весны, провинция Ансерка

В первые дни пути повсюду царило замешательство и неразбериха, особенно на закате, когда айнрити рассыпались по полям и склонам холмов, чтобы встать лагерем на ночь. Пару раз Ахкеймиону не удавалось разыскать Ксинема, но он настолько уставал, что ставил палатку рядом с незнакомыми людьми. Но когда конрийцы привыкли осознавать себя войском, привычка вкупе с грузом обязанностей привела к тому, что лагерь каждый вечер принимал более-менее приличный вид. Вскоре Ахкеймион обнаружил, что делит пищу и шуточные беседы не только с Ксинемом и его старшими офицерами, Ириссом, Динхазом и Зенкаппой, но еще и с Келлхусом, Серве и Найюром. Дважды их навещал Проюас – для Ахкеймиона это были нелегкие вечера, – но обычно наследный принц вызывал Ксинема, Келлхуса и Найюра к себе в шатер, либо на службу, либо для вечернего совета с другими великими лордами, входившими в состав конрийского войска.

В результате Ахкеймион частенько оставался в обществе Ирисса, Динхаза и Зенкаппы. Компания из них была ужасная, особенно в присутствии такой красивой и застенчивой женщины, как Серве. Но вскоре Ахкеймион начал ценить эти ночи – по сравнению с днями, когда ему приходилось идти рядом с Келлхусом. Тут была нерешительность мужчин, сошедшихся без традиционных посредников, а затем – бурный дружелюбный разговор, как будто они одновременно и поражались, и радовались тому, что говорят на одном языке. Это напоминало Ахкеймиону, какое облегчение чувствовал он и его приятели детства, когда их старших братьев звали в лодки или на берег. Ахкеймион вполне способен был понять это товарищество душ, пребывающих в чужой тени. Кажется, с тех пор как покинул Момемн, он переживал редкие мгновения покоя лишь в обществе этих людей, хоть они и считали его проклятым.

Однажды ночью Ксинем забрал Келлхуса и Серве к Проюасу на отмечание Веникаты, айнритийского религиозного праздника. Ирисс и прочие через некоторое время разошлись, вернувшись к своим подразделениям, и Ахкеймион впервые остался наедине со скульвендом, Найюром урс Скиоатой, последним из утемотов.

Хотя они уже не первую ночь проводили у одного костра, Ахкеймиону до сих пор делалось не по себе в присутствии этого варвара. Иногда, когда Ахкеймион замечал его краем глаза, у него перехватывало дыхание. Найюр, подобно Келлхусу, был призраком из его снов, кем-то, пришедшим из очень ненадежного, коварного края. А если добавить к этому еще и руки, покрытые множеством шрамов, и хору, засунутую за пояс с железными бляхами...

Но все-таки у Ахкеймиона было к нему множество вопросов. По большей части о Келлхусе, но еще и о шранках, появляющихся на севере тех земель, которыми владело его племя. Ему даже хотелось спросить скульвенда насчет Серве: все заметили, что она без памяти влюблена в Келлхуса, но спать отправляется с Найюром. В те разы, когда эти трое уходили от костра раньше прочих, Ахкеймион видел огонь в глазах Ирисса и остальных офицеров, хотя пока что они не делились друг с другом своими соображениями. Когда Ахкеймион задал этот вопрос Келлхусу, тот пожал плечами и сказал: «Она – его добыча».

Какое-то время Ахкеймион и Найюр изо всех сил старались не замечать друг друга. Откуда-то из темноты доносились возгласы и крики, вокруг костров теснились неясные фигуры празднующих. Некоторые подолгу смотрели в их сторону, но большинство не обращало на них внимания.

Проводив хмурым взглядом шумную компанию конрийских рыцарей, Ахкеймион наконец повернулся к Найюру и спросил:

– Думаю, мы язычники, – а, скульвенд?

У костра воцарилась неловкая тишина: Найюр продолжал обглаживать кость. Ахкеймион потягивал вино и старался придумать благовидный предлог, чтобы удалиться в палатку. Ну что можно сказать скульвенду?

– Так ты его учишь, – внезапно произнес Найюр, сплюнув хрящ в костер.

Его глаза поблескивали в тени густых бровей, взгляд был устремлен в огонь.

– Да, – отозвался Ахкеймион.

– Он сказал тебе, зачем?

Ахкеймион пожал плечами.

– Он ищет знаний Трех Морей... А почему ты спрашиваешь?

Но скульвенд уже вставал, вытирая жирные пальцы о штаны и выпрямляясь во весь свой огромный рост. Не сказав ни слова, он исчез в темноте, оставив сбитого с толку Ахкеймиона у костра. Короче говоря, варвар никаким образом не желал его признавать.

Ахкеймион решил упомянуть об этом происшествии при Келлхусе, когда тот вернется, но быстро позабыл о нем. По сравнению с терзавшими его страхами скверные манеры и загадочные вопросы, в общем-то, были пустяком.

Обычно Ахкеймион ставил свою скромную палатку у шатра Ксинема. Он всегда подолгу лежал без сна и то грыз себя из-за Келлхуса, то увязал в тягостных раздумьях. А когда на остальные мысли находило оцепенение, он беспокоился об Эсменет или о Священном воинстве. Похоже было, что оно вскоре вступит в земли фаним – в бой.

Ночные кошмары становились все более невыносимыми. Пожалуй, не проходило ни единой ночи, чтобы Ахкеймион не просыпался еще до пения утренних рогов от того, что колотил ногами по одеялу либо расцарапывал себе лицо, взывая к древним товарищам. Мало кому из адептов Завета доводилось наслаждаться мирным сном или хотя бы его подобием. Эсменет часто шутила, что он спит, «словно старый пес, который гоняется за кроликами».

«Скорее уж старый кролик, удирающий от собак», – отвечал Ахкеймион.

Но сон – или, во всяком случае, его абсолютная суть, дарующая забвение, – стал ускользать от него, пока не начинало казаться, что он просто перелетает от одного скопления гомона и криков к другому. Ахкеймион выползал из палатки в предрассветной тьме, обхватив себя руками за плечи, чтобы сдержать дрожь, и просто стоял, пока ночь не сменялась холодными, бесцветными сумерками. Он смотрел, как на востоке появляется золотой ободок солнца – словно уголь, просвечивающий сквозь раскрашенную бумагу. И ему казалось, будто он стоит на краю мира и достаточно малейшего толчка, чтобы полететь в бескрайнюю тьму.

«Один, совсем один», – думал он.

Он представлял Эсменет, как она спит у себя в комнате, в Сумне: стройная нога высунулась из-под одеяла, и ее обвивают нити света, лучи все того же солнца, прорвавшегося

сквозь щели в ставнях. И он молился, чтобы она была в безопасности, – молился богам, которые прокляли их обоих.

«Одно солнце согревает нас. Одно солнце дарует нам свет. Одно...»

Потом он думал об Анасуримборе Келлхусе – и эти мысли навевали тягостные предчувствия.

Однажды вечером, слушая, как другие спорят о фаним, Ахкеймион вдруг осознал, что ему совершенно незачем страдать от одиночества: он может поделиться всеми страхами с Ксиномом.

Ахкеймион взглянул поверх костра на старого друга, спорившего о битвах, в которых он еще не участвовал.

– Конечно, Найюр знает этих язычников! – возражал маршал. – Я никогда не утверждал обратного. Но до тех пор, пока он не увидит нас на поле битвы, пока он не поймет всю мощь Конрии, ни я, ни наш принц, как я подозреваю, не станем воспринимать его слова как Священное Писание!

Может ли он рассказать все Ксиному?

Утро после безумия, произошедшего под императорским дворцом, было тем самым утром, когда Священное воинство выступило в путь. Вокруг царила полнейшая неразбериха. И даже в тех обстоятельствах Ксином внимательно отнесся к Ахкеймиону и честно попытался расспросить его о подробностях предыдущей ночи. Ахкеймион начал с правды – ну, во всяком случае, с некой ее части, – сказав, что императору понадобился независимый специалист, чтобы проверить некоторые утверждения, сделанные Имперским Сайком. А вот дальше последовал чистой воды вымысел, история насчет шифра и зачарованной карты. Ахкеймион даже не мог теперь толком ее припомнить.

Тогда он солгал потому, что... ну, просто так получилось. События той ночи были слишком свежи в памяти. Даже сейчас, две недели спустя, Ахкеймион чувствовал, что ему не под силу вынести их ужасающий смысл. Тогда же он вообще едва барахтался, пытаясь удержаться на плаву.

Но как теперь объяснить это Ксиному? Единственному человеку, которому он верит. Которому доверяет.

Ахкеймион смотрел и ждал, переводя взгляд с одного лица, освещенного пламенем костра, на другое. Он нарочно положил свой коврик с наветренной стороны, туда, куда шел дым, надеясь во время еды посидеть в одиночестве. Теперь ему казалось, что сюда его поместило само провидение, давшее возможность исподтишка взглянуть на всех вместе.

Конечно, там был Ксином; он сидел, скрестив ноги, словно зеумский военный вождь, и лицо у него было каменное, но смешинки в глазах и крошки в квадратной бороде создавали противоречивое впечатление. Слева, примостившись на бревне и раскачиваясь в разные стороны, сидел кузен Ксинема, Ирисс. По избытку чувств и энергии он здорово походил на задиристого большешлапого щенка. Слева от него сидел Динхаз, или Кровавый Дин. Он держал в вытянутой руке чашу, чтобы рабы заново наполнили ее вином; шрам в виде буквы «Х» у него на лбу из-за игры света и теней казался черным. Зенкаппа, как обычно, сидел рядом с ним. Его угольно-черная кожа поблескивала в свете костра. Ахкеймиону почему-то всегда казалось, будто Зенкаппа озорно подмигивает. Поблизости сидел Келлхус в белой тунике и взирал на мир, будто на похищенный из древнего храма портрет, – одновременно и медитативно, и внимательно, и отстраненно, и затаив дыхание. К нему прислонилась Серве. Глаза под полуприкрытыми веками сияли, одеяло было обернуто вокруг бедер. Как всегда, ее безукоризненное лицо приковывало взгляд, а от изгибов фигуры захватывало дыхание. Рядом с ней сидел Найюр, но подальше от костра, в тени, смотрел на пламя и отщипывал кусочки хлеба. Даже сейчас, когда он ел, он смотрел так, будто был готов в любое мгновение свернуть кому-нибудь из присутствующих шею.

Такое вот странное семейство. Его семейство.

Способны ли они чувствовать это? Ощущают ли приближение конца?

Ахкеймиону необходимо было поделиться тем, что он знал. Если не с Заветом, то хоть с кем-нибудь. Ему необходимо разделить ношу, или он сойдет с ума. Если бы только Эсми пришла к нему... Нет. Это принесет только боль.

Ахкеймион поставил чашу, встал и присел рядом со старым другом, Криятесом Ксинемом, маршалом Аттремпа.

– Ксин...

– Что такое, Акка?

– Мне нужно поговорить с тобой, – приглушенно произнес Ахкеймион. – Насчет... Насчет...

Келлхус, казалось, был занят чем-то другим. И все же Ахкеймион и сейчас не мог избавиться от ощущения, будто за ним наблюдают.

– Та ночь, – продолжил он, – ну, последняя под стенами Момемна. Помнишь, как Икурей Конфас пришел за мной и отвел в императорский дворец?

– Еще бы я забыл! Я тогда здорово перенервничал!

Ахкеймион заколебался. Ему вновь вспомнился тот старик – первый советник императора, – бьющийся в цепях. Лицо, которое разжимается, словно рука, и выгибается наружу, и тянется... Которое захватывает, а потом завладевает...

Ксинем присмотрелся к нему и нахмурился.

– Что случилось, Акка?

– Я – адепт, Ксин, я связан клятвой и долгом, точно так же, как ты...

– Лорд кузен! – позвал маршалла Ирисс. – Вы только послушайте! Келлхус, расскажите ему!

– Кузен! – резко отозвался Ксинем. – А не мог бы ты...

– Да вы только послушайте! Мы пытаемся понять, что это означает.

Ксинем собрался обругать Ирисса, но было уже поздно. Келлхус заговорил.

– Это просто притча, – сказал князь Атриау. – Я узнал ее от скульвендов. Звучит она примерно так: некрупный, стройный молодой бык и его коровы, к потрясению своему, обнаружили, что хозяин купил другого быка, с более широкой грудью, более толстыми рогами и более скверным характером. Но все равно, когда сын хозяина привел нового быка на пастбище, молодой бык опустил голову, выставил рога и принялся фыркать и рыть копытом землю. «Нет! – вскричали коровы. – Пожалуйста, не надо рисковать жизнью из-за нас!» «Рисковать жизнью? – удивился молодой бык. – Я просто забочусь о том, чтобы он знал, что я – бык!»

Мгновение тишины и взрыв смеха.

– Скульвендская притча? – переспросил Ксинем, смеясь. – Вы...

– Вот что я думаю! – воскликнул Ирисс, перекрывая общий хохот. – Вот мое толкование! Слушайте! Эта притча означает, что наше достоинство – нет, наша честь – дороже всего, даже наших жен!

– Да ничего она не означает, – сказал Ксинем, вытирая выступившие на глазах слезы. – Это просто шутка, только и всего.

– Это притча о мужестве, – проскрежетал Найюр, и все смолкли, потрясенные.

Ахкеймион попытался понять, что же на самом деле сказал неразговорчивый варвар.

Скульвенд сплюнул в огонь.

– Эту историю старики рассказывают мальчишкам, чтобы пристыдить их, чтобы научить, что красивые жесты ничего не значат, что реальна только смерть.

Все переглянулись. Один лишь Зенкаппа громко рассмеялся.

Ахкеймион подался вперед.

– А ты что скажешь, Келлхус? Что, по-твоему, это означает?

Келлхус пожал плечами, удивляясь, что ему нужно так много объяснять. Он поднял на Ахкеймиона дружеский, но совершенно неумолимый взгляд.

– Это означает, что иногда из молодого быка получается неплохая корова...

Все снова расхохотались, но Ахкеймион с трудом изобразил слабое подобие улыбки. Да что его, собственно, так разозлило?

– Нет! – воскликнул он. – Что ты думаешь на самом деле?

Келлхус помолчал, взял Серве за руку и оглядел присутствующих. Ахкеймион покоился на Серве и тут же отвернулся. Она смотрела на него очень внимательно.

– Эта история учит, – серьезным, изменившимся голосом произнес Келлхус, – что есть разное мужество и разные понятия о чести.

Он говорил так, что, казалось, заставил умолкнуть всех вокруг – едва ли не все Священное воинство.

– Она учит, что все эти вещи – мужество, честь, даже любовь – лишь проблемы, а не абсолютные понятия. Вопросы.

Ирисс решительно встряхнул головой. Он принадлежал к числу тех туго соображающих людей, которые постоянно путают рвение с пронизательностью. Для других уже стало дежурным развлечением наблюдать, как он спорит с Келлхусом.

– Мужество, честь, любовь – проблемы? А что же тогда решения? Трусость и развращенность?

– Ирисс... – сказал Ксинем, начиная сердиться. – Кузен.

– Нет, – отозвался Келлхус. – Трусость и развращенность – это тоже проблемы. А что касается решений... Вы, Ирисс, – вы решение. На самом деле все мы – решения. Каждая жизнь рисует набросок другого ответа, другого пути...

– Так что же, все решения равны? – выпалил Ахкеймион.

И удивился горечи, прозвучавшей в собственном голосе.

– Это философский вопрос, – сказал Келлхус, улыбнувшись.

Его улыбка развеяла возникшую неловкость.

– Нет. Конечно же, нет. Некоторые жизни прожиты лучше других – в этом не может быть сомнений. Как вы думаете, почему мы поем песни? Почему чтим священные книги? Почему размышляем над жизнью Последнего Пророка?

Примеры, понял Ахкеймион. Примеры жизней, несущих свет, дающих ответы... Он понимал, но не мог заставить себя произнести это вслух. В конце концов, он ведь колдун – пример жизни, которая ни на что не отвечает. Ахкеймион молча встал и ушел от костра. Его не волновало, что подумают другие. Его охватила острая потребность побыть в темноте, в одиночестве...

Подальше от Келлхуса.

А потом он осознал, что Ксинем так и не услышал его исповеди, что он по-прежнему наедине со своим знанием, – и опустился на колени у своей палатки.

«Возможно, оно и к лучшему».

Оборотни среди них. Келлхус – Предвестник конца света. Ксинем наверняка решит, что он свихнулся.

Из размышлений его вырвал женский голос:

– Я видела, как ты смотришь на него.

На него – в смысле, на Келлхуса. Ахкеймион оглянулся и увидел на фоне костра стройный силуэт Серве.

– И что с того? – спросил он.

Серве была рассержена – это было ясно по ее тону. Она что, ревнует? Ведь днем, пока они с Ксинемом шагают с колонной, она идет с рабами Ксинема.

– Тебе не следует бояться, – сказала Серве.

Ахкеймион облизал губы. На языке остался кислый привкус. Ксином вместо вина пустил сегодня по кругу перрапту – омерзительный напиток.

– Бояться чего?

– Бояться любить его.

Ахкеймион мысленно проклял бешено бьющееся сердце.

– Ты меня недолюбливаешь, верно?

Даже сейчас, в полумраке, она казалась слишком красивой, чтобы быть настоящей, – словно нечто, проходящее сквозь трещины мироздания, нечто дикое и белокожее. Ахкеймион впервые осознал, насколько сильно хочет ее.

– Только... – Серве заколебалась, уставившись на примятую траву.

Затем она подняла голову и на кратчайший миг взглянула на колдуна глазами Эсменет.

– Только потому, что ты отказываешься видеть, – пробормотала она.

«Что видеть?!» – хотелось закричать Ахкеймиону.

Но Серве уже убежала.

– Акка! – позвал Келлхус в полутьме. – Я слышал плач.

– Пустяки, – хрипло отозвался Ахкеймион, все еще пряча лицо в ладонях.

В какой-то момент – он сам не мог точно сказать, когда именно, – он выполз из палатки и свернулся калачиком у костра, от которого остались только угли. Теперь уже светало.

– Это Сны?

Ахкеймион протер лицо и полной грудью вдохнул холодный воздух.

«Скажи ему!»

– Д-да... Сны. Это Сны.

Он чувствовал, как Келлхус смотрит на него сверху вниз, но не решался поднять голову. Когда Келлхус положил руку ему на плечо, Ахкеймион вздрогнул, но не отстранился.

– Но это не просто Сны, Акка? Это что-то еще... Нечто большее.

Горячие слезы потекли по щекам Ахкеймиона. Он ничего не ответил.

– Ты не спал этой ночью... Ты не спишь уже много ночей, так ведь?

Ахкеймион взглянул на усеянные шатрами поля и склоны холмов. На фоне серо-стального неба яркими пятнами вырисовывались знамена.

Затем он перевел взгляд на Келлхуса.

– Я вижу в твоём лице его кровь, и это наполняет меня одновременно и надеждой, и ужасом.

Князь Атритау нахмурился.

– Так, значит, все из-за меня... Этого я и боялся.

Ахкеймион сглотнул и вступил в игру.

– Да, – сказал он. – Но все не так просто.

– Но почему? Что ты имеешь в виду?

– Среди многих Снов, терзающих меня и моих братьев-адептов, есть один, который беспокоит нас в особенности. Это Сон о смерти Анасуримбора Кельмомаса II, верховного короля Куниюрии, – о его смерти на полях Эленеота в 2146 году.

Ахкеймион глубоко вздохнул и сердито потер глаза.

– Видишь ли, Кельмомас был первым великим врагом Консульты и первой и самой знаменитой жертвой Не-бога. Первой! Он умер у меня на руках, Келлхус. Он был моим самым ненавистным и самым дорогим другом, и он умер у меня на руках!

Он помрачнел и в замешательстве развел руками.

– В смысле... я имел в виду – на руках у Сесватхи...

– И это причиняет тебе боль? Что я...

– Ты не понимаешь! П-послушай... Он, Кельмомас, сказал мне – то есть Сесватхе – перед тем, как умереть... Он сказал всем нам...

Ахкеймион замотал головой, фыркнул и запустил пальцы в бороду.

– На самом деле он продолжает это говорить каждую треклятую ночь, умирая снова и снова – и всегда первым! И... и он сказал...

Ахкеймион поднял голову; он как-то резко перестал стыдиться своих слез. Если он не раскроет душу перед этим человеком – так похожим на Айенсиса и на Инрау! – то перед кем же еще?

– Он сказал, что Анасуримбор – *Анасуримбор*, Келлхус! – вернется перед концом света.

Лицо Келлхуса, на котором никогда прежде не отражалась борьба чувств, потемнело.

– Что ты такое говоришь, Акка?

– А ты не понял? – прошептал Ахкеймион. – Это ты, Келлхус. Тот самый Предвестник!

И это означает, что все начинается заново...

«Сейен милостивый!»

– Второй Апокалипсис, Келлхус... Я говорю о Втором Апокалипсисе. Ты – его знак!

Рука Келлхуса соскользнула с плеча Ахкеймиона.

– Но, Акка, это лишено смысла. То, что я здесь, еще ничего не значит. Ничего. Сейчас я здесь, а прежде был в Атритау. А если мой род и вправду уходит корнями в настолько далекое прошлое, как ты утверждаешь, значит, Анасуримбор всегда был здесь, где бы это здесь ни находилось...

Взгляд его помутнел, словно князь Атритау боролся с чем-то незримым. На миг его абсолютное самообладание дало сбой, и Келлхус сделался похож на любого человека, ошеломленного внезапно переменившимися обстоятельствами.

– Это просто... – начал он и умолк, как будто ему не хватило дыхания продолжать.

– Совпадение, – сказал Ахкеймион, прижавшись к его ногам.

Ему почему-то ужасно хотелось обнять Келлхуса, поддержать и успокоить.

– Именно так мне и показалось... Должен признаться, я был потрясен, впервые встретив тебя, но никогда не думал... Это казалось чересчур безумным! Но затем...

– Что – затем?

– Я обнаружил их. Я обнаружил Консульт... В ту ночь, когда вы праздновали победу Проюаса над императором, меня вызвали в Андияминские Высоты – не кто иной, как сам Икурей Конфас – и привели в катакомбы. Очевидно, они обнаружили шпиона, причем такого, что император был убежден – без колдовства здесь не обошлось. Но колдовство оказалось ни при чем, и человек, которого мне показали, не был обычным шпионом...

– Как так?

– Сперва он назвал меня Чигра – так выглядело имя Сесватхи на агхурзое, искаженном языке шранков. Он каким-то образом разглядел во мне след Сесватхи... Затем он...

Ахкеймион прикусил губу и замотал головой.

– У него не было лица! У него была не плоть, а какая-то мерзость, Келлхус! Шпион, способный в точности подражать облику любого человека, без колдовства и колдовской Метки. Идеальный шпион! Когда-то Консульт убил первого советника императора и заменил его вот этим. Такие... такие существа могут быть где угодно! Здесь, в Священном воинстве, при дворах Великих фракций... Судя по тому, что нам известно, кто-то из них мог сделаться королем!

«Или шрайей...»

– Но почему я-то становлюсь Предвестником?

– Потому что Консульт овладел Древней Наукой. Шранки, башраги, драконы, все мерзости инхороев – это артефакты Текне, Древней Науки, созданной в незапамятные времена, когда Эарвой правили нелюди. Считается, что она была уничтожена, когда Куйара Ким-

нои стер инхороев с лица земли – еще до того, как был написан Бивень, Келлхус! Но шпионы-оборотни – это нечто новое. Незвестные ранее артефакты Древней Науки. А раз Консулт заново открыл тайны Текне, есть вероятность, что они знают и как возродить Мог-Фарау...

От этого имени у Ахкеймиона перехватило дыхание, словно от удара в грудь.

– Не-бога, – сказал Келлхус.

Ахкеймион сплотнул и поморщился, как если бы у него болело горло.

– Да, Не-бога...

– И теперь, раз Анасуримбор вернулся...

– Эти домыслы превращаются в уверенность.

Несколько тягостных мгновений Келлхус изучающе глядел на Ахкеймиона; лицо его было непроницаемо.

– И что ты будешь делать?

– Мне поручено лишь наблюдать за Священным воинством, – сказал Ахкеймион. – Но решение все равно принимать мне... И есть еще кое-что, что непрерывно разрывает мое сердце.

– Что же это?

Ахкеймион изо всех сил старался выдержать взгляд ученика, но в его глазах было нечто... нечто, не поддающееся описанию.

– Я не сказал им о тебе, Келлхус. Я не сказал моим братьям, что пророчество Кельмомаса исполнилось. И пока я молчу, я предаю их, Сесватху, себя, – он нервно рассмеялся, – и, может быть, весь мир...

– Но почему? – спросил Келлхус. – Почему ты им не сказал?

Ахкеймион глубоко вздохнул.

– Если я это сделаю, они придут за тобой, Келлхус.

– Ну, может, так будет правильнее...

– Ты не знаешь моих братьев, Келлхус.

Найюр урс Скиоата лежал нагим в предрассветной полутьме, в шатре, который делил с Келлхусом, вглядываясь в лицо спящей Серве и кончиком ножа убирал пряди, упавшие ей на лицо. Наконец он отложил нож и провел мозолистыми пальцами по щеке женщины. Та заворочалась, вздохнула и поплотнее закуталась в одеяло. Она так красива. Так похожа на его покинутую жену.

Найюр смотрел на Серве; он был неподвижен, как и девушка, хотя она спала, а он бодрствовал. Все это время снаружи доносились голоса: Келлхус и колдун несли какую-то чушь.

Все происходящее казалось ему чудом. Он не только пересек империю, он еще и плюнул под ноги императору, унизил Икурея Конфаса в присутствии высшего дворянства и получил все права и привилегии айнритийского принца. Теперь он ехал во главе самого огромного войска, какое ему только доводилось видеть. Войска, способного сокрушать города, уничтожать целые народы, убивать бесчисленное множество людей. Войска, достойного песен сказителей. Священного воинства.

И воинство это шло на Шайме, цитадель кишаурим. Кишаурим!

Анасуримбор Моэнгхус был кишаурим.

Вопреки непомерным амбициям дунианина, его план, похоже, работал. В мечтах Найюр всегда шел за Моэнгхусом один. Иногда он убивал его молча, иногда – с какими-то словами. Всегда смерти ненавистного врага сопутствовало много крови. Но теперь все эти мечты казались ребяческими фантазиями. Келлхус был прав. Моэнгхус – не тот чело-

век, которого можно просто зарезать в переулке; он наверняка сделался крупной величиной. Властителем. Да разве могло быть иначе? Он ведь дунианин.

Как и его сын, Келлхус.

Кто скажет, насколько велико могущество Моэнгхуса? Конечно же, ему подвластны кишаурим и кианцы. Но есть ли его пешки в Священном воинстве?

Служит ли ему Келлхус?

Послать к ним сына. Есть ли для дунианина лучший способ уничтожить врагов?

Во время советов у Пройаса кастовые дворяне-айнрити уже начали мгновенно замолкать, едва лишь раздавался голос Келлхуса. Они уже наблюдали за ним, когда думали, что он погружен в свои мысли, и шептались, когда думали, что он не слышит. При всем их самомнении, эти вельможи уже считались с ним, словно он обладал чем-то очень нужным. Каким-то образом Келлхус убедил их, что стоит выше обыденности и даже выше необычного. Дело было не только в том, что он заявил, будто, находясь в Атритау, увидел Священную войну во сне, и не только в его гнусной манере говорить так, словно он отец, играющий на слабостях и тщеславии своих детей. Дело было в том, *что* он говорил. В правде.

– Но Бог благоволит к праведным! – однажды воскликнул во время совета Ингиабан, палатин Кетантейский.

По настоянию Найюра они обсуждали, какую стратегию может применить Скаур, сапаташах Шайгека, для победы над ними.

– Сам Сейен...

– А вы, – перебил его Келлхус, – вы праведны?

В королевском шатре воцарилось странное, бесцельное ожидание.

– Да, *мы* праведны, – отозвался палатин Кетантейский. – Если нет, то что, во имя Юру, мы здесь делаем?

– Действительно, – сказал Келлхус. – Что мы здесь делаем?

Найюр заметил краем глаза, как лорд Гайдекки повернулся к Ксинему; взгляд у него был обеспокоенный.

Насторожившись, Ингиабан решил тянуть время и пригубил анпоа.

– Поднимаем оружие против язычников. Что же еще?

– Так мы поднимаем оружие против язычников потому, что праведны?

– И потому, что они нечестивы.

Келлхус улыбнулся, сочувственно, но строго.

– «Праведен тот, в ком не находят изъяна на путях Божьих...» Разве не так писал Сейен?

– Да, конечно.

– А кто определяет, есть ли в человеке изъян? Другие люди?

Палатин Кетантейский побледнел.

– Нет, – сказал он. – Только Бог и его пророки.

– Так значит, мы не праведны?

– Да... То есть я хотел сказать – нет...

Сбитый с толку Ингиабан посмотрел на Келлхуса; на лице его читалась ужасающая откровенность.

– Я хотел... Я уже не знаю, что я хотел сказать!

Уступки. Всегда добивайтесь уступок. Накапливайте их.

– Тогда вы понимаете, – сказал Келлхус.

Теперь его голос сделался низким и сверхъестественно гулким и шел словно со всех сторон одновременно.

– Человек никогда не может назвать себя праведным, господин палатин, он может лишь надеяться на это. И именно надежда придает смысл тому, что мы делаем. Когда мы поднимаем оружие против язычников, мы не жрецы перед алтарем, мы – жертвы. Это означает,

что нам нечего предложить Богу, и потому мы предлагаем самих себя. Не обманывайтесь. Мы рискуем душами. Мы прыгаем во тьму. Это паломничество – наше жертвоприношение. И лишь впоследствии мы узнаем, выдержали мы это испытание или нет.

Присутствующие загомонили, выражая согласие с Келлхусом.

– Хорошо сказано, Келлхус! – провозгласил Пройас. – Хорошо сказано.

Все умеют смотреть вперед, но Келлхус каким-то образом умудряется видеть дальше прочих. Он словно занимает высоты каждой души. И хотя никто из айнритийских дворян не посмеет заговорить о Келлхусе в таком ключе, они – все они – чувствуют это. Найюр уже видел у них первые признаки благоговейного трепета.

Трепета, делающего людей маленькими и незначительными.

Найюр слишком хорошо знал все эти потаенные чувства. Следить за тем, как Келлхус обрабатывает этих людей, было все равно что наблюдать за позорной записью собственного падения от рук Моэнгхуса. Иногда Найюру казалось, что он сейчас не выдержит и крикнет, так ему хотелось их предостеречь. Иногда Келлхус вел себя так мерзко, что пропасть между скульвендом и айнрити грозила исчезнуть – особенно когда дело касалось Пройаса. Моэнгхус играл на тех же самых уязвимых местах, на том же тщеславии... Если у Найюра общие беды с этими людьми, сильно ли он от них отличается?

Иногда преступление все равно кажется преступлением, как бы смехотворно и нелепо ни выглядела жертва.

Но лишь иногда. По большей части Найюр просто наблюдал за Келлхусом с холодным недоверием. Он теперь не столько слушал, как говорит дунианин, сколько смотрел, как он рубит, высекает, вырезает и обтачивает, словно этот человек каким-то образом разбил стекло языка и сделал из осколков ножи. Вот гневное слово, чтобы могла начаться размолвка. Вот обеспокоенный взгляд, чтобы можно было подбодрить улыбкой. Вот пронизательность, чтобы напомнить – правда может ранить, исцелять или поражать.

Как легко, наверное, было Моэнгхусу! Один зеленый юнец. Одна жена вождя.

В память Найюра вновь вторглись картины степи, застывшей и сухой. Женщины, вцепившиеся в волосы его матери, царапающие ей лицо, бьющие ее камнями и палками. Его мать! Вопящий младенец, которого вытаскивают из якша и швыряют в очищающее пламя, – его белокурый единоутробный брат. Каменные лица мужчин, отворачивающихся от его взгляда...

Неужто он допустит, чтобы все это произошло снова? Неужто он будет стоять в стороне и смотреть? Неужто он...

Все еще лежа рядом с Серве, Найюр опустил глаза и с потрясением осознал, что раз за разом всаживает нож в землю. Белый, словно кость, тростник циновки разорвался, и в ней зияла дыра.

Найюр, тяжело дыша, тряхнул черной гривой. Опять эти мысли – опять!

Угрызения совести? Из-за кого – из-за чужеземцев? Беспокоиться за этих хныкающих павлинов? И в особенности за Пройаса!

«При условии, что прошлое остается сокрытым, – говорил ему Келлхус во время их путешествия через степи Джиюнати, – при условии, что люди уже обмануты, какое это имеет значение?» И в самом деле: какое ему дело до того, что Келлхус дурачит дураков? Найюру было важно: не дурачит ли этот человек его? Вот острое лезвие, от которого непрестанно кровоточили мысли. Действительно ли дунианин говорит правду? Действительно ли намеревается убить своего отца?

«Я еду на смерче!»

Он никогда не сможет об этом забыть. Ненависть – его единственная защита.

А Серве?

Голоса снаружи смолкли. Найюр слышал, как этот нытик, этот дурень-колдун высморкался. Затем приподнялся полог, и в шатер вошел Келлхус. Взгляд его метнулся к Серве, затем к ножу в руке Найюра, потом к лицу варвара.

– Ты слышал, – произнес он на безукоризненном скюльвендском.

У Найюра до сих пор по спине пробегали мурашки, когда Келлхус так говорил.

– Это военный лагерь, – отозвался Найюр. – Многие слышали.

– Нет. Они спят.

Найюр понимал, что спорить бесполезно, – он знал дунианина – и потому ничего не сказал, а принялся копаться в разбросанных вещах, выискивая штаны.

Серве застонала и сбросила одеяло.

– Помнишь, как мы впервые с тобой разговаривали, – тогда, в твоём якше? – спросил Келлхус.

– Конечно, – отозвался Найюр, натягивая штаны. – Я непрестанно проклиная тот день.

– Этот колдовской камень, который ты бросил мне...

– Ты имеешь в виду хору моего отца?

– Да. Она по-прежнему с тобой?

Найюр внимательно посмотрел на Келлхуса.

– Ты же знаешь, что да.

– Откуда мне знать?

– Ты знаешь.

Найюр молча оделся; Келлхус тем временем разбудил Серве.

– Но тр-р-рубы, – пожаловалась она, пытаясь спрятать голову под одеяло. – Я не слышала труб...

Найюр внезапно расхохотался.

– Опасная работа, – сказал он, перейдя на шейский.

– Какая? – поинтересовался Келлхус.

Насколько мог понять Найюр – в основном из-за Серве. Дунианин знал, что он имеет в виду. Он всегда все знал.

– Убивать колдунов.

Снаружи запели горны.

4111 год Бивня, конец весны, Андияминские Высоты

Ксерий вылез из ванны и поднялся по мраморным ступеням туда, где его поджидали рабы с полотенцами и душистыми притираниями. Впервые за много дней он ощущал гармонию и благосклонность богов... Он поднял голову и с легким удивлением увидел императрицу-мать, появившуюся из темной ниши.

– Скажите, матушка, – поинтересовался Ксерий, не обращая внимания на ее экстравагантный облик, – это случайность, что вы приходите в самые неподходящие моменты?

Он повернулся к императрице; рабы осторожно обернули полотенцем его чресла.

– Или вам удастся вычислить нужное время?

Императрица слегка наклонила голову, словно равная ему.

– Я к тебе с подарком, Ксерий, – сказала она, указав на стоящую рядом черноволосую девушку.

Ее евнух, великан Писатул, эффектным жестом снял с девушки одеяние. Она оказалась белокожей, словно галеотка, – такая же нагая, как император, и почти такая же прекрасная.

Подарки от матери – они подчеркивали вероломство подарков тех, кто не был его данником. На самом деле они вовсе не были подарками как таковыми. Они всегда требовали чего-то взамен.

Ксерий не помнил, когда Истрийя начала приводить к нему мужчин и женщин. У матери был наметанный глаз шлюхи – императору следовало бы поблагодарить ее за это. Она всегда точно угадывала, что доставит ему удовольствие, и это нервировало Ксерия.

– Вы – корыстная ведьма, матушка, – сказал Ксерий, любясь испуганной девушкой. – Есть ли на свете второй такой же везучий сын?

Но Истрийя сказала лишь:

– Скеаос мертв.

Ксерий мельком взглянул на нее, потом снова перенес внимание на рабов, которые начали натирать его маслом.

– Нечто мертво, – ответил он, сдерживая дрожь. – Но что именно, мы не знаем.

– А почему мне об этом не сказали?

– Я не сомневался, что вы вскорости обо всем узнаете.

Император уселся на стул, и рабы принялись полировать ему ногти и расчесывать волосы, умащая их благовониями.

– Вы всегда обо всем узнаете, – добавил он.

– Кишаурим, – после паузы сказала императрица.

– Ну конечно же.

– Тогда они знают. Кишаурим знает твои планы.

– Это не имеет значения. Они и так их знали.

– Ксерий, неужто ты стал глупцом? А я-то думала, что ты будешь готов к пересмотру.

– К пересмотру чего, матушка?

– Твоего безумного соглашения с язычниками. Чего же еще?

– Матушка, замолчите!

Ксерий нервно покосился на девушку, но та, похоже, не знала ни единого слова пошлейски.

– Об этом не следует говорить вслух. Никогда больше так не делайте. Вы меня поняли?

– Но кишаурим, Ксерий! Ты только подумай! Все эти годы – рядом с тобой, под обличем Скеаоса! Единственный доверенный советник императора! Злой язык, постоянно отравляющий совещания своим кудахтаньем. Все эти годы, Ксерий!

Ксерий думал об этом: точнее говоря, последние дни он почти ни о чем другом и думать не мог. По ночам ему снились лица – лица, подобные сжимающемуся кулаку. Гаэнкельти, умерший так... так нелепо.

А был еще вопрос, который настолько его ошеломил, что теперь постоянно маячил на краю сознания, невзирая на всю скуку повседневных обязанностей.

«А другие? Другие такие же...»

– Ваша нотация вполне обоснованна, матушка. Вы знаете, что во всем есть баланс, который можно нарушить. Вы сами меня этому учили.

Но императрица не успокоилась. Старая сука никогда не унималась.

– Кишаурим держат в когтях твое сердце, Ксерий. Через тебя они присосались к душе империи. И ты допустишь, чтобы это беспримерное оскорбление осталось безнаказанным теперь, когда боги послали тебе оружие возмездия? Ты по-прежнему хочешь остановить продвижение Священного воинства? Если ты пощадишь Шайме, Ксерий, ты пощадишь кишаурим.

– Молчать! – раздался оглушительный вопль.

Икурей Истрийя неистово рассмеялась.

– Мой голый сын, – сказала она. – Мой бедный... голый... сын.

Ксерий вскочил со стула и растолкал окружающих его рабов; вид у него был уязвленный и вместе с тем недоуменный.

– Это не похоже на вас, матушка. Вы никогда прежде не относились к числу людей, трясущихся при мысли о загробных муках. Может, вы просто стареете? Расскажите, каково стоять на краю пропасти? Чувствовать, что чрево ваше иссыхает, видеть, как во взглядах ваших любовников появляется нерешительность – из-за тайного отвращения...

Он ударил, повинувшись импульсу и метая в ее самолюбие – это был единственный известный ему способ уязвить мать.

Но Истрийя и виду не подавала, что ее задела слова сына.

– Пришло время, Ксерий, когда не следует заботиться о зрителях. Такие спектакли сродни дворцовым церемониям – они нужны только молодым и глупым. Действие, Ксерий. Действие – вот главное украшение всего.

– Тогда зачем вам косметика, матушка? Зачем ваши личные рабы разрисовывают вас, словно старую шлюху к пиру?

Истрийя безучастно взглянула на него.

– Какой чудовищный сын... – прошептала она.

– Такой же чудовищный, как его мать, – добавил Ксерий с жестоким смехом. – А скажите-ка... Теперь, когда ваша развратная жизнь почти завершилась, вы решили сыграть роль раскаивающейся матери?

Истрийя отвела взгляд и стала смотреть на ванну, над которой поднимался парок.

– Раскаяние неминуемо, Ксерий.

Эти слова поразили его.

– Возможно... возможно, и так, – ответил император.

В его душе шевельнулась жалость. Ведь в свое время они с матерью были так... близки. Но Истрийя могла быть близка только с теми, кем владела. Им же она давно перестала управлять.

Эта мысль тронула Ксерия. Потерять такого богоподобного сына...

– Что, матушка, вечно мы обмениваемся колкостями? Ладно, я сожалею. И хочу, чтобы вы об этом знали.

Он задумчиво посмотрел на императрицу, пожевал нижнюю губу.

– Но попробуйте только еще раз заговорить о Шайме, и вам несдобровать. Вы меня поняли?

– Поняла, Ксерий.

Их глаза встретились. Император прочел во взгляде Истрийи злобу, но проигнорировал ее. Когда имеешь дело с императрицей, уступка – любая уступка – уже триумф.

Вместо этого Ксерий принялся рассматривать девушку, ее упругие груди, высокие, словно крылья ласточки, мягкие завитки волос в паху. Почувствовав возбуждение, он поднял руку, и девушка неохотно приблизилась. Ксерий подвел ее к ближайшему ложу и растянулся на нем.

– Ты знаешь, что нужно делать? – поинтересовался он.

Девушка подняла стройную ножку и оседлала его. По щекам ее катились слезы. Дрожа, она опустила на его член...

У Ксерия перехватило дух. Он словно погрузился в теплый персик. Да, мир порождает не только всякую мерзость вроде кишаурим, но еще и подобные сладкие плоды.

Старая императрица развернулась, собираясь уходить.

– Матушка, почему бы вам не остаться? – низким голосом окликнул ее Ксерий. – Посмотрите, как ваш сын наслаждается подарком.

Истрийя заколебалась.

– Нет, Ксерий.

– Но вы должны, матушка. Доставить удовольствие императору – дело нелегкое. Дайте ей наставления.

Последовала пауза, нарушаемая лишь всхлипами девушки.

– Конечно, сын мой, – наконец сказала Истрийя и величественно приблизилась к ложу.

Застывшая девушка вздрогнула, когда Истрийя схватила ее руку и передвинула ниже, к мошонке Ксерия.

– Мягче, дитя, – проворковала она. – Тс-с-с, не плачь...

Ксерий застонал и выгнулся под нею, и засмеялся, когда девушка пискнула от боли. Он взглянул в разрисованное лицо матери, маячившее над плечом девушки – белым, белее фарфора, – и его обожгла давняя, тайная дрожь наслаждения. Он снова почувствовал себя беспечным ребенком. Все было прекрасно. Боги воистину благосклонны...

– Скажи мне, Ксерий, – хрипло спросила мать, – а как тебе удалось раскрыть Скеаоса?

Глава 3. Асгилиоох

«Утверждение “я – центр всего” никогда не следует излагать словами. Это исходная посылка, на которой основана вся уверенность и все сомнения».

Айенсис, «Третья аналитика рода человеческого»

«Следи за довольством твоих врагов и унынием твоих любимых».
Айнонская поговорка

4111 год Бивня, начало лета, крепость Асгилиоох

Впервые на памяти ныне живущих землетрясение поразило отрог Унарас и нагорья Инунара. За сотни миль оттуда, на шумных, многолюдных базарах Гиельгата воцарилась тишина, когда товары заплясали на крюках, а со стен посыпалась штукатурка. Мулы принялись лягаться, в страхе закатывая глаза. Завыли собаки.

Но в Асгилиоохе, что с незапамятных времен был южным оплотом жителей Киранейских равнин, люди валились, не в силах устоять на ногах, стены качались, словно пальмовые листья, а древняя цитадель Руом, пережившая королей Шайгека, драконов Цурумаха и не менее трех фанимских джихадов, рухнула, подняв огромный столб пыли. Когда выжившие вытаскивали тела из-под обломков, они поняли, что горюют по камню больше, чем по плоти. «О крепкостенный Руом! – рыдали они, не в силах поверить в случившееся. – Могучий Бык Асгилиооха пал!» Для многих в империи Руом был тотемом. Цитадель Асгилиооха не подвергалась разрушениям со времен Ингушаторепа II, древнего короля-бога Шайгека, – тогда юг в последний раз завоевал Киранейские равнины.

Первые Люди Бивня, отряд мчавшихся во весь опор галеотских кавалеристов под командованием Атьеаури, племянника Коифуса Саубона, добрались до Асгилиооха через четыре дня. Они обнаружили, что город лежит в руинах, а его потрепанный гарнизон уверен, что Священное воинство обречено. Нерсей Пройас со своими конрийцами прибыл на следующий день, еще через два дня – Икурей Конфас с имперскими колоннами и шрайские рыцари под командованием Инхейри Готиана. Пройас прошел по Согианскому тракту вдоль южного побережья, а затем – через Инунарское нагорье, а Конфас и Готиан воспользовались так называемой Запретной дорогой, которую построили нансурцы, чтобы быстро перебрасывать войска от фаним к скульвендам. Из тех Великих Имен, что добирались через центр провинции, первым прибыл Коифус Саубон со своими галеотами – почти через неделю после Конфаса. Готьелк с тидонцами появился вскоре после него, а за ним – Скайельт и его угрюмые туньеры.

Об айнонах не известно было ничего, кроме того, что они еще при выступлении задержались на полдня – то ли из-за численности, то ли из-за Багряных Шпилей и их огромных обозов. Потому большая часть Священного воинства встала лагерем на бесплодных склонах под стенами Асгилиооха и принялась ждать, обмениваясь слухами и предчувствуя беду. Часовым, стоящим на стенах города, это казалось великим переселением народов – наподобие того, что творилось во времена Бивня.

Когда же стало очевидно, что может пройти еще много дней, если не недель, прежде чем айноны присоединятся к ним, Нерсей Пройас созвал совет Великих и Малых Имен. Из-за размеров собрания его пришлось проводить во внутреннем дворе асгилиоохского замка, почти что на руинах Руома. Великие Имена расположились за взявшимся невесть откуда столон, а прочие пышно разряженные участники расселись на груде камней, образовавших своеобразный амфитеатр.

Большая часть утра ушла на подобающие ритуалы и жертвоприношения: совет заседал в полном составе впервые с тех пор, как армия ушла из Момемна. День был потрачен на ссоры: военачальники грызлись из-за того, стоит ли считать разрушение Руома предзнаменованием катастрофы, или же оно ничего не означает. Саубон заявил, что Священному воинству следует немедленно сняться и через Врата Юга уходить в Гедею.

– Это место подавляет нас! – воскликнул он, указывая на развалины. – Мы и спим, и бодрствуем в тени смерти!

Он настаивал, что Руом – нансурское суеверие, «традиционный предрассудок надупшенных и изнеженных». Чем дольше Священное воинство будет находиться рядом с его руинами, тем больше попадет под влияние здешних мифов.

Некоторые увидели в его доводах здравый смысл, но многие сочли их безумными. Без Багряных Шпилей, как напомнил галеотскому принцу Икурей Конфас, Священное воинство будет отдано на милость кишаури.

– Согласно донесениям шпионов моего дяди, Скаур собрал всех вельмож Шайгека и поджидает нас в Гедее. Кто поручится, что с ними нет кишаури?

Пройас и его советник-скюльвенд, Найюр урс Скиоата, согласились с Конфасом: выступать, не дождавшись айнонов, – выдающаяся глупость. Но, похоже, никакие доводы не могли поколебать уверенности Саубона и его союзников.

День уже догорал, солнце склонилось к западным башням, а участники совета так и не сошлись ни на чем, кроме самого очевидного: скажем, разослать конников на поиски айнонов или отправить Атьеаури на разведку в Гедею. Было похоже, что столь недавно собравшееся Священное воинство готово развалиться. Пройас погрузился в молчание и спрятал лицо в ладонях. Лишь Конфас по-прежнему продолжал спорить с Саубоном – если, конечно, ожесточенный обмен оскорблениями можно назвать спором.

А затем из рядов зрителей поднялся нищий князь Атритау, Келлхус, и воскликнул:

– Вы неверно истолковали значение увиденного, все вы! Утрата Руома – не случайность, но и не проклятие!

Саубон расхохотался и крикнул в ответ:

– Руом – это талисман против язычников, так, что ли?

– Да, – ответил князь Атритау. – До тех пор пока цитадель стояла, мы могли вернуться. Но теперь... Разве вы не видите? За этими горами люди собрались под знамена лжепророка. Мы стоим на берегу языческого моря. Моря язычников!

Он умолк, поочередно обводя взглядом все Великие Имена.

– Без Руома возврата нет... Бог сжег наши корабли.

После этого было единодушно принято решение: Священное воинство будет дожидаться айнонов и Багряных Шпилей.

Вдалеке от Асгилиоха, в своем большом шатре Элеазар, великий магистр Багряных Шпилей, откинувшись на спинку кресла – единственной роскоши, которую он позволил себе в этом безумном путешествии. Личные рабы мыли ему ноги в тазу с горячей водой. Полумрак шатра рассеивали три светильника. Покои наполнились клубами дыма, и по холсту стен плыли тени, превращая его в подобие испятнанной водой рукописи.

Путешествие оказалось не таким тяжелым, как он боялся, – во всяком случае, до сих пор. И тем не менее вечера, подобные нынешнему, неизменно вызывали у него ощущение постыдного облегчения. Сперва Элеазар думал, что причина тому – его возраст: в последний раз он выезжал за границы своих владений более двадцати лет назад. Старое корыто, думал он, глядя, как в вечерних сумерках его люди ставят шатры и палатки. Старое разбитое корыто.

Но затем магистр припомнил годы, когда бродил от города к городу. И понял, что страдает сейчас не от усталости. Элеазар восстановил в памяти, как лежал у костра, под звездным небом, и не было ни огромного шатра, укрывающего его от непогоды, ни шелковых подушек, ласкающих щеку, – лишь твердая земля да изнеможение путника, которому наконец-то удалось прилечь. Вот это была настоящая усталость! А сейчас? Сейчас его несут в паланкине, его окружают десятки рабов...

Магистр осознал, что облегчение, которое он чувствует каждый вечер, связано не с утомлением, а с противостоянием...

Попросту говоря, с Шайме.

Великие решения, размышлял магистр, оцениваются не только по их последствиям, но и по их завершенности. Иногда Элеазар буквально ощущал это как нечто осязаемое: неизбранный путь, ответвление истории, в котором Багряные Шпили отвергли оскорбительное предложение Майтанета и остались наблюдать за Священной войной со стороны. Этого ответвления не было на самом деле, и все же оно существовало, как ночь страсти может существовать в молящем взгляде рабыни. Элеазар видел его во всем: в нервном молчании, во взглядах, которыми обменивались адепты, в неослабевающем цинизме Ийока, в хмурой гримасе генерала Сетпанареса. И казалось, оно насмехается над магистром, так же как избранный им путь, насмехается, суля опасность.

Присоединиться к Священному воинству! Элеазар привык иметь дело с вещами нереальными; это было его ремеслом. Но нереальность такого масштаба – присутствие Багряных Шпилей здесь – было почти невозможно переварить. Сама мысль об этом казалась иронией, но не той иронией, которой наслаждаются культурные люди – айноны в особенности, – а скорее той, что беспрестанно воспроизводит саму себя и превращает уверенность в зыбкую нерешительность.

Но на этом сложности не кончались: дом Икуреев плел заговоры с язычниками; Завет вел тайную гностическую игру; все до единого агенты Шпилей в Сумне были раскрыты и казнены – хотя они, казалось, находились вне опасности до того, как Багряные Шпили вступили на территорию империи. Даже Майтанет, Великий шрайя Тысячи Храмов, и тот что-то мудрил.

Небольшое чудо Шайме действовало угнетающе. Небольшое чудо каждую ночь казалось передышкой.

Элеазар вздохнул; Мьяза, новая фаворитка, принялась натирать его правую ногу теплым ароматическим маслом.

«Неважно, – подумал он. – Сожаление – наркотик для глупцов».

Он запрокинул голову, наблюдая за девушкой из-под полуопущенных век.

– Мьяза, – сказал он, ухмыльнувшись в ответ на ее застенчивую улыбку. – М-м-мьяз-з-за-а-а...

– Хануману Элеа-з-з-за-а-ар, – выдохнула она в ответ.

Дерзкая девчонка! Прочие рабыни потрясенно ахнули, затем захихикали.

«Вот паршивка!» – подумал Элеазар и потянулся сгрести ее в охапку. Но вид одетого в черное Ушера, что ступил на ковер и опустился на колени, остановил магистра.

Судя по всему, кто-то желает видеть его. Наверное, генерал Сетпанарес снова пришел жаловаться на скорость продвижения войска – а на самом деле на медлительность Багряных Шпилей. Дескать, так айноны доберутся до Асгилиоха последними. Ну и какое это имеет значение? Пускай их подождут.

– В чем дело? – неприязненно поинтересовался магистр.

Молодой человек поднял голову.

– Великий магистр, к вам проситель.

– В такое время? Кто?

Ушер заколебался.

– Маг из школы Мисунсай, великий магистр. Некто Скалетей.

Мисунсай? Продажные твари – все до единого.

– Чего ему надо? – спросил Элеазар.

У него противно засосало под ложечкой. Ну вот, новые проблемы.

– Он толком не объяснил, – отозвался Ушер. – Сказал только, что прискакал сюда из Момемна, чтобы побеседовать с вами по неотложному делу.

– Сводник, – буркнул Элеазар. – Наемник сраный. Ладно, помурьжь его немного, а потом пускай заходит.

Ушер вышел. Рабы вытерли ноги Элеазара и надели на них сандалии. Затем он их отпустил. Когда последний раб покинул шатер, в покой вошел этот тип, Скалетей, в сопровождении двух вооруженных джаврегов.

– Оставьте нас, – велел Элеазар воинам-рабам.

Они согнулись в поклоне и удалились.

Элеазар, не вставая из кресла, принялся разглядывать наемника. Тот был чисто выбрит на нансурский манер и облачен в скромную дорожную одежду: обтягивающие штаны, простая коричневая рубаша и кожаные сандалии. Похоже было, что он дрожит. Неудивительно. В конце концов, он стоит перед самым великим магистром Багряных Шпилей.

– Это чрезвычайно дерзко, мой брат-наемник, – сказал Элеазар. – Для подобных сделок есть свои каналы.

– Прошу меня простить, великий магистр, но для того, что я... что у меня имеется на продажу, никакие каналы не годятся.

Он поспешно добавил:

– Я... я – пералог белого пояса из ордена Мисунсай, великий магистр, нанят императорской фамилией в качестве аудитора. Император время от времени пользуется моими услугами для подтверждения неких измерений, производимых Имперским Сайком...

Элеазар из вежливости стерпел эту тираду.

– Продолжай.

– Не м-могли бы мы... э-э...

– Не могли бы мы что?

– Не могли бы мы обсудить вопрос оплаты?

Ну, естественно. Кастовый лакей. Сутент. Никакого представления о правилах игры. Но джнан, как любят говорить айноны, не требует согласия. Если играет один, играет и другой.

Вместо ответа Элеазар начал рассматривать длинные накрашенные ногти и рассеянно полировать их об одежду. Потом он поднял взгляд, будто поймал посетителя на мелкой неучтивости, и принялся изучать наемника как человек, отягощенный обязанностью решать вопросы жизни и смерти.

От сочетания молчания и внимательного разглядывания посетитель мгновенно потерял самообладание.

– П-простите м-мне м-мое рвение, великий магистр, – заикаясь, пробормотал Скалетей и рухнул на колени. – Знание и алчность слишком часто прищпоривают друг друга.

Хорошо сказано. У этого человека имеется кое-какой ум.

– Действительно, прищпоривают, – сказал Элеазар. – Но, возможно, тебе следует предоставить мне решать, кто из них куда поскачет.

– Конечно, великий магистр!.. Но...

– Никаких «но». Выкладывай.

– Конечно, великий магистр, – повторил Скалетей. – Это касается фанимских колдунов-жрецов, кишаурим... У них появилась новая разновидность шпионов.

Позабыв о манерах, Элеазар подался вперед.

– Говори дальше.

– П-простите, великий магистр, – выпалил наемник, – н-но я должен получить плату, прежде чем говорить дальше!

Нет, все-таки он дурак. Даже для адептов время всегда оставалось самым дорогим товаром. Скалетею следовало бы это знать. Элеазар вздохнул, потом произнес первое слово. Его глаза и рот вспыхнули фосфоресцирующим светом.

– Нет! – завопил Скалетей. – Пожалуйста! Я скажу! Не надо...

Элеазар остановился, но недосказанное заклинание продолжало эхом отдаваться в шатре. Тишина, когда она все-таки наступила, показалась абсолютной.

– Н-нак-кануне т-того дня, к-когда Священное воинство выступило из Момемна, – начал мисунсай, – меня вызвали в катакомбы, чтобы я пронаблюдал за допросом шпиона – так они сказали. По-видимому, первый советник императора...

– Скеаос?! – воскликнул Элеазар. – Скеаос – шпион?!

Мисунсай заколебался, облизал губы.

– Не Скеаос... Некто, прикидывающийся им. Или нечто...

Элеазар кивнул.

– Тебе удалось заинтересовать меня, Скалетей.

– При допросе присутствовал сам император. Он громогласно потребовал, чтобы я опроверг выводы Сайка, чтобы я сказал, будто тут замешано колдовство... Первый советник, как вам известно, человек старый, однако же, когда его арестовывали, он убил или покалечил несколько человек из эотской гвардии – как мне сказали, голыми руками. Император... э-э... разнервничался.

– Ну и что же ты увидел, аудитор? Была ли на нем Метка?

– Нет. На нем не было ни малейшего отпечатка колдовства. Но когда я сказал об этом императору, тот обвинил меня в сговоре с Сайком. Затем появился адепт Завета. Его привел Икурей Конфас...

– Адепт Завета? – перебил Элеазар. – Ты имеешь в виду Друза Ахкеймиона?

Скалетей сглотнул.

– Вы его знаете? Мы, мисунсаи, давно уже не интересуемся Заветом. Так ваше преосвященство утве...

– Ты хотел продать сведения, Скалетей, или купить их?

Мисунсай нервно улыбнулся.

– Продать, конечно же.

– Тогда рассказывай, что произошло дальше.

– Адепт Завета подтвердил мои выводы. Император обвинил его во лжи. Как я уже сказал, император... э... э...

– Разнервничался.

– Да. Но этот адепт Завета, Ахкеймион, тоже разволновался. Они заспорили...

– Заспорили? – это почему-то не удивило Элеазара. – О чем?

Мисунсай покачал головой.

– Не помню. Кажется, речь шла о страхе. А потом первый советник заговорил с Ахкеймионом – на языке, которого я никогда прежде не слышал. Он узнал его.

– Узнал? Ты уверен?

– Абсолютно. Скеаос, чем бы он ни был, узнал Друза Ахкеймиона. А потом он – оно – затряслось. Мы смотрели на него в полном изумлении, а оно вырвало цепи из стены... Освободилось!

– Друз Ахкеймион ему помогал?

– Нет. Он перепугался точно так же, как и все остальные, если не больше. Началась суматоха, и это существо успело убить не то двоих, не то троих, прежде чем вмешался адепт Сайка и сжег его. Теперь я припоминаю, что он его сжег, невзирая на возражения Ахкеймиона. Вышел из себя.

– Ахкеймион хотел вступить за это существо?

– Он даже пытался закрыть первого советника своим телом.

– Ты уверен?

– Абсолютно. Я никогда этого не забуду, потому что именно тогда лицо первого советника... его лицо... оно... отделилось.

– Отделилось?

– Или развернулось... Оно просто... просто раскрылось, как кулак, но... Я не знаю, как это еще можно описать.

– Как кулак?

«Этого не может быть! Он лжет!»

– Вы мне не верите. Пожалуйста, поверьте, ваше преосвященство! Шпион был копией советника, двойником – без Метки! А это значит, что он – артефакт Псухе. Кишаурим. Это значит, что у них есть шпионы, которых невозможно распознать.

По телу Элеазара разлилось оцепенение.

«Я подверг мою школу риску».

– Но их искусство слишком грубое...

Скалелей как-то странно воодушевился.

– И тем не менее другого объяснения я не вижу. Они отыскивали способ создавать идеальных шпионов... Подумайте только! Как долго они могли нашептывать все, что захотят, на ухо императору? Императору! Кто знает, сколько...

Он умолк – очевидно, осознал, что слишком близко подобрался к сути дела.

– Вот почему я прискакал сюда в великой спешке. Чтобы предупредить вас.

У Элеазара пересохло во рту. Он попытался сглотнуть.

– Ты должен остаться с нами, чтобы мы могли... расспросить тебя поподробнее.

Лицо мисунся превратилось в маску ужаса.

– Б-боюсь, это н-невозможно, ваше преосвященство. Меня ждут при дворе.

Элеазар сцепил руки, чтобы скрыть дрожь.

– Отныне, Скалелей, ты работаешь на Багряных Шпилей. Твой контракт с домом Икуреев расторгнут.

– Э-э, в-ваше преосвященство, я – прах перед вашей славой и могуществом – ваш раб! – но боюсь, что этот контракт нельзя расторгнуть по приказанию. Д-даже по вашему. Т-так что если я м-могу получить м-мою, м-мою...

– Ах да. Твоя плата.

Элеазар строго посмотрел на мисунся и улыбнулся с обманчивой снисходительностью. Несчастный глупец. Думает, что недооценил свою информацию. Это стоит куда больше золота. Намного больше.

Лицо мисунся сделалось непроницаемым.

– Полагаю, что не могу более медлить с отъездом.

– Ты пола...

И тут Элеазар едва не стал покойником. Скалелей начал свой Напев одновременно с репликой Элеазара, выиграв по времени один удар сердца – и этого почти хватило.

Молния прорезала воздух, с грохотом ударила об оберег-зеркало великого магистра и отскочила. На миг ослепший Элеазар откинулся назад вместе с креслом и грохнулся на ковер. Он запел, даже не успев подняться на четвереньки.

Воздух наполнился всполохами пламени. Пляска огненных птиц...

Наемник завопил и в спешке принялся читать заклинание, чтобы усилить свои обереги. Но для хануману Элезара, великого магистра Багряных Шпилей, он был детской загадкой, решить которую не стоило труда. На Скалетея посыпались пылающие птицы, одна за другой. Поочередно они раскололи все его обереги. Затем из воздуха появились цепи; они пронзили руки и плечи мисунсая, пересеклись, словно ниточки в детской игре «Паутинка», и Скалетей повис в воздухе.

Мисунсай закричал.

Джавреги влетели в покои с оружием наголо и сразу же остановились в ужасе, увидев, что случилось с мисунсаем. Элезар гневно рыкнул на них, велел убираться прочь.

Тут он заметил своего главного шпиона, Ийока; тот работал локтями, прокладывая себе дорогу среди отступающих воинов-рабов. Заядлый приверженец чанва спотыкался о ковры; его покрасневшие глаза были широко распахнуты, распухшие губы приоткрыты от возбуждения. Элезар не припоминал, чтобы ему доводилось видеть на лице Ийока настолько сильные эмоции – во всяком случае, после того рокового нападения кишаурим, десять лет назад, перед...

Перед объявлением войны.

– Эли! – воскликнул Ийок, глядя на пронзенную, корчащуюся фигуру Скалетея. – Это что такое?

Великий магистр рассеянно затоптал небольшой костерок на ковре.

– Подарок для тебя, старина. Еще одна загадка, которой следует найти решение. Еще одна угроза...

– Угроза? – возмутился Ийок. – Эли, что это значит? Что произошло?

Элезар рассматривал вопящего мисунсая с видом человека, которого отвлекают от работы.

«Что мне делать?»

– Тот адепт Завета, – отрывисто спросил Элезар, поворачиваясь к Ийоку. – Где он сейчас?

– Двигается вместе с Проясом. Во всяком случае, так я полагаю... Эли! Скажи...

– Друза Ахкеймиона необходимо доставить ко мне, – продолжал Элезар. – Доставить ко мне или убить.

Лицо Ийока потемнело.

– Такие вещи требуют времени... планирования... Он же адепт Завета, Эли! Не говоря уже о том, что могут последовать ответные действия... Мы что, воюем с кишаурим и с Заветом одновременно? Ну нет, ничего подобного не будет, пока я не пойму, что происходит! Это мое право!

Элезар поднял глаза на Ийока, и во взгляде его было такое же беспокойство. Его, наверное, впервые не пробрал озноб при виде полупрозрачного черепа друга. Напротив, это зрелище успокоило его. «Ийок! Это ты, ведь правда?»

– Это покажется неразумным... – начал Элезар.

– Скорее откровенным бредом.

– Поверь, старый друг. Это не так. Необходимость делает разумным все.

– Да что за увертки?! – вскричал Ийок.

– Терпение... – отозвался Элезар.

К нему постепенно возвращалось достоинство, приличествующее великому магистру.

– Для начала смирись с моим безумием, Ийок... А потом послушай, почему на самом деле я не сошел с ума. Но сперва позволь ощупать твое лицо.

– Зачем? – изумился Ийок.

Скалетей взвыл.

– Мне нужно знать, что под ним есть кости... Такие, как полагается.

Впервые с тех пор, как они ушли из Момемна, Ахкеймион остался у вечернего костра один. Прояс устраивал пиршество для Великих Имен, и туда были приглашены все, кроме колдуна и рабов. Потому Ахкеймион праздновал сам с собой. Он пил с солнцем, прилегшим на склоны гор, с Асгилиохом и его разрушенными башнями, с лагерем Священного воинства, чьи бесчисленные костры мерцали в сумерках. Он пил до тех пор, пока голова не поникла, а мысли не превратились в мешанину доводов, возражений и сожалений.

Рассказывать Келлхусу о стоящей перед ним дилемме было безрассудством – теперь он это понимал.

Со времен той исповеди минуло две недели. За это время конрийское войско распрощалось с брусчаткой Согианского тракта и свернуло на рыжие, поросшие кустарником склоны нагорья Инунара. Ахкеймион шагал рядом с Келлхусом, как и прежде, отвечая на его вопросы, размышляя над его замечаниями – и поражаясь, постоянно поражаясь интеллекту молодого человека. На первый взгляд все казалось точно таким же, не считая исчезнувшей дороги, по обочине которой они шли раньше. Но в действительности изменилось все.

Ахкеймион думал, что разговор с Келлхусом облегчит его ношу, что честность избавит его от стыда. Глупец! Как он мог вообразить, будто его мучает тайность дилеммы, а не сама ее суть? Тайность была скорее целебна. Теперь же всякий раз, когда они с Келлхусом обменивались взглядами, Ахкеймион видел в его глазах отражение своей боли – и иногда ему начинало казаться, будто он задыхается. Он не только не уменьшил свою ношу – он удвоил ее.

– А что, – внезапно спросил Келлхус, – сделает Завет, если ты им расскажешь?

– Заберет тебя в Атьерс. Посадит в темницу. Станет задавать вопросы... Теперь, когда известно, что Консулт пошел вразнос, они пойдут на все, чтобы восстановить хотя бы видимость контроля. Они никогда не позволят тебе ускользнуть.

– Тогда ты не должен ничего им говорить, Акка!

Его слова полны были гнева и тревоги; его безрассудство напомнило Ахкеймиону об Инрау.

– А Второй Апокалипсис? Как быть с ним?

– А ты уверен? Достаточно уверен, чтобы рисковать чужой жизнью?

Жизнь за мир. Или мир за жизнь.

– Ты не понимаешь! Ставки, Келлхус! Подумай о том, что поставлено на кон!

– Как я могу думать о чем-то другом? – парировал Келлхус.

Ахкеймион слышал, будто жрицы Ятвера всегда тащат к алтарю две жертвы – обычно молодых барашков; одного – чтобы положить под нож, а второго – как свидетеля священного пути. Таким образом, каждое животное, брошенное на алтарь, смутно понимало, что происходит. Для ятверианцев недостаточно было ритуала как такового: им требовалось осознание. Один барашек стоит десяти быков, – так когда-то сказала ему жрица, словно у нее была возможность судить о подобных вещах.

Один барашек стоит десяти быков. Тогда Ахкеймион рассмеялся. Теперь он понял.

Прежде эта дилемма бросала его в мучительную дрожь, словно он совершал тайный грех. Но теперь, когда Келлхус *знал*, она стала подавлять Ахкеймиона. Прежде ему удавалось хотя бы время от времени отдыхать в обществе этого незаурядного человека. Он мог притворяться обычным наставником. Но теперь, когда дилемма встала между ними, ощущение мучительного выбора неотвязно преследовало его, вне зависимости от того, отводил Ахкеймион взгляд или нет. Не было больше никакого притворства, никакой «забывчивости». Только острый нож бездействия.

И вино. Сладкое неразбавленное вино.

Когда они прибыли в полуразрушенный Асгилиох, Ахкеймион, наверное, от безысходности, начал учить Келлхуса алгебре, геометрии и логике. Есть ли лучший способ отвлечь душу от терзаний, заменить уверенностью мучительные сомнения? Пока другие наблюдали за ними со стороны, смеялись и чесали в затылках, Ахкеймион с Келлхусом часами напролет царапали доказательства прямо на земле. Через несколько дней князь Атритау вывел новые аксиомы и принялся сочинять теоремы и формулы, которые никогда не приходили Ахкеймиону в голову и уж подавно не встречались в классических текстах. Келлхус даже доказал ему – доказал! – что логике, положенной Айенсисом в основу «Силлогистики», предшествует некая более глубинная логика, та, что опирается на связи между целыми предложениями, а не только между подлежащим и сказуемым. Две тысячи лет постижения и проникновения в суть вещей оказались перечеркнуты пыльной палочкой в руке Келлхуса!

– Но как?! – воскликнул Ахкеймион. – Как!

Келлхус пожал плечами.

– Просто я это вижу.

«Он здесь, – пришла Ахкеймиону в голову абсурдная мысль, – но он одновременно и не со мной...» Если все люди смотрят на мир с того места, на котором стоят, значит, Келлхус стоит где-то в отдалении от прочих. Но не находится ли это место за пределами понимания Друза Ахкеймиона?

Все тот же вопрос. Надо выпить еще.

Ахкеймион покопался в сумке и вытащил схему, которую набросал по дороге из Сумны в Момемн. Он поднес ее к огню и поморгал, пытаясь сфокусироваться на пергаменте. Все надписи были соединены между собою, не считая одной-единственной.

АНАСУРИМБОР КЕЛЛХУС.

Взаимосвязи. Все сводилось к взаимосвязям, точно так же, как в арифметике или логике. Ахкеймион нарисовал то, в чем не сомневался, – например, связь между императором и Консультom, и то, о чем мог только догадываться, – связь между Майтанетом и Инрау. Тонкие линии: одна – проникновение Консультa к императорскому двору, вторая – убийство Инрау, третья – война Багранных Шпилей против кишаурим, четвертая – поход Священного воинства, и так далее. Чернильные штрихи, обозначающие взаимосвязи. Тонкий черный скелет.

Но куда вписать Келлхуса? Где его место?

Ахкеймион нервно рассмеялся, борясь с желанием швырнуть пергамент в огонь. Дым. Быть может, все эти связи – не более чем дым. Дым, а не чернила. Трудно разглядеть и невозможно ухватить. Не в том ли проблема? Глобальная проблема, касающаяся всего на свете?

Мысль о дыме заставила Ахкеймиона подняться на ноги. Он покачнулся, потом наклонился за сумкой. Снова задумался, не бросить ли схему в костер, но не стал – у него был богатый опыт совершенных спяну ошибок – и положил пергамент к прочим вещам.

С сумкой на одном плече и Ксинемовым бурдюком на другом Ахкеймион побрел во тьму, спотыкаясь, смеясь про себя и думая: «Да, дым... Мне нужен дым». Гашиш.

А почему бы и нет? Все равно скоро конец света.

Когда солнце село за горы Унарас, каждый костер превратился в круг света, а весь лагерь – в черную ткань с рассыпанными по ней золотыми монетами. Поскольку конрийцы прибыли в числе первых, они обосновались на холмах у стен Асгилиоха, поближе к воде. В результате Ахкеймион шагал все вниз и вниз, словно спускался в преисподнюю.

Он шел и спотыкался, исследуя артерии темных проходов между шатрами. Много кто попадался ему на пути: пьянствующие компании; солдаты, бродящие в поисках отхожего места; рабы, спешащие с поручениями, и даже жрец Гильгаоала, который что-то монотонно

читал нараспев и помахивал тушкой ястреба, висящей на кожаном шнуре. Время от времени Ахкеймион замедлял шаг, смотрел на грубые лица людей, теснящихся у каждого костра, смеялся над их ужимками или размышлял над хмурыми взглядами. Он наблюдал, как они пыжаты и расхаживают взад-вперед, как бьют себя в грудь и похваляются друг перед другом. Скоро они обрушатся на язычников. Скоро они сойдутся с ненавистным врагом. «Бог сжег наши корабли!» – взревел какой-то галеот с голым торсом, сперва на шейском, потом на родном языке. «Воссен хэт Вотта грефеарса!»

Иногда Ахкеймион останавливался и вглядывался в темноту за спиной. Старая привычка.

Вскоре он устал и почти протрезвел. Он надеялся, что Судьба, Ананке, приведет его к проституткам, путешествующим вместе с армией; в конце концов, ее тоже частенько называют блудницей. Но она, как обычно, подвела – вот продажная дрянь. Ахкеймион набрался наглости и стал подходить к кострам, спрашивая дорогу.

– Это ты зря, приятель, – сказал ему на одной стоянке уже немолодой мужчина, у которого не хватало передних зубов. – Сейчас гон только у мулов. У быков и у мулов.

– Это хорошо, – сказал Ахкеймион, ухватившись за пах на тидонский манер. – По крайней мере, размеры подходящие.

Старик и его товарищи расхохотались. Ахкеймион подмигнул им и приложился к бурдюку.

– Ну, тогда иди туда, – крикнул какой-то остряк, указывая в темноту. – Надеюсь, у твоей задницы глубокие карманы!

Ахкеймион поперхнулся, да так, что вино пошло носом, и несколько мгновений стоял, пытаясь откашляться. Это так всех развеселило, что ему дали место у костра. Ахкеймион, закоренелый бродяга, был привычен к обществу воинственных незнакомцев и некоторое время наслаждался компанией, вином и собственной безымянностью. Но когда расспросы сделались слишком дотошными, Ахкеймион поблагодарил солдат и продолжил путь.

Привлеченный барабанным боем, Ахкеймион пересек пустынную часть лагеря и очутился в районе, где обосновались проститутки. Там Ахкеймион на каждом шагу то наталкивался на чье-то плечо, то вжимался в чью-то спину. Кое-где ему приходилось в темноте проталкиваться через толпу, где лишь головы, плечи да лица белели в тусклом свете Гвоздя Небес. В других местах были воткнуты в землю факелы, и вокруг них устроились где музыканты, а где торговцы. Иногда попадались бордели, обнесенные кожаными загородками. Некоторые проходы могли похвастаться настоящими фонарями. Ахкеймион видел молодых Людей Бивня – сущих мальчишек, – которых рвало от излишка спиртного. Он видел десятилетних девочек, ведущих крепко сбитых воинов в шатры. Он даже заметил мальчишку с изрядным слоем косметики на лице – тот смотрел на проходящих мужчин с боязливым обещанием. Он видел палатки ремесленников и несколько импровизированных кузниц. За развевающимися занавесями курильни опиума он видел людей, которые двигались так, словно их дергали за веревочки. Он прошел мимо позолоченных шатров культов: Гильгаоала, Ятвера, Мома, Айокли, даже малопонятной Онкис, которую особенно любил Инрау, и бесчисленного множества прочих. Он отмахивался от вездесущих нищих и смеялся над адептами, пытавшимися всучить ему глиняные таблички с благословениями.

В некоторых местах не было шатров – только примитивные навесы, сооруженные из палок, бечевы, раскрашенной кожи или обычных циновок. В каком-то проходе Ахкеймион успел заметить не менее дюжины пар, мужчин и женщин, совокуплявшихся у всех на виду. Однажды он приостановился, чтобы посмотреть на невероятно красивую норсирайку, удовлетворявшую двух мужчин одновременно, но к нему тут же прицепился чернозубый тип с дубинкой и потребовал монету. Потом он понаблюдал за старым, покрытым татуировками отшельником, пытавшимся поймать толстую женщину. Он видел чернокожих зеумских про-

ститутток, танцевавших в своей странной, кукольной манере и одетых в кричащие яркие платья из поддельного шелка, – карикатуры на замысловатую изысканность, столь свойственную их далекой стране.

Первая женщина скорее нашла его, чем он ее. Когда Ахкеймион шел по особенно темному проходу между полотняными хибарами, он услышал хриплое дыхание, а потом почувствовал, как маленькие руки обхватили его сзади и принялись ощупывать пах. Когда он повернулся и обнял женщину, она показалась ему довольно хорошо сложенной, но он почти не мог разглядеть в темноте ее лица. Женщина уже принялась теревить его мужское достоинство через одежду, бормоча:

– Всего один медяк, господин. Всего медяк за ваше семя...

Ахкеймион заметил ее кривую улыбку.

– Два медяка за мой персик. Хотите мой персик?

Ахкеймион почти против воли поддался легким движениям ее рук, и у него перехватило дыхание. Но потом мимо протопала с факелами колонна кавалеристов – имперских кидрухилей, – и Ахкеймион увидел ее лицо: пустые глаза и потрескавшиеся губы...

Он оттолкнул женщину и полез за кошельком. Выудил оттуда медяк, намереваясь отдать его, но уронил монетку на землю. Женщина упала на колени и с ворчанием принялась искать ее... Ахкеймион позорно бежал.

Вскоре после этого он принялся рыскать в темноте, рассматривая группу сидевших у костра проститутток. Они пели и хлопали в ладоши, а одна из них, плоскогрудая кетьянка, танцевала; из одежды на ней было лишь одеяло, обмотанное вокруг бедер. Ахкеймион знал, что это распространенный обычай. Они будут по очереди отплясывать непристойные танцы и выкрикивать призывы в окружающую темноту, нахваливая свой товар.

Сперва Ахкеймион оценивал женщин, прячась под покровом темноты. Танцевавшая девушка ему не понравилась – больно уж она смахивала на лошадь. А вот молодая норсирайка, которая повернула хорошенькое личико и запела, как дитя... Она сидела на земле, вытянув ноги перед собой, и блики костра метались по внутренней стороне ее бедер.

Когда Ахкеймион наконец вышел к ним, они тут же подняли гам, словно рабы на аукционе, рассыпаясь в обещаниях, которые мгновенно сменились насмешками, как только он взял за руку галеотку. Несмотря на выпитое, Ахкеймион так разнервничался, что ему трудно было дышать. Она выглядела такой красивой. Такой нежной и непорочной.

Прихватив свечу, девушка потянула его в темноту и в конце концов привела к ряду примитивных шалашей. Она сбросила покрывало и забралась под грязную кожу. Ахкеймион стоял над ней, ловя ртом воздух; ему хотелось надышаться бледным великолепием ее нагого тела. Однако дальняя стена шалаша состояла из тряпок, связанных между собою веревками. И сквозь нее Ахкеймион видел людей, снующих туда-сюда по темному проходу.

– Ты хочешь трахнуть меня, да? – спросила девушка.

– О да, – пробормотал Ахкеймион.

Да что такое с его дыханием?

«Сейен милостивый!»

– Трахнуть меня много раз? А, Басвутт?

Ахкеймион нервно рассмеялся. Снова взглянул на тряпочную занавеску. Мимо прошли двое переругивающихся мужчин, так близко, что Ахкеймион вздрогнул.

– Много раз, – ответил он, зная, что это – вежливый способ договориться о цене. – Сколько, как ты думаешь?

– Ну, думаю... Думаю, четыре серебряных раза.

Серебряных? Очевидно, она приняла его замешательство за неопытность. А, да что значат деньги в такую ночь! Он празднует или как?

Пожав плечами, Ахкеймион сказал:

– Такой старик, как я?

Так мужчине приходилось осмеивать собственную удаль, чтобы добиться честной сделки. Тот, кто был беден, жаловался, что стар, у него плохо стоит, и так далее. Эсменет как-то сказала, что мужчины, которые высокого мнения о себе, обычно плохо торгуются – в чем, собственно, и состоял весь смысл. Шлюхи никого так не ненавидят, как мужчин, которые приходят, уже веря в ту ложь, что скажут женщине. Эсми называла таких – симустарапари, «те, кто брызгает дважды».

Галеотка устремила на него затуманенный взор; она начала ласкать себя.

– Ты такой сильный, – сказала она.

Голос у нее вдруг сделался тоненьким.

– Как Басвутт... Сильный! Может, два серебряных раза?

Ахкеймион рассмеялся, стараясь не смотреть на ее пальцы. Земля начала медленно вращаться. На миг девушка показалась бледной и тощей, словно рабыня, с которой дурно обращаются. Циновка, на которой она лежала, на вид была достаточно грубой, чтобы врезаться ей в кожу... Он слишком много выпил.

«Ничего не слишком! Просто достаточно...»

Земля остановилась. Ахкеймион сглотнул, кивнул в знак согласия, затем вытащил из кошелька две монеты.

– А что означает «Басвутт»? – спросил он, роняя серебро в подставленную ладонь.

– А? – отозвалась она, победно улыбаясь.

Девушка с поразительной быстротой спрятала два блестящих таланта. «Интересно, что она купит?» – подумалось Ахкеймиону. Галеотка взглянула на него большими глазами.

– Что это значит? – повторил он помедленнее. – «Басвутт»...

Девушка нахмурилась, потом хихикнула.

– Большой медведь...

Она была грудастой и созревшей, но что-то в ее поведении напоминало Ахкеймиону маленькую девочку. Простодушная улыбка. Бегающий взгляд и подрагивающий подбородок. Ахкеймион почти ожидал появления сварливой матери, которая примется костерить их обоих. Интересно, а это тоже часть представления, как и бесстыдное поддразнивание?

Сердце гулко забилося у него в груди.

Ахкеймион опустился между ее ног, на уровне ступней. Галеотка извивалась и корчилась, словно готова была кончить от одного его присутствия.

– Трахни меня, Басвутт, – выдохнула она. – Басву-у-утт... Трахни-меня-трахни-меня-трахни-меня... Ну пожа-а-алуйста...

Ахкеймион качнулся, выпрямился, засмеялся. Начал стягивать одежду, нервно поглядывая на прохожих, движущихся мимо занавески. Они шли так медленно, что он мог бы плюнуть им на ноги.

– О-о-ох, какой большой медведь, – заворковала галеотка, поглаживая его член.

И вдруг все его опасения испарились, и какая-то часть сознания возликовала при мысли, что на него смотрят. Пускай смотрят! Пускай учатся!

«Всегда наставник...»

Хохотнув, Ахкеймион ухватил галеотку за узкие бедра и потянул к себе.

Как он жаждал этого момента! Заняться распутством с незнакомкой... Наверное, ничего нет слаще нового персика!

Ахкеймион дрожал! Дрожал!

Она стонала серебром, кричала золотом. Лица прохожих повернулись в их сторону.

И через связанные тряпки Ахкеймион увидел Эсменет.

– Эсми! – звал Ахкеймион, продираясь через толпу. Позади что-то кричала галеотка – он не понимал, что.

Он снова на миг разглядел Эсменет; она быстро шла вдоль ряда факелов перед пологом ятверианского лазарета. Высокий мужчина, щеголяющий спутанными косами туньерского воина, держал ее за руку, но похоже было, что это Эсменет ведет его.

– Эсми! – крикнул Ахкеймион, подпрыгивая, чтобы его было видно из-за людской стены.

Но Эсменет не обернулась.

– Эсми! Пстой!

Почему она убегает? Она увидела его с той проституткой?

Но коли так – что она сама тут делает?

– Черт подери, Эсменет! Это я! Я!

Обернулась ли она? Слишком темно – не разглядишь...

На долю секунды Ахкеймион даже задумался, не воспользоваться ли ему колдовством: он мог бы при желании осветить всю округу. Но, как всегда, он чувствовал небольшие сгустки смерти, рассеянные среди толпы: Люди Бивня, носящие при себе фамильные хоры...

Ахкеймион с удвоенной силой принялся проталкиваться сквозь толпу. Кто-то ударил его, да так, что зазвенело в ушах, но Ахкеймиону было все равно.

– Эсми!

Он заметил, как Эсменет потянула туньерца в еще более темный проход. Ахкеймион выбрался из скопления народа и со всех ног припустил за ней. Но замешкался, прежде чем нырнуть во тьму, – его вдруг пронзило предчувствие беды. Эсменет здесь? В Священном воинстве? Не может быть.

Ловушка? Мысль как удар ножа.

Земля снова начала вращаться.

Если Консулт мог подделать Скеаоса, почему бы им не подделать и Эсменет? Если они знали об Инрау, то почти наверняка знают и о ней... Есть ли более надежный способ одурачить безнадежно влюбленного колдуна, чем...

«Шпион-оборотень? Я гонюсь за оборотнем?»

Перед мысленным взором Ахкеймиона предстал труп Гешрунни, выловленный из реки Сают. Убитый. Поруганный.

«Благой Сейен, они забрали его лицо». Не могло ли то же самое произойти с...

– Эсми! – прокричал он, кидаясь во тьму. – Эсми!

Эсми-и-и!

По счастью, она остановилась вместе со своим спутником в свете единственного факела. Ее то ли встревожили крики, то ли...

Ахкеймион остановился перед ней, лишившись дара речи. Его шатало.

Это была не она – карие глаза чуть поменьше, брови чуть повыше. Почти такие же, но... Почти Эсменет.

– Еще один ненормальный, – фыркнула женщина, обращаясь к туньеру.

– Я думал... – пробормотал Ахкеймион. – Я принял вас за другую.

– Бедная девушка, – насмешливо произнесла женщина, поворачиваясь к нему спиной.

– Погодите! Пожалуйста...

– Что – пожалуйста?

Ахкеймион сморгнул слезы. Она выглядела такой... такой близкой.

– Я нуждаюсь в вас, – прошептал он. – Нуждаюсь в вашем... в вашем утешении.

Туньер безо всякого предупреждения ухватил его за горло и одновременно врезал в живот.

– Кундроут! – взревел он. – Парасафау фераутин кун даттас!

Ахкеймион захрипел и вцепился в здоровенную ручищу туньера. Паника. Потом гравий и камни ударили его по щеке. Сотрясение. Слепящая тьма. Чей-то крик. Вкус крови. Расплывчатая картинка: воин с растрепанными волосами плюет на него.

Ахкеймион скорчился, перекатился на бок. Всклипнул, потом подтянул колени к животу. Сквозь слезы он видел исчезающие в темноте спины этих двоих.

– Эсми! – крикнул он. – Эсменет, пожалуйста!

Какое старомодное имя.

– Эсми-и-и!

«Вернись...»

Затем он почувствовал прикосновение. Услышал голос.

– Ты все такой же обаяшка, как я погляжу... Потрепанный старый пес.

Свет факелов.

Ее тонкие руки, обхватившие его.

Они, спотыкаясь, брели сквозь толпу. От Эсменет пахло камфарой и кунжутным маслом, словно от фанимского торговца. Неужто это и вправду ее запах?

– Сейен милостивый, Акка, ну и видок у тебя!

– Эсми?

– Да... Это я, Акка. Я.

– Твое лицо...

– Какой-то галеот, скотина неблагодарная...

Горький смех.

– Таковы отношения Людей Бивня и их шлюх. Если не можешь ее трахнуть, вмажь покрепче.

– Ох, Эсми...

– Если судить по набитости морды, так я по сравнению с тобой просто девственница из знатного семейства. Ты слышал, как я орала, когда тот тип пинал тебя ногой в лицо? Что ты там вообще делал?

– Н-не знаю точно... Искал тебя...

– Тс-с-с, Акка... Тс-с-с... Не здесь. Потом.

– Т-только скажи... М-мое имя. Т-только скажи его!

– Друз Ахкеймион... Акка.

Он заплакал и сперва даже не понял, что Эсменет плачет вместе с ним.

Ведомые, возможно, одним и тем же порывом, они отступили в темноту, упали на колени и обнялись.

– Это и вправду ты... – пробормотал Ахкеймион, увидев отражение луны в ее влажных глазах.

Эсменет рассмеялась и всхлипнула:

– Вправду я...

Его губы горели от соли смешавшихся слез. Он стянул хасу с левой груди Эсменет и принялся водить вокруг соска большим пальцем.

– Почему ты ушла из Сумны?

– Я боялась, – прошептала Эсменет, целуя его лоб и щеки. – Почему я всегда боюсь?

– Потому что ты дышишь.

Страстный поцелуй. Руки, шарящие во тьме, тянущие, сжимающие. Вращающаяся земля. Ахкеймион откинулся назад, и Эсменет обхватила горячими бедрами его талию. Потом он оказался внутри, и она ахнула. Несколько мгновений они сидели молча, пульсируя в унисон и тяжело дыша.

– Никогда больше, – сказал Ахкеймион.

– Обещаешь?

Она вытерла лицо, хлопнула носом.

Он начал медленно раскачивать ее.

– Обещаю... Никакой человек, никакая школа, никакая угроза. Ничто больше не отнимет тебя у меня.

– Ничто... – простонала она.

Некоторое время они казались одним существом, плясали в одном исступленном, безумном танце, сходились в одной и той же точке, где захватывало дух. Некоторое время они не чувствовали страха.

Потом они ласкали друг друга и шептали нежные слова, лежа в темноте, и просили друг у друга прощения за уже забытые проступки. Наконец Ахкеймион спросил, где она хранит свое имущество.

– Меня уже ограбили, – отозвалась Эсменет, пытаясь улыбнуться. – Но кое-какие мелочи у меня еще есть. Тут недалеко.

– Ты останешься со мной? – очень серьезно спросил Ахкеймион.

В голосе его слышались слезы.

– Ты можешь?

– Могу.

Он рассмеялся и рывком поднялся на ноги.

– Тогда пошли за твоими вещами.

Даже в полумраке он увидел ужас в ее глазах. Эсменет обхватила себя за плечи, будто стараясь удержаться от немедленного бегства, потом вложила руку в его протянутую ладонь.

Они шли медленно, словно любовники, прогуливающиеся по базару. Время от времени Ахкеймион заглядывал ей в глаза и смеялся, сам себе не веря.

– Я думал, ты ушла, – сказал он.

– Но я все время была здесь.

Ахкеймион не стал спрашивать, что она имеет в виду, и вместо этого просто улыбнулся. Ее тайны сейчас не имели значения. Он не такой дурак и не настолько пьян, чтобы и вправду поверить, что ничего не произошло. Что-то прогнало Эсменет из Сумны. Что-то привело ее к Священному воинству. Что-то заставило ее... да, избегать его. Но сейчас все это не имело значения. Важно было лишь одно: она здесь.

«Пусть эта ночь продлится подольше. Пожалуйста... Отдайте мне одну лишь эту ночь».

Они непринужденно болтали о всяких пустяках, подшучивали над прохожими, рассказывали друг другу про разные любопытные вещи, которые повидали в Священном воинстве. Они отлично знали запретные темы и пока что избегали больных мест.

Они остановились, чтобы поглазеть на бродячего актера, запустившего кожаную веревку в корзину со скорпионами. Когда он вытащил веревку обратно, та оцетинилась хитиновыми конечностями, клешнями и заостренными хвостами. Это, как заявил актер, и есть та самая Скорпионова Коса, которую короли Нильнамеша до сих пор используют для кары за самые тяжкие преступления. Когда зрители, которым не терпелось взглянуть на диковинку поближе, окружили его, актер поднял Косу повыше, чтобы всем было видно, а потом внезапно начал размахивать ею над головами. Женщины завизжали, мужчины втянули головы в плечи или закрыли их руками, но ни один скорпион не слетел с веревки. Она, как во всеуслышание заявил актер, была пропитана ядом, склеившим челюсти скорпионов. Если не дать им противоядия, они так и будут оставаться на веревке, пока не умрут.

Ахкеймион наблюдал не столько за представлением, сколько за Эсменет, восторгался эмоциями, отражающимися на ее лице, и поражался, что она выглядит такой... новой? Он поймал себя на мысли, что думает о вещах, которых никогда прежде не замечал. Россыпь

веснушек у нее на носу и скулах. Поразительный цвет ее глаз. Рыжие отблески в роскошных черных волосах. Казалось, все в ней дышит чарующей новизной.

«Я должен всегда видеть ее такой. Незнакомкой, в которую я влюблен...»

Всякий раз, когда их глаза встречались, они смеялись, словно празднуя счастливое воссоединение. Но неизменно отводили взгляды, как будто понимали, что их блаженство мимолетно. А потом что-то проскользнуло между ними – возможно, дуновение тревоги, – и они перестали смотреть друг на друга. И внезапно в самой сердцевине радостного возбуждения, поселившегося в душе Ахкеймиона, возникла зияющая пустота. Он вцепился в руку Эсменет в поисках утешения, но ее вялые пальцы не ответили пожатием.

Несколько мгновений спустя Эсменет потянула его за собой и остановилась рядом с ярко горящими масляными лампами. Она принялась разглядывать Ахкеймиона, и на ее лице ничего невозможно было прочесть.

– Что-то изменилось, – наконец сказала она. – Прежде ты всегда притворялся. Даже после смерти Инрау. Но теперь... теперь что-то изменилось. Что произошло?

Ахкеймион уклонился от ответа.

– Я – адепт Завета, – запинаясь, пробормотал он. – Что я могу сказать? Мы все страдаем...

Эсменет сердито посмотрела на него, и он умолк.

– Знание, – произнесла она. – Вы все страдаете знанием... Чем больше вы страдаете, тем больше узнаете... Так? Ты узнал больше?

Ахкеймион снова ничего не ответил. Слишком рано случился этот разговор!

Эсменет отвела взгляд и уставилась в толпу.

– Хочешь знать, что случилось со мной?

– Оставь, Эсми.

Эсменет вздрогнула и отвернулась. Потом высвободила руку и двинулась дальше.

– Эсми... – позвал Ахкеймион, зашагав следом.

– Знаешь, – сказала она, – было не так уж плохо, если не считать побоев. Множество клиентов. Множество...

– Эсми, хватит.

Эсменет рассмеялась, будто участвовала в иной, более откровенной и искренней беседе.

– Я спала с лордами... С кастовыми дворянами, Акка! Представляешь? У них даже члены больше – ты в курсе? Я толком ничего не узнала про айнонов – они, похоже, предпочитают мальчиков. И про конрийцев – те толпятся вокруг галеотских потаскушек, прямо дуреют от их молочно-белой кожи. А вот нансурцы – те любят домашние персики и редко выбираются за пределы своих военных борделей. А туньеры! Они едва сдерживаются, чтобы не кончить, как только я раздвигаю ноги! Хотя они грубые, особенно когда выпьют. И средние к тому же. А вот галеоты – это настоящее удовольствие. Они жалуются, что я слишком тощая, но им нравится моя кожа. Если бы потом их не грызло чувство вины, они были бы моими любимчиками. Они не привыкли к шлюхам... Думаю, это потому, что у них в стране мало старых городов. Мало торговли...

Она внимательно посмотрела на Ахкеймиона; взгляд ее был одновременно и горьким, и пронизательным. Колдун шел рядом, упорно не глядя на нее.

– А так клиентура хорошая, – добавила Эсменет.

Вернулся давний гнев, тот самый, что несколько месяцев назад вырвал Ахкеймиона из ее объятий. Он стиснул кулаки; ему представилось, как он бьет Эсменет. «Гребаная шлюха!» – захотелось крикнуть ему.

Ну зачем рассказывать все это? Зачем говорить то, что он не в силах слушать?

Особенно когда ей самой есть что объяснять...

«Почему ты оставила Сумну? Как долго прятешься от меня? Как долго?»

Но прежде чем Ахкеймион смог хоть что-то сказать, Эсменет резко развернулась и направилась к костру, вокруг которого сидели женщины с раскрашенными лицами – другие проститутки.

– Эсми! – окликнула ее темноволосая женщина с грубым, почти мужским голосом. – Кто твой...

Она умолкла, присмотрелась получше, потом рассмеялась.

– Кто твой несчастный друг?

Она была крупной, с широкой талией, но совершенно без жира – таких женщин, как сказала ему однажды Эсми, очень ценят некоторые норсирайцы. Ахкеймион сразу понял, что она принадлежит к тому типу людей, которые путают дурные манеры со смелостью.

Эсменет остановилась и задумалась – так надолго, что Ахкеймион нахмурился.

– Это Акка.

Густые брови проститутки поползли вверх.

– Тот самый знаменитый Друг Ахкеймион? – спросила женщина. – Колдун?

Ахкеймион взглянул на Эсменет. Кто эта женщина?

– Это Яселла, – сказала Эсменет.

Она произнесла имя женщины таким тоном, словно оно все объясняло.

– Ясси.

Яселла не сводила с Ахкеймиона оценивающего взгляда.

– И что же ты здесь делаешь, Акка?

Он пожал плечами.

– Иду со Священным воинством.

– Так же, как и мы! – воскликнула Яселла. – Хотя можно сказать, что мы движемся за другим Бивнем...

Остальные проститутки расхохотались – совсем как мужчины.

– И маленьким пророком, – хрипло добавила другая. – Пригодным лишь для одной проповеди...

Женщины зашлись хохотом, все, за исключением Ясси, которая просто улыбнулась.

Посыпались новые шуточки, но Эсменет уже нырнула во тьму – должно быть, туда, где стоял ее навес.

– Все наши живут группами, – сказала она, предвосхищая любые вопросы. – Мы при-
сматриваем друг за дружкой.

– Так я и подумал...

– Это мое, – сказала Эсменет, опускаясь на колени у засаленного полога полотняной палатки.

У Ахкеймиона отлегло от сердца: Эсменет, не сказав ни единого слова, забралась внутрь. Ахкеймион последовал за ней.

В палатке едва хватало места, чтобы сесть. Сквозь дым благовоний пробивался запах совокупления – а может, Ахкеймион просто не мог перестать думать о других мужчинах Эсменет. Он разглядывал ее стройное тело с маленькой грудью. В отблесках костра Эсми казалась такой хрупкой, такой маленькой и одинокой... Мысль о том, как она извивается здесь ночь за ночью, под все новыми и новыми мужчинами...

«Я должен сделать это правильно!»

– У тебя есть свеча? – спросил он.

– Есть вроде... Но мы же сгорим.

Пожар был вечным кошмаром всех, кто вырос в городах.

– Нет, – отозвался Ахкеймион. – Со мной – нет.

Эсменет извлекла свечу из узелка, лежавшего в углу, и Ахкеймион зажег ее словом. В Сумне Эсменет всегда приходила в восторг от этого фокуса. Теперь же она просто наблюдала за ним с безропотной осторожностью.

Они сощурились от света. Эсменет натянула на ноги грязное одеяло, безучастно глядя на груды валяющейся одежды.

Ахкеймион сглотнул.

– Эсми... Зачем рассказывать мне... все это?

– Потому что мне нужно знать, – сказала Эсменет.

– Что знать? Отчего у меня дрожат руки? Отчего у меня такой перепуганный, мечущийся взгляд?

Плечи Эсменет поникли; Ахкеймион понял, что она всхлипывает.

– Ты сделал вид, будто меня там не было, – прошептала она.

– Что?

– В последнюю ночь в Момемне... я пришла к тебе. Я смотрела на твой лагерь, на твоих друзей. Только я спряталась, я очень боялась, что меня... Но тебя там не было, Акка! Потому я ждала и ждала. Потом я увидела... увидела тебя... Я заплакала от радости, Акка! Заплакала! Я стояла там, прямо перед тобой, и плакала! Я протянула руки, а ты... ты...

Ее наполненные болью глаза потускнели, и договорила Эсменет уже совсем другим тоном – куда более холодным:

– Ты сделал вид, будто меня там нет.

О чем она говорит? Ахкеймион прижал ладони ко лбу, сражаясь со стремлением ударить ее. Она стояла рядом, так близко, что можно было рукой дотронуться – после всего этого времени! – и все же отступила... Ему нужно было понять...

– Эсми... – медленно произнес он, пытаясь собрать воедино затуманенные вином мысли. – Что ты...

– Что я, Акка? – спросила она сухо. – Я слишком замарана, слишком осквернена? Я оказалась слишком грязной шлюхой?

– Нет, Эсми, я...

– Слишком измятым персиком?

– Эсменет, да послушай же...

Эсменет горько рассмеялась.

– Так ты говоришь, что собираешься взять меня к себе в палатку? Добавить меня ко множеству...

Ахкеймион ухватил ее за плечи и встряхнул.

– И ты еще будешь говорить мне про множество? Ты?!

Но он мгновенно пожалел о своем порыве, увидев, как его свирепость отразилась ужасом на ее лице. Она даже съежилась, будто ожидая удара. Ахкеймион внезапно заметил синяк у нее под левым глазом.

«Кто это сделал? Не я. Не я...»

– Посмотри на нас, – сказал он, отпуская Эсменет и осторожно убирая руки. Оба избитые. Оба изгои.

– Посмотри на нас, – пробормотала Эсменет.

По щекам ее струились слезы.

– Я могу объяснить, Эсми... Объяснить все.

Эсменет кивнула и потеряла плечи там, где он ее схватил.

За палаткой зазвучал слаженный хор голосов; женщины принялись петь, подобно другим проституткам, обещая мягкие вещи за твердое серебро. Отблески костра мерцали в про-
рехах палатки, словно золото сквозь темную воду.

– Той ночью, про которую ты говоришь... Сейен милостивый, Эсми, если я не подошел к тебе, то не потому, что стыдился! Да как я мог бы? Кто вообще стал бы стыдиться такой женщины, как ты?

Эсменет прикусила губу и улыбнулась, хотя его слова вызвали у нее новый поток слез.

– Тогда почему?

Ахкеймион перекатился на бок и лег рядом с ней; взгляд его был устремлен в холстяной потолок.

– Потому, что я нашел их, Эсми, – в ту самую ночь... Я нашел Консульт.

– А дальше я ничего не помню, – сказал он. – Знаю, что прошел ночью всю дорогу от императорского дворца до лагеря Ксинема, но я ничего не помню...

Слова хлынули из него потоком, рисуя кошмарные события, что произошли в ту ночь под Андиаминскими Высотами. Беспрецедентный вызов. Встреча с Икуреем Ксерием III. Допрос Скеаоса, первого советника императора. Лицо, которое не было лицом, раскрывающееся, словно сжатая в кулак рука с длинными пальцами. Чудовищный заговор кожи. Он рассказал ей обо всем, кроме Келлхуса...

Эсменет свернулась в его объятиях калачиком и слушала. Теперь она положила подбородок ему на грудь.

– Император тебе поверил?

– Нет... Кажется, он думает, что в этом замешаны кишаурим. Мужчины предпочитают новых любовниц и старых врагов.

– А Атьерс? Что говорит Завет?

– Они одновременно и в восторге, и в ужасе, насколько я могу понять.

Ахкеймион облизал губы.

– Я не уверен. Я не связывался с ними после того, как доложил обо всем Наутцере. Возможно, они решили, что я мертв... Убит из-за того, что узнал.

– Тогда почему они не свяжутся с тобой...

– Разве ты не помнишь, как это работает?

– Да-да, – отозвалась Эсменет, закатывая глаза и самодовольно улыбаясь. – Как это работает? Для Призывных Напевов нужно знать и человека, с которым связываешься, и место, где он находится. Поскольку ты движешься вместе с войском, они понятия не имеют, где ты сейчас...

– Вот именно, – сказал Ахкеймион, собираясь с духом и готовясь к неизбежным вопросам.

Эсменет испытующе взглянула на него, сочувственно, но в то же время настороженно.

– Тогда почему ты не свяжешься с ними сам?

Ахкеймион вздрогнул. Он провел дрожащей рукой по ее волосам.

– Я так рад, что ты здесь, – пробормотал он. – Так рад, что с тобой ничего не случилось...

– Акка, что с тобой? Ты меня пугаешь...

Ахкеймион закрыл глаза и глубоко вздохнул.

– Я кое-кого встретил. Человека, чье появление было предсказано две тысячи лет назад...

Он открыл глаза. Эсменет по-прежнему была здесь.

– Анасуримбора.

– Но это означает... – Эсменет нахмурилась. – Ты как-то разбудил меня ночью, потому что кричал во сне это имя...

Она подняла голову, вглядываясь в его лицо.

– Я помню, как спросила тебя, что это значит – Анасуримбор, – и ты сказал... ты сказал...

– Я не помню.

– Ты сказал, что это имя последней правящей династии древней Куниюрии, и...

Ее лицо исказил ужас.

– Акка, это не смешно. Ты меня пугаешь!

Ей стало страшно, понял Ахкеймион, потому что она поверила... Он задохнулся и почувствовал на ресницах горячие слезы. Слезы радости.

«Она поверила... Она все-таки поверила!»

– Нет, Акка! – воскликнула Эсменет, крепко обняв его. – Этого не может быть!

Что за извращенная штука – жизнь! Чтобы адепт Завета радовался Апокалипсису...

Нагая Эсменет лежала, прижавшись к нему, а Ахкеймион объяснял, почему так уверен, что Келлхус – это Предвестник. Она слушала, ничего не говоря, и смотрела на него с боязливым ожиданием.

– Разве ты не понимаешь? – спросил Ахкеймион, обращаясь не столько к Эсменет, сколько к миру за пределами палатки. – Если я расскажу все Наутцере и остальным, они заберут его... Чьим бы покровительством он ни заручился.

– Они убьют его?

Ахкеймион попытался прогнать из памяти картины прошлых дознаний.

– Они сломают его, убьют того, кем он является сейчас...

– Даже если так, – сказала Эсменет. – Акка, ты должен выдать его.

Ни колебания, ни малейшей паузы – холодный взгляд и беспощадный приговор. Похоже, для женщин не существует ничего, что могло бы сравниться по значимости с опасностью или любовью.

– Но, Эсми, речь ведь идет о жизни.

– Вот именно, – отозвалась Эсменет. – О жизни... Много ли значит жизнь одного человека? Сколько людей умирает, Акка!

Жестокая логика жестокого мира.

– Зависит от того, какой человек, разве не так?

Это заставило ее на некоторое время умолкнуть.

– Думаю, да, – сказала она. – Ну и что же он за тип? Какой человек стоит того, чтобы из-за него рисковать целым миром?

Несмотря на сарказм, Ахкеймион чувствовал, что она боится его ответа. Суровые факты плохо сочетаются с путаницей в его голове, так что Эсменет стремится во всем разобраться. «Она думает, что спасает меня, – понял Ахкеймион. – Она хочет, чтобы я поступил дурно – ради моего же блага...»

– Он...

Ахкеймион сглотнул.

– Он ни на кого не похож.

– Как так?

Скептицизм проститутки.

– Это трудно объяснить.

Ахкеймион замолчал, думая о том времени, что провел рядом с Келлхусом. Столько озарений. Столько мгновений благоговейного трепета.

– Представляешь, каково это – стоять на чужой земле, в чужих владениях?

– Ну... наверное, чувствуешь себя гостем. Иногда непрошеным.

– Вот он каким-то образом заставляет тебя ощущать именно это. Словно ты гость.

Проступившее на лице отвращение.

– Что-то мне не нравится, как это звучит.

– Значит, я неверно сказал.

Ахкеймион глубоко вздохнул, пытаясь подобрать нужные слова.

– У людей много... много земель. Некоторые из них – общие, некоторые – нет. Вот, например, когда мы с тобой говорили о Консульте, ты стояла на моей земле, как я стоял на твоей, когда ты говорила о... о своей жизни. Но с Келлхусом нет разницы, о чем ты говоришь и где стоишь; все равно земля у тебя под ногами принадлежит ему. Я всегда его гость – всегда! Даже когда учу его, Эсми!

– Ты учишь его? Ты взял его в ученики?

Ахкеймион нахмурился. Эсменет произнесла это так, словно речь шла о предательстве.

– Только внешним знаниям, – ответил он, пожав плечами, – знаниям о мире. Ничего тайного, ничего эзотерического. Он не принадлежит к Немногим... – И запоздало добавил: – Слава богу.

– Почему ты так считаешь?

– Из-за его интеллекта, Эсми! Ты не представляешь! Я никогда не встречал такого проницательного человека, ни в жизни, ни в книгах... Даже Айенсис – и тот... Даже Айенсис, Эсми! Если бы Келлхус обладал способностью колдовать, он был бы... был бы...

У Ахкеймиона перехватило дыхание.

– Кем?

– Вторым Сесватхой... Если не больше...

– Тогда он мне совсем не нравится. Судя по тому, что ты рассказываешь, он опасен, Акка. Пусть Наутцера и остальные узнают о нем. Если его схватят, значит, так тому и быть. По крайней мере, ты сможешь умыть руки и перестать сходить с ума.

На глаза Ахкеймиону снова навернулись слезы.

– Но...

– Акка, – взмолилась Эсменет, – это не твоя ноша, и не тебе ее нести!

– Нет, моя!

Эсменет отодвинулась. Ее волосы волной упали на левое плечо, непроницаемо черные в тусклом свете. Казалось, она колеблется.

– В самом деле? А мне кажется, все дело в Инрау...

Сердце Ахкеймиона сжала ледяная рука. Инрау. Мальчик.

Сын.

– А почему бы и нет? – крикнул он с неожиданной свирепостью. – Они убили его!

– Но они послали тебя! Они послали тебя в Сумну, чтобы вернуть Инрау, и ты сделал это, хотя точно знал, что будет потом... Ты говорил мне об этом еще до того, как нашел его!

– Что ты хочешь сказать? Что это я убил Инрау?

– Я говорю, что ты так думаешь. Думаешь, что убил его.

«Ох, Ахкеймион, – говорили ее глаза, – ну пожалуйста...»

– А если это и вправду так? Разве не значит, что теперь я должен исправиться? Пускай эти недоумки в Атьерсе издеваются над другим человеком...

– Нет, Ахкеймион. Ты делаешь это – все это! – не для того, чтобы спасти своего драгоценного Анасуримбора Келлхуса. Ты делаешь это для того, чтобы наказать себя.

Ахкеймион, онемев, уставился на Эсменет. Она что, действительно так думает?

– Ты говоришь так потому, – выдохнул он, – что слишком хорошо знаешь меня...

Он протянул руку и провел пальцем по ее бледной груди.

– И не знаешь Келлхуса.

– Таких замечательных людей не бывает... Я же шлюха, ты не забыл?

– Это мы посмотрим, – сказал Ахкеймион, толкая ее на спину.

Они поцеловались. Поцелуй был жарким и долгим.

– Мы, – повторила Эсменет и рассмеялась, словно эта мысль одновременно и радовала ее, и причиняла боль. – Теперь это вправду «мы» – верно?

С робкой, почти испуганной улыбкой она помогла Ахкеймиону снять одежду.

– Когда я не мог найти тебя, – сказал он, – или когда ты отвернулась, я чувствовал... чувствовал себя пустым, будто мое сердце сделано из дыма... Разве это не «мы»?

Эсменет прижала его к циновке и оседлала.

– Я понимаю тебя, – отозвалась она.

По щекам ее ручьями текли слезы.

– Значит, так тому и быть.

«Один барашек, – подумал Ахкеймион, – за десять быков». Узнавание.

От соприкосновения его мужское достоинство затвердело; Ахкеймиону не терпелось познать ее снова. Как всегда, на него обрушилась вереница образов, и каждый – словно острый нож. Окровавленные лица. Бряцание бронзовых доспехов. Люди, истребленные заклинаниями. Драконы с железными зубами... Но Эсменет приподняла бедра и одним толчком оборвала одновременно и прошлое, и будущее, оставив лишь восхитительную боль настоящего. У Ахкеймиона вырвался крик.

Эсменет принялась тереться об него, не с ловкостью шлюхи, надеющейся побыстрее отработать монеты, а с неуклюжим эгоизмом любовницы, ищущей утolenия, – любовницы или жены. Сегодня она собиралась получить его, и на это – Ахкеймион знал – не способна ни одна проститутка.

Тварь, носящая лицо проститутки, сидела в темноте – на расстоянии вытянутой руки – и ловила звуки любовной возни. И думала о слабости плоти, обо всех нуждах, от которых сама она была избавлена.

Воздух наполнился их стонами и запахом, тяжелым запахом немых тел, бьющихся друг о дружку. Это был по-своему даже приятный запах. Лишенный разве что привкуса страха.

Запах животных, похотливых животных.

Но тварь кое-что понимала в похоти. Вернее, не кое-что, а гораздо больше. Страсть – это тоже путь, и зодчие твари не обделили страстью свое творение. О да, зодчие – не дураки.

Экстаз в лице. Восторг в обмане. Оргазм в убийстве...

И уверенность во тьме.

Глава 4. Асгилиох

«Не бывает настолько хороших решений, чтобы они не связывали нас своими последствиями.

Не бывает настолько неожиданных последствий, чтобы они не избавляли нас от решений.

Даже смерть».

Ксиус, «Тракианские драмы»

«Вспоминая эти события, чувствуешь себя странно: как будто очнулся и обнаружил, что едва не оступился в темноте и не разбился насмерть. Всякий раз, возвращаясь в мыслях к прошлому, я преисполняюсь удивления оттого, что все еще жив, и ужаса оттого, что все еще путешествую по ночам».

Друз Ахкеймион, «Компендиум Первой Священной войны»

4111 год Бивня, начало лета, крепость Асгилиох

Ахкеймион и Эсменет проснулись, сжимая друг друга в объятиях, и оба смутились, вспомнив минувшую ночь. Они поцеловались, чтобы заглушить свои страхи, а пока лагерь медленно просыпался, их мягко, но неудержимо повлекло друг к другу, и они занялись любовью. Потом Эсменет некоторое время лежала молча, отводя взгляд всякий раз, когда Ахкеймион пытался заглянуть ей в глаза. Сперва эта неожиданная перемена в ее поведении озадачила и разозлила его, но потом Ахкеймион понял, что она боится. Прошлой ночью она поделила с ним палатку. Сегодня ей предстояло разделить с Ахкеймионом его друзей, его повседневные беседы – его жизнь.

– Не волнуйся, – проговорил Ахкеймион, пока она нервно возилась со своей хасой. – В выборе друзей я куда более разборчив.

Недовольство вытеснило страх из ее глаз.

– Более разборчив, чем?..

Ахкеймион подмигнул ей.

– Чем в выборе женщин.

Эсменет опустила взгляд, улыбнулась и покачала головой. Ахкеймион услышал, как она вполголоса ругается. Когда он принялся выбирать из палатки, она ущипнула его за ягодицу, да так, что он взвыл.

Обняв Эсменет за талию, Ахкеймион подвел ее к Ксинеу, который разговаривал о чем-то с Кровавым Дином. Когда он представил Эсменет, Ксинем небрежно поздоровался с ней и тут же указал на размытую полосу дыма у восточного края горизонта. Он объяснил, что фанам перешли горы и сейчас пересекают плоскогорье. Очевидно, крупное село, именуемое Тусам, ночью было захвачено врасплох и сожжено дотла. Пройас пожелал лично осмотреть разоренную деревню вместе со своими старшими офицерами.

Вскоре маршал покинул их, на ходу выкрикивая приказы. Ахкеймион и Эсменет вернулись к костру и некоторое время сидели молча, наблюдая, как по дорожкам лагеря движутся длинные колонны аттремпских кавалеристов. Ахкеймион видел, что Эсменет одолевают дурные предчувствия, что она боится, как бы он не стал стыдиться ее, но не находил слов, чтобы развеселить или утешить женщину. Он мог лишь наблюдать, как она осматривается, ощущая себя изгоем в лагере маршала.

Затем к ним присоединился Келлхус.

– Итак, началось, – сказал он.

– Что началось? – переспросил Ахкеймион.

– Кровопролитие.

Ахкеймион, несколько оробев, представил ему Эсменет. Он мысленно скривился от холодности ее тона – и от вида крупного синяка у нее на лице. Но даже если Келлхус и заметил это, то, похоже, нисколько не смутился.

– Новый человек, – сказал он, тепло улыбаясь. – Не бородатый и не тощий.

– Пока что... – добавил Ахкеймион.

– Ну уж бородой я точно не обрасту! – в шутку возмутилась Эсменет.

Они рассмеялись, и враждебность Эсменет вроде бы улетучилась.

Вскоре появилась Серве, все еще кутававшаяся в одеяло. Сперва Эсменет вызвала у нее сложное чувство, нечто среднее между изумлением и ужасом, а когда Серве заметила, что Эсменет не просто слушает мужчин, но и разговаривает с ними, то ощутимо начала склоняться ко второму. Ахкеймиона это беспокоило, но он не сомневался, что женщины подружатся, хотя бы из стремления отдохнуть от мужских бесед.

Отчего-то лагерь угнетал Ахкеймиона. Ему невыносимо было сидеть на месте, и он предложил прогуляться в горы. Келлхус мгновенно согласился, сказав, что давно хотел посмотреть на Священное воинство со стороны.

– Чтобы понять что-то, – сказал он, – нужно взглянуть на это сверху.

Уставшая от одиночества Серве так обрадовалась возможности поучаствовать в прогулке, что на нее почти неловко было смотреть. А Эсменет, казалось, была счастлива уже тому, что может держать Ахкеймиона за руку.

Коренастые, могучие отроги гор Унарас грозно вырисовывались на фоне лазурного неба. Изогнувшись, словно ряд древних зубов, они уходили к горизонту. Путники все утро искали место, откуда можно было бы увидеть Священное воинство целиком, но лабиринт склонов сбивал с толку, и чем дальше они заходили, тем больше казалось, что они видят лишь окраины огромного лагеря, теряющегося в дыму бесчисленных костров. Несколько раз им попадались конные патрули, советовавшие остерегаться разведывательных отрядов фаним. Группа конрийских кавалеристов, которыми командовал один из родичей Ксинема, упорно желала сопровождать их, утверждая, что им необходим вооруженный эскорт, но Келлхус, используя статус айнритийского князя, отослал их.

Когда Эсменет спросила, разумно ли было это делать – ведь опасность и вправду есть, – Келлхус сказал лишь:

– С нами адепт Завета.

Эсменет подумала и согласилась с тем, что это правда, но все разговоры о язычниках нервировали ее, напоминая, что Священное воинство вообще-то идет навстречу вполне конкретному врагу. Она поймала себя на том, что все чаще посматривает на восток, словно ждет, когда за очередным холмом покажутся дымящиеся развалины Тусама.

Давно ли она сидела у окна в Сумне? Давно ли она в пути?

В пути. Городские проститутки называли своих товарок, сопровождающих имперские колонны, «пенедитари», «много ходящие» – хотя частенько это слово произносят как «пембедитари», «чесоточницы», поскольку многие верят, что женщины, обслуживающие войска, переносят множество паразитов. В общем, одним пенедитари казались такими же, как знатные куртизанки, другим – грязными и презренными, как шлюхи-нищенки, спящие с отбросами общества. Правда, как выяснила Эсменет, лежала где-то посередине.

Она определенно ощущала себя пенедитари. Никогда раньше ей не приходилось так много и так далеко ходить. Каждую ночь – а ночи она проводила либо на спине, либо на четвереньках, – ей казалось, будто она все идет и идет, следом за огромной армией своенравных членов и обвиняющих глаз. Никогда раньше ей не приходилось удовлетворять такую прохву мужчин. Их призраки все еще трудились на ней, когда она просыпалась по утрам. Она

собирала вещи, присоединялась к движущемуся войску, и у нее было такое чувство, будто она не столько следует за, сколько бежит от.

Но даже в этой обстановке Эсменет находила время удивляться и учиться. Она смотрела, как изменяются земли, через которые они шли. Она наблюдала, как темнеет ее кожа, подбирается и становится более упругим живот, наливаются силой мышцы ног. Она нахваталась галеотских словечек, вполне достаточно, чтобы поражать и радовать клиентов. Она выучилась плавать, наблюдая за детьми, плескавшимися в канале. Погрузиться в прохладную воду. Плыть!

Наконец-то быть чистой.

Но каждую ночь повторялось одно и то же. Бледные чресла, опаленные солнцем руки, угрозы, споры, даже шутки, которыми проститутки обменивались у костра, – все это давило на нее, заставляло ее быть такой, какой она никогда не была прежде. По ночам ей начали сниться лица, усатые, бородатые, глядящие на нее с вожделением.

А потом, предыдущей ночью, она услышала, как кто-то выкрикивает ее имя. Она обернулась – может, немного удивилась, но не приняла это всерьез, решив, что ослышалась. Потом она увидела Ахкеймиона, – похоже, пьяного, – который дрался с каким-то здоровяком-туньером.

Эсменет хотела кинуться к нему, но не сумела сдвинуться с места. Она могла лишь смотреть, затаив дыхание, как воин швырнул Ахкеймиона на землю. Когда туньер пнул его, Эсменет закричала, но была не в силах сделать хоть шаг. Она вышла из оцепенения лишь тогда, когда Ахкеймион, всхлипывая, поднялся на колени и снова выкрикнул ее имя.

Эсменет бросилась к нему... А что ей еще оставалось? У него во всем мире не было никого, кроме нее – *кроме нее!* Конечно, Эсменет злилась на него, но весь гнев куда-то испарился. Ему на смену пришли его прикосновения, его запах, почти опасная уязвимость, ощущение покорности, которого она прежде не знала, – и это было хорошо. Сейен милостивый, как это было хорошо! Как обнимающие тебя детские ручонки, как вкус приправленного перцем мяса после долгой голодовки. Словно плывешь в прохладной, смывающей грязь воде...

Никакой тяжести, лишь отблески солнечного света да медленно покачивающиеся тела, запах зелени...

Она больше не была пенедитари. Она стала тем, кого галеоты называют «им хустварра», походной женой. Теперь она наконец-то принадлежала Друзу Ахкеймиону. Наконец-то была чистой.

«Я могу пойти в храм», – подумала Эсменет.

Эсменет ничего не рассказала Ахкеймиону ни о Сарцелле, ни о той безумной ночи в Сумне, ни о своих подозрениях касательно Инрау. Ей казалось, что если заговорить хоть о чем-то подобном, то придется рассказывать вообще обо всем. Вместо этого она сказала Ахкеймиону, что ушла из Сумны из-за любви к нему и что примкнула к войсковым проституткам после той ночи под Момемном, когда он отверг ее.

А что ей оставалось делать? Не могла же она рисковать всем сейчас, когда они нашли друг друга? А кроме того, она и впрямь покинула Сумну из-за него. И к войсковым проституткам примкнула из-за него. Умолчание не противоречит правде.

Возможно, если бы он был тем же самым Ахкеймионом, который уходил из Сумны...

Ахкеймион всегда был... слабым, но его слабость шла от честности. Когда другие молчали и отдалялись, он говорил, и это придавало ему странную силу, отличавшую его от всех мужчин, каких только встречала Эсменет. Но теперь он стал другим. Отчаявшимся.

В Сумне она часто обвиняла его, что он похож на тех сумасшедших с Экозийского рынка, которые завывают про грехи и Страшный суд. Всякий раз, когда они проходили мимо такого типа, Эсменет говорила: «О, гляди, еще один твой приятель», – точно так же, как Ахкеймион говорил: «О, гляди, еще один твой клиент», – когда им навстречу попадался

какой-нибудь непомерно разжиревший мордоворот. Теперь она бы не посмела так сказать. Ахкеймион по-прежнему оставался Ахкеймионом, но сделался изнуренным, как те безумцы, и точно так же постоянно опускал глаза, будто видел нечто ужасное, стоящее между ним и окружающим миром.

То, что он рассказал, конечно же, напугало Эсменет, но куда больше ее напугало то, как он говорил: бессвязная речь, странный смех, язвительная горячность, беспредельные угрызения совести.

Он сходил с ума. Эсменет чуяла это нутром. Но причиной тому – она поняла, – было не обнаружение Консульты и даже не уверенность в приближении Второго Апокалипсиса, а этот человек... Анасуримбор Келлхус.

Упрямый дурак! Почему он не отдаст его Завету? Если бы Ахкеймион сам не был колдуном, Эсменет сказала бы, что его зачаровали. Никакие доводы не могли переубедить его. Никакие!

Если верить Ахкеймиону, у женщин отсутствует инстинктивное понимание морали. Для них все воплощенное, материализованное... Как он там выражался? А, да! Что для женщин «существование предшествует сущности». В силу природы пути, проходящие через их души, идут параллельно с теми, каких требуют моральные принципы. Женская душа более податлива, более сострадательна, более привязчива, чем мужская. В результате им труднее осознать свой долг, и потому женщины склонны путать эгоизм с правильностью поведения – вероятно, именно это она сейчас и делала.

Но для мужчин, чья приверженность высоким идеалам порой доходит до фанатизма, принципы – это тяжелейшая ноша, которую они либо тащат сами, либо перекладывают на других. В отличие от женщины, мужчина всегда способен понять, что ему должно делать, ведь это слишком отличается от того, что он хочет.

Сперва Эсменет почти поверила ему. А как еще можно объяснить его готовность рисковать их любовью?

Но потом поняла, что ей не дают покоя именно принципы, а не тупая женская неспособность разграничить надежду и благочестие. Разве она не отдала себя ему? Разве она не отказалась от своей жизни, от своего таланта?

Разве она не смягчилась, в конце концов?

И от чего она попросила его отказаться взамен? От человека, с которым он знаком всего несколько недель, – от чужака! Более того – от человека, которого, в соответствии с его же собственными принципами, он обязан был выдать. «Может, это у тебя женская душа?!» – хотелось крикнуть ей. Но она не могла. Если мужчины должны защищать женщин от окружающего мира, то женщины должны защищать мужчин от правды – словно каждый из них навсегда остается беззащитным ребенком.

Эсменет затаила дыхание, глядя, как Ахкеймион и Келлхус обмениваются неслышными, но явно смешными замечаниями. Ахкеймион расхохотался. «Я должна ему объяснить. Я должна как-то ему это объяснить!»

Даже когда плывешь, приходится иметь дело с течением.

Всегда с чем-то борешься.

Серве шла рядом с ней и то и дело нервно посматривала в ее сторону. Эсменет помалкивала, хотя знала, что девочке хочется поговорить. Учитывая обстоятельства, она казалась достаточно безвредной. Она была из тех женщин, которых постоянно насилуют и грабят. Будь Серве ее товаркой-проституткой в Сумне, – Эсменет втайне презирала бы ее. Она бы терпеть не могла ее красоту, ее молодость, ее белокурые волосы и светлую кожу – но более всего она бы злилась на ее уязвимость.

– Акка... – выпалила девушка, потом покраснела и уставилась себе под ноги. – Ахкеймион учит Келлхуса поразительным, невиданным вещам!

И даже этот ее милый акцент. Негодование всегда было тайным напитком шлюх.

Глядя в другую сторону, Эсменет отозвалась:

– Что, в самом деле?

Возможно, именно в этом и крылась проблема. Ахкеймион предложил Келлхусу стать учеником до того, как узнал про шпионов-оборотней Консульты, то есть до того, как уверился в том, что этот человек – Предвестник. Если, конечно, он и вправду Предвестник. Возможно, тут замешаны те самые маловразумительные принципы, о которых упоминал Ахкеймион, узы... Келлхус был его учеником, как Пройас или Инрау.

При этой мысли Эсменет захотелось сплюнуть.

Серве вдруг рванулась вперед, перепрыгивая через бугорки и продираясь сквозь спутанные травы.

– Цветы! – крикнула она. – Какие красивые!

Эсменет присоединилась к Ахкеймиону и Келлхусу, которые стояли и наблюдали за девушкой. Серве опустилась на колени перед кустом, усыпанным необычными бирюзовыми цветами.

– А, – сказал Ахкеймион, приблизившись к ней, – пемембис... Ты никогда прежде их не видела?

– Никогда, – выдохнула Серве.

Эсменет почудился запах сирени.

– Никогда? – переспросил Ахкеймион, срывая цветок.

Он обернулся, взглянул на Эсменет и подмигнул ей.

– Ты хочешь сказать, что никогда не слышала этой легенды?

Эсменет стояла рядом с Келлхусом, а Ахкеймион тем временем рассказывал историю: что-то про императрицу и ее кровожадных любовников. Так прошло несколько неуютных мгновений. Князь Атритау был высок, даже для норсирайца, и отличался крепким телосложением, неизбежно вызвавшим бы грубые домыслы у ее старых друзей в Сумне. Глаза у него были ослепительно-голубые, чистые и прозрачные; при взгляде на них вспоминались рассказы Ахкеймиона про древних северных королей. А в его манере держаться, в его изяществе было что-то, казавшееся не вполне... не вполне земным.

– Так вы жили среди скюльвендов? – в конце концов спросила Эсменет.

Келлхус рассеянно посмотрел на нее, потом перевел взгляд на Серве и Ахкеймиона.

– Да, некоторое время.

– Расскажите что-нибудь про них.

– Например?

Эсменет пожала плечами.

– Расскажите про их шрамы... Это такие награды?

Келлхус улыбнулся и покачал головой.

– Нет.

– А что тогда?

– На этот вопрос так просто не ответишь... Скюльвенды верят лишь в действие, хотя сами они никогда не сказали бы так. Для них реально только то, что они делают. Все остальное – дым. Они даже жизнь называют «сюртпюта», что означает – «движущийся дым». Для них человеческая жизнь – не есть что-то конкретное, что-то такое, чем можно владеть или что можно обменять, это скорее путь, направление действий. Путь одного человека может сплетаться с другими, например с путями соплеменников; его можно указывать, если имеешь дело с рабом, его можно прервать, убив человека. Поскольку последний вариант – это действие, прекращающее действия, скюльвенды считают его самым значительным и самым истинным из всех действий. Краеугольным камнем чести. Но шрамы, они же сва-зонды, не прославляют отнятие жизни, как, похоже, считают в Трех Морях. Они отмечают...

ну, можно сказать, точку пересечения путей, точку, в которой одна жизнь уступила движущую силу другой. Например, тот факт, что Найюр носит столько шрамов, означает, что его ведет движущая сила многих. Его свазонды – нечто большее, чем награды, чем перечень его побед. Это – свидетельство его реальности. С точки зрения скюльвендов, он – камень, повлекший за собой лавину.

Эсменет в изумлении уставилась на Келлхуса.

– А я думала, что скюльвенды – грубые варвары. Но ведь подобные верования слишком утонченны для дикарей!

Келлхус рассмеялся.

– Все верования слишком утонченны.

Его сияющие голубые глаза словно бы удерживали Эсменет.

– А что касается «варварства»... Я боюсь, этим словом принято называть то, чего не понимаешь и что представляет собой угрозу.

Сбитая с толку Эсменет уставилась на траву у своих сандалий. Потом взглянула на Ахкеймиона и обнаружила, что он по-прежнему стоит рядом с Серве, но смотрит на нее. Он понимающе улыбнулся и принялся дальше рассказывать про качающиеся на ветру цветы.

«Он знал, что это произойдет».

Затем откуда-то донесся голос Келлхуса:

– Так, значит, ты была шлюхой.

Потрясенная Эсменет подняла голову, по привычке прикрывая татуировку на тыльной стороне руки.

– А если да, то что с того?

Келлхус пожал плечами.

– Расскажи мне что-нибудь...

– Например? – огрызнулась Эсменет.

– Каково это: ложиться с мужчиной, которого не знаешь?

Эсменет хотелось возмутиться, почувствовать себя оскорбленной, но в его манерах была какая-то искренность, сбивающая с толку – и вызывающая отклик в душе.

– Неплохо... иногда, – сказала она. – Иногда – невыносимо. Но нужно же как-то зарабатывать на жизнь. Просто таков порядок вещей.

– Нет, – отозвался Келлхус. – Я просил рассказать, каково это...

Эсменет откашлялась и смущенно отвела взгляд. Она заметила, как Ахкеймион коснулся пальцев Серве, и ощутила укол ревности. Она нервно рассмеялась.

– Какой странный вопрос...

– Тебе никогда его не задавали?

– Нет... то есть да, конечно, но...

– И что ты отвечала?

Эсменет помолчала. Она была взволнованна, испугана и ощущала странный трепет.

– Иногда, после сильного дождя, улица под моим окном становилась изрыта колеями от тележных колес, и я... я смотрела на них и думала, что моя жизнь похожа...

– На колею, протоптанную другими.

Эсменет кивнула и сморгнула слезинки.

– А в другое время?

– Шлюхи – они, вообще-то, лицедейки, об этом надо помнить. Мы играем...

Она заколебалась и взглянула в глаза Келлхусу, будто там содержались нужные слова.

– Я знаю, Бивень говорит, что мы унижаем себя, что мы оскорбляем божественность нашего пола... иногда так оно и есть. Но не всегда... Часто, очень часто, когда все эти мужчины лежали на мне, хватали ртом воздух, словно рыбы, думая, что они владеют мною, трахают меня, – мне было жалко их. Их, а не себя. Я становилась скорее... скорее вором, чем

шлюхой. Я дурачилась, дурачила их, смотрела на себя со стороны, будто на отражение в серебряной монете. Это было так, как будто... как будто...

– Как будто ты свободна, – сказал Келлхус.

Эсменет улыбнулась и нахмурилась одновременно; она была обеспокоена интимными подробностями их разговора, потрясена поэтичностью собственного озарения и в то же время чувствовала странное облегчение, будто сбросила с плеч тяжелую ношу. Ее колотило. И Келлхус казался таким... близким.

– Да...

Она попыталась скрыть дрожь в голосе.

– Но откуда...

– Так мы узнали о священном пемембисе, – сказал Ахкеймион, подходя к ним вместе с Серве. – А что вы узнали?

Он бросил на Эсменет многозначительный взгляд.

– Каково это: быть тем, кто мы есть, – ответил Келлхус.

Иногда, хотя и нечасто, Ахкеймион оглядывал окрестности и просто знал, что идет той же, что и две тысячи лет назад, дорогой. Он застывал, как будто замечал в зарослях льва, или просто озирался по сторонам, изумленно, ничего не понимая. Его сбивало с толку узнавание, знание, которого не могло быть.

Сесватха когда-то проходил по этим самым холмам, спасаясь бегством из осажденного Асгилиоха, стремясь вместе с сотней прочих беженцев отыскать путь через горы, бежать от чудовищного Цурумаха. Ахкеймион поймал себя на том, что то и дело оглядывается и смотрит на север, ожидая увидеть на горизонте черные тучи. Он обнаружил, что хватается за несуществующие раны и отгоняет прочь картины битвы, в которой он не сражался: поражение киранейцев при Мехсарунате. Он осознал, что движется, как автомат, лишенный надежды и любых желаний, кроме стремления выжить.

В какой-то момент Сесватха оставил своих спутников и ушел в одиночестве бродить между продуваемых ветром скал. Где-то неподалеку отсюда он нашел маленькую темную пещерку и забился туда, свернувшись, словно пес, обхватив колени, визжа, подвывая, моля о смерти... Когда настало утро, он проклял богов за то, что все еще дышит...

Ахкеймион поймал себя на том, что смотрит на Келлхуса, и руки у него дрожат, а мысли путаются все больше и больше.

Обеспокоенная Эсменет спросила его, что случилось.

– Ничего, – бесцеремонно отрезал он.

Эсменет улыбнулась и сжала его руку, словно показывая, что доверяет ему. Но она все понимала. Ахкеймион замечал, как она с ужасом поглядывает на князя Атриау.

Время шло, и постепенно Ахкеймион начал успокаиваться и приходить в себя. Похоже, чем дальше они удалялись от пути Сесватхи, тем лучше у него получалось притворяться. Ахкеймион, сам того не заметив, завел остальных так далеко, что они просто не успели бы вернуться к Священному воинству до наступления темноты, и потому предложил поискать место для ночевки.

Фиолетовые облака смягчили облик гор. К вечеру путники отыскивали на высоком квадратном уступе рощицу цветущих железных деревьев. Они направились туда, взбираясь по исчерченному бороздами склону горы. Келлхус первым заметил развалины: они наткнулись на руины небольшого айнритийского храма.

– Это что, гробница? – спросил Ахкеймион, ни к кому конкретно не обращаясь, когда они пробирались к древнему фундаменту через заросли кустов и высокую траву. Он понял, что найденная роща на самом деле была разросшейся аллеей. Железные деревья стояли

рядами; их темные ветви блестели пурпуром и белизной, покачиваясь под теплым вечерним ветерком.

Путники миновали каменные глыбы, потом вскарабкались на осыпавшиеся стены и обнаружили за ними мозаичный пол с изображением Айнри Сейена; голова пророка была погребена под обломками, руки, окруженные ореолом, раскинуты в стороны. Некоторое время все четверо просто бродили, изучая окрестности, протаптывая тропки в густой траве и поражаясь тому, что это место оказалось заброшенным.

– Пепла нет, – заметил Келлхус, поковыряв ногой песчаную почву. – Похоже, строение просто рухнуло от старости.

– Такое красивое, – сказала Серве. – Как можно было это допустить?

– После того как Гедея оказалась захвачена фаним, – объяснил Ахкеймион, – нансурцы ушли с этих земель... Наверное, они сделались слишком уязвимы для налетов... Должно быть, тут везде подобные развалины.

Они набрали сухих веток. Ахкеймион развел костер колдовским словом и лишь потом понял, что разжег его на животе Последнего Пророка. Усевшись на камни по разным сторонам изображения, они продолжили разговор, и огонь казался все ярче по мере того, как вокруг темнело.

Они пили неразбавленное вино, ели хлеб, лук-порей и солонину. Ахкеймион переводил обрывки текстов, сохранившихся на мозаике.

– Маррукиз, – сказал он, изучая стилизованную печать с надписью на высоком шайском. – Это место когда-то принадлежало Маррукизу, духовной общине при Тысяче Храмов... Если я правильно помню, она была уничтожена, когда фаним захватили Шайме... Значит, это место было заброшено задолго до падения Гедеи.

Келлхус тут же задал несколько вопросов касательно духовных общин – ну конечно же! Поскольку Эсменет разбиралась в тонкостях жизни Тысячи Храмов куда лучше его, Ахкеймион предоставил отвечать ей. В конце концов, она спала со священниками всех мыслимых общин, сект и культов...

Трахала их.

Слушая ее объяснения, Ахкеймион разглядывал ремешки своей сандалии. Он понял, что ему нужна новая обувь. И его охватила глубокая печаль, злосчастная печаль человека, которого изводит все до последней мелочи. Где он найдет сандалии среди этого безумия?

Ахкеймион извинился и отошел от костра.

Некоторое время он сидел за пределами круга света, на обломках, свалившихся в рощу. Все вокруг было черным, кроме железных деревьев, но их цветущие кроны, медленно покачивавшиеся на ветру, в лунном свете казались таинственными и неземными. Их горьковато-сладкий запах напоминал о садах Ксинема.

– Опять хандришь? – раздался за спиной голос Эсменет.

Ахкеймион обернулся и увидел ее в полумраке, окрашенную в те же бледные тона, что и все вокруг. Он поразился, как ночь заставляет камень походить на кожу, а кожу – на камень. Потом Эсменет очутилась в его объятиях и принялась целовать его, стягивая с него льняную рясу. Он прижал ее к треснувшему алтарю; его руки шарили по ее бедрам и ягодицам. Она на ощупь отыскала его член и ухватила обеими руками.

Они слились воедино.

Потом, стряхивая грязь с кожи и с одежды, они улыбнулись друг другу понимающей, робкой улыбкой.

– Ну и что ты думаешь? – спросил Ахкеймион.

Эсменет издала странный звук, нечто среднее между смешком и вздохом.

– Ничего, – сказала она. – Ничего такого нежного, распутного и восхитительного. Ничего такого волшебного, как это место...

– Я имел в виду Келлхуса.

Вспышка гнева.

– Ты что, вообще ни о чем больше не думаешь?

У Ахкеймиона перехватило дыхание.

– Как я могу?

Эсменет сделалась отчужденной и непроницаемой. Над развалинами зазвенел смех Серве, и Ахкеймион поймал себя на том, что гадает – что же такого сказал Келлхус.

– Он необычный, – пробормотала Эсменет, старательно не глядя на Ахкеймиона.

«Ну и что же мне делать?» – захотелось крикнуть ему.

Но он промолчал, пытаясь задушить рев внутренних голосов.

– У нас есть мы, – внезапно сказала Эсменет. – Ведь правда, Акка?

– Конечно, есть. Но что...

– Но что еще имеет значение, если мы есть друг у друга?

Вечно она его перебивает...

– Сейен милостивый, женщина, он – Предвестник!

– Но мы можем бежать! От Завета. От него. Мы можем спрятаться. Мы с тобой, вдвоем!

– Но, Эми... Эта ноша...

– Не наша! – прошипела она. – Почему мы должны страдать из-за нее? Давай убежим! Ну пожалуйста, Акка! Давай оставим все это безумие позади!

– Глупости, Эсменет. От конца света не убежишь! А если бы нам и удалось бежать, я стал бы колдуном без школы – волшебником, Эми! Это еще хуже, чем быть ведьмой! Они откроют охоту на меня. Все они – не только Завет. Школы не терпят волшебников...

Он с горечью рассмеялся.

– Мы даже не доживем до того, чтобы нас убили.

– Но это же впервые, – произнесла она ломким голосом. – Я впервые...

Что-то – быть может, ее безутешно поникшие плечи или то, как она сложила руки, запястье к запястью, – толкнуло Ахкеймиона к ней: поддержать, обнять... Но его остановил перепуганный крик Серве.

– Келлхус просит вас скорее подойти! – крикнула она из темноты. – Там, вдали, факелы! Всадники!

Ахкеймион нахмурился.

– У кого там хватило дури шлаться по горам среди ночи?

Эсменет не ответила. От нее и не требовался ответ.

Фаним.

Пока они пробирались через темноту, Эсменет мысленно обзывала себя дурой. Келлхус затоптал костер, превратив мозаичное изображение Последнего Пророка в созвездие беспорядочно разбросанных углей. Они поспешно перебежали открытый участок и присоединились к Келлхусу, спрятавшемуся в траве за грудой обломков.

– Смотрите, – сказал князь Атритау, указывая вниз.

У Эсменет и так перехватило дух от слов Ахкеймиона, а от того, что она увидела теперь, ей окончательно сделалось нечем дышать. Вереницы факелов извивались во тьме, двигаясь вдоль крутых склонов, по которым проходила единственная возможная дорога к разрушенному святилищу. Сотни сверкающих точек. Язычники, едущие, чтобы ограбить их. Если не хуже...

– Они скоро будут здесь, – констатировал Келлхус.

Эсменет изо всех сил пыталась совладать с внезапно захлестнувшим ее ужасом. Может случиться все, что угодно, – даже с такими людьми, как Ахкеймион и Келлхус! Мир крайне жесток.

– Может, если мы спрячемся...

– Они знают, что мы здесь, – пробормотал Келлхус. – Наш костер. Они движутся на свет костра.

– Значит, надо посмотреть, что там, – сказал Ахкеймион.

Потрясенная его тоном, Эсменет взглянула в сторону колдуна – и попятилась в страхе. Глаза и рот Ахкеймиона вдруг вспыхнули белым светом, а слова прозвучали подобно раскату грома. Затем на земле между вытянутыми руками Ахкеймиона появилась линия, такая яркая, что Эсменет вскинула руки, защищаясь от слепящего сияния. Эта безукоризненно прямая линия ринулась вперед и вверх, врезалась в облака и, озарив их, ушла в бесконечную тьму...

«Небесный Барьер! – подумала Эсменет. – Напев из рассказов Ахкеймиона про Первый Апокалипсис».

Тени запрыгали по далеким обрывам. Горы осветились, словно выхваченные из темноты вспышкой молнии. И Эсменет увидела вооруженных всадников, целую колонну; они кричали в страхе и пытались усмирить перепуганных лошадей. Она увидела потрясенные лица...

– Стойте! – крикнул Келлхус. – Стойте!

Свет погас. Темнота.

– Это галеоты, – сказал Келлхус, уверенно положив руку ей на плечо. – Люди Бивня. Эсменет моргнула и схватилась за грудь. Она разглядела среди всадников Сарцелла.

Из темноты долетел звучный оклик:

– Мы ищем князя Атритау, Анасуримбора Келлхуса!

Звук голоса рассыпался, распался на отдельные волны: искренность, беспокойство, гнев, надежда... И Келлхус понял, что опасности нет.

«Он пришел ко мне за советом».

– Принц Саубон! – крикнул Келлхус. – Добро пожаловать! Все верные – желанные гости у нашего костра!

– А колдуны? – послышался другой голос. – Богохульники – тоже желанные гости?

В голосе звучали возмущение и сарказм. Кто говорит? Какой-то нансурец, возможно, из Массентии, хотя акцент было до странности трудно определить. Наследственный кастовый дворянин, чей ранг позволяет ему состоять в свите принца... Кто-то из генералов императора?

– И они – желанные гости, когда служат верным! – отозвался Келлхус.

– Прошу простить моего друга! – со смехом выкрикнул Саубон. – Боюсь, он прихватил с собой всего одни штаны!

Галеоты развеселились, и среди горных склонов замечались отзвуки смеха, улюлюканья, дружеских подначек.

– Чего им надо? – негромко поинтересовался Ахкеймион.

Даже в полутьме Келлхус видел на его лице отпечаток недавней боли – следы разговора с Эсменет.

Разговора о нем.

– Кто знает? – отозвался Келлхус. – На совете Саубон был первым из тех, кто рвался идти вперед, не дожидаясь айнонов и Багряных шпилей. Возможно, теперь, когда Проиас далеко, он ищет, что бы еще натворить...

Ахкеймион покачал головой.

– Он доказывал, что разрушение Руома грозит подорвать боевой дух Людей Бивня, – уточнил колдун. – Ксином мне рассказал, что это именно ты заставил его умолкнуть... По-другому истолковав предзнаменование, которое несло в себе землетрясение.

– Думаешь, он ищет возможности поквитаться? – спросил Келлхус.

Но было уже поздно. Все новые и новые всадники останавливали коней, спешили и разминали уставшие ноги. Саубон со свитой рысью ехал к Келлхусу; по бокам от них двигались факелonosцы. Галеотский принц натянул поводья коня в роскошной сбруе; глаза его прятались в тени бровей.

Келлхус опустил голову ровно настолько, насколько это предписывалось джнаном, – поклон, уместный при встрече двух принцев.

– Мы шли по вашим следам весь день, – сказал Саубон, прыгивая на землю.

Когда он спустился, оказалось, что он почти так же высок, как Келлхус, но немного шире в плечах. Принц, как и его люди, оделся для битвы; на нем была не только кольчуга, но и шлем, и латные рукавицы. Под вышитым на котте Красным Львом, знаком галеотского королевского дома, красовался наспех пририсованный Бивень.

– И кто эти «мы»? – поинтересовался Келлхус, внимательно оглядывая спутников Саубона.

Саубон представил нескольких из них, начиная с седого конюха, Куссалта, но Келлхус удостоил их лишь мимолетным взглядом. Его вниманием завладел одинокий шрайский рыцарь, которого принц назвал Кутием Сарцеллом...

«Еще один. Еще один Скеаос».

– Ну, наконец-то, – произнес Сарцелл.

Его глаза поблескивали сквозь пальцы поддельного лица.

– Знаменитый князь Атритау.

Он поклонился ниже, чем того требовал его ранг.

«Отец, что все это означает?»

Так много переменных.

...Расставив дозорных и распределив людей по краям роцци, Саубон вместе со своим придворным и шрайским рыцарем вернулся к костру, вновь разведенному в глубине разрушенного святилища. В соответствии с обычаями южных дворов, галеотский принц избегал разговора о цели своего визита, скрупулезно дожидаясь того, что практикующие джнан именуют «мемпonti», то есть «удачного поворота», который как бы сам по себе переведет разговор на более важные темы. Келлхус знал, что Саубон считает обычаи собственного народа грубыми и примитивными. Каждым своим вздохом он ведет войну с тем, кто он есть.

Но внимание Келлхуса было приковано к шрайскому рыцарю, Сарцеллу, – и не только из-за его лица. Ахкеймиону удалось совладать с потрясением, и все же всякий раз, когда он смотрел в сторону рыцаря Бивня, в глазах его вспыхивали тревога и ярость. Келлхус понял, что Ахкеймион не просто знает Сарцелла – он его ненавидит. Дунианский монах прямо-таки слышал движения души Ахкеймиона: бурлящее негодование, обида за проявленное в прошлом пренебрежение, вызывающие содрогание воспоминания об ударе, угрызения совести...

«Сумна, – понял Келлхус, припоминая все, что Ахкеймион когда-либо рассказывал о своем предыдущем задании. – Что-то произошло между ним и Сарцеллом в Сумне. Что-то, затрагивающее Инрау...»

Несмотря на ненависть, чародей, по-видимому, понятия не имеет, что Сарцелл – еще один Скеаос... еще один шпион-оборотень Консульты.

И точно так же об этом не подозревает Эсменет, хотя ее эмоции еще сильнее, чем у Ахкеймиона. Страх разоблачения. Вероломная надежда... «Она думает, что он пришел забрать ее... Забрать ее у Ахкеймиона».

Она была любовницей этой твари.

Но эти загадки блекли перед главным вопросом: что оно здесь делает? Не просто в Священном воинстве, а именно здесь, в этой ночи, рядом с Саубоном...

– Как вы нас нашли? – спросил внезапно Ахкеймион.

Саубон провел рукой по коротко стриженным волосам.

– Вот мой друг, Сарцелл. Он обладает невероятными способностями следопыта...

Принц повернулся к рыцарю.

– Как, говоришь, ты этому научился?

– Еще в юности, – солгал Сарцелл, – в западных поместьях моего отца.

Он поджал чувственные губы, словно сдерживая усмешку.

– Когда выслеживал скульвендов...

– Выслеживал скульвендов, – повторил Саубон, словно желая сказать: «Только в Нансурии...». – Я уже готов был вернуться, когда начало темнеть, но он твердил, что вы рядом.

Саубон развел руками.

Молчание.

Эсменет сидела, оцепенев, пряча татуированные руки, как человек, стыдясь скверных зубов, старается не улыбаться. Ахкеймион поглядывал на Келлхуса, ожидая, что тот прогонит возникшую неловкость. Серве, чувствуя тревогу, молча обхватила колени руками. Тварь без лица смотрела в чашу с вином.

В иных обстоятельствах Келлхус уже сказал бы что-нибудь. Но сейчас он не мог придумать ничего дельного. Его глаза смотрели, но не видели. Лицо казалось зеркалом, отражающим чувства его спутников. Его «я» исчезло, а безжалостная мысль охотилась сама на себя. Следствие и результат. События, что, подобно концентрическим кругам, разбегаются по темной воде будущего... Каждое слово, каждый взгляд – камень.

В том была великая опасность. Следовало понять логику этой неожиданной встречи. Только Логос может осветить путь... Только Логос.

– Я шел за вами по запаху, – сказал Сарцелл.

Он смотрел прямо на Ахкеймиона, и в глазах его поблескивало нечто непонятное. Юмор?

Келлхус решил, что эта фраза не была шуткой: тварь действительно выследила их, как пес. Нужно быть чрезвычайно осторожным с подобными существами. Пока что он понятия не имел об их способностях. «А ты знаешь этих тварей, отец?»

С тех пор как он взял Друза Ахкеймиона в учителя, все преобразилось. Мир – теперь Келлхус это понимал, – скрывает много, очень много тайн, неведомых его братьям. Логос оставался истинным, но его пути были куда более извилистыми, чем полагали дуниане. И Абсолют... Конец Концов куда дальше, чем они могли себе представить. Так много препятствий. Так много развилок на пути...

Невзирая на свой скептицизм, Келлхус начал верить во многое из того, что говорил Ахкеймион в ходе их дискуссий. Он поверил в Первый Апокалипсис. Он верил, что безликая тварь, сидящая сейчас перед ним, – артефакт Консульты. Но пророчество Кельмомаса? Приближение Второго Апокалипсиса? Все это было нелепостью. Будущее не может предвосхищать прошлое. То, что придет потом, не может предшествовать тому, что было раньше...

А если может?

Столько всего, что должно дожидаться отца... Так много вопросов...

Его неосведомленность уже едва не привела к беде. Простой обмен взглядами в императорском саду повлек за собой череду катастроф, включая события под Андияминскими Высотами, в результате которых Ахкеймион уверился в том, что Келлхус – Предвестник. Если бы он решил сообщить своей школе, что Анасуримбор вернулся...

Да, опасность велика.

Друза Ахкеймиона следует оставить в неведении – это точно. Если он узнает, что Келлхус способен видеть шпионов-оборотней, он не колеблясь свяжется со своими хозяевами в Атьерсе. Эта информация слишком важна, чтобы Ахкеймион скрывал ее от школы.

Получается, Келлхусу придется разбираться со всем этим самостоятельно.

– Мой конюх, – сказал Саубон шрайскому рыцарю, – клянется, что тебя привело сюда не что иное, как колдовство... Куссалт сам воображает себя великим следопытом.

Может быть, Консульт каким-то образом узнал, что это он разоблачил Скеаоса? Император видел, как он изучал первого советника, и, что еще важнее, он это запомнил. Келлхус уже несколько раз замечал императорских шпионов, наблюдавших за ним исподтишка. Вполне возможно, что Консульт понял, как был разоблачен Скеаос.

Если им это известно, тогда вполне возможно, что Сарцелл играет роль пробного образца. Им нужно знать, провалился ли Скеаос случайно, из-за паранойи императора, или этот чужак из Атритау сумел заглянуть в его истинное лицо. Они будут следить за ним, осторожно задавать вопросы, а когда это не поможет найти ответ, они пойдут на контакт... Так ли?

А еще следовало не забывать об Ахкеймионе. Консульт, несомненно, будет присматривать за адептами Завета, единственными людьми, которые до сих пор верят в его существование. Сарцелл и Ахкеймион уже сталкивались раньше, и напрямую – это видно по реакции колдуна, – и косвенно, через Эсменет, которую, очевидно, лжерыцарь в прошлом соблазнил. Они используют ее для какой-то цели... Возможно, испытывают ее, прощупывают ее способность обманывать и предавать. Она ничего не сказала Ахкеймиону о Сарцелле – это очевидно.

«Предмет изучения так глубок, отец».

Тысяча возможностей, скачущих галопом по лишенной дорог степи будущего. Сотня сценариев, вспыхивающих у него в сознании; одни ветвились и ветвились, на время уводя его от цели, другие вели к катастрофе...

Открытое противостояние. Обвинения, выдвинутые в присутствии Великих Имен. Шум, который поднимется при разоблачении всего этого ужаса. Завет, подключившийся к делу. Открытая война с Консультотом... Не годится. Нельзя привлекать Завет, пока они не смогут занять господствующее положение. Нельзя рисковать войной против Консультта. Пока что нельзя.

Косвенное противостояние. Ночные налеты. Перерезанные глотки. Попытки нанести ответный удар. Тайная война, постепенно выходящая на поверхность... Тоже не годится. Если убить Сарцелла и прочих тварей, Консульт поймет, что кто-то способен их распознавать. Когда они узнают, что этот «кто-то» – Келлхус, то косвенное противостояние перерастет в открытый конфликт.

Бездействие. Оценка происходящего. Безрезультатные проверки. Другие предположения. Ответные действия откладываются из-за необходимости разобраться. Беспокойство в тени растущей силы... Да, это годится. Даже если они узнают детали, сопутствовавшие разоблачению Скеаоса, Консульт сможет лишь строить домыслы. Если то, что рассказывает Ахкеймион, соответствует действительности, они не настолько грубы, чтобы вычеркнуть возможную угрозу, не попытавшись предварительно понять ее. Конфронтация неизбежна. Но исход зависит лишь от того, сколько времени у него будет на подготовку...

Он – дунианин, один из Обученных. Обстоятельства поддадутся. Миссия должна быть...

– Келлхус, – раздался голос Серве. – Принц тебя спрашивает.

Келлхус моргнул и улыбнулся, словно бы потешаясь над собственной глупостью. Все сидящие у костра смотрели на него, кто-то с беспокойством, кто-то с недоумением.

– П-простите, – запинаясь, пробормотал он. – Я...

Он нервно оглядел присутствующих и вздохнул.

– Иногда я... *вижу*...

Тишина.

– Я тоже, – язвительно бросил Сарцелл. – Но я обычно вижу, когда мои глаза открыты.

Он что, закрыл глаза? Келлхус совершенно этого не помнил. Если да, то это промах, внушающий беспокойство. Он давным-давно уже...

– Идиот! – рявкнул Саубон, поворачиваясь к шрайскому рыцарю. – Дурак! Мы сидим у костра этого человека, и ты его оскорбляешь?!

– Рыцарь-командор не оскорбил меня, – сказал Келлхус. – Вы забыли, принц, что он не только воин, но и жрец, а мы попросили его разделить костер с колдуном... Наверное, это все равно что попросить повитуху преломить хлеб с прокаженным.

Нервный смех, слишком громкий и слишком короткий.

– Несомненно, – добавил Келлхус, – он просто слегка погорячился.

– Несомненно, – откликнулся Сарцелл.

Язвительная усмешка, откровенная, как и любое выражение его лица.

«Чего оно хочет?»

– А отсюда вытекает вопрос, – продолжал Келлхус, легко и непринужденно создавая «удачный поворот», которого никак не мог дожидаться принц Саубон. – Что привело шрайского рыцаря к костру колдуна?

– Меня послал Готиан, – сказал Сарцелл, – мой великий магистр...

Он взглянул на Саубона. Тот сидел с каменным лицом.

– Шрайские рыцари поклялись в числе первых ступить на землю язычников, а принц Саубон предложил...

Но тут Саубон прервал его, выпалив:

– Я буду говорить с вами наедине, князь Келлхус.

«Что ты хочешь, чтобы я сделал, отец?»

Так много вероятностей. Бессчетные вероятности.

Келлхус прошел следом за Саубоном по темным тропинкам железной рощи. Они остановились у края утеса, глядя на залитые лунным светом просторы Инунарского нагорья. Ветер усилился, листва шуршала под его порывами. Склон под утесом был усеян рухнувшими деревьями. Мертвые корни торчали кверху. На некоторых до сих пор сохранились огромные комья земли, будто упавшие грозили пыльными кулаками уцелевшим.

– Вы видите разные вещи, так ведь? – сказал в конце концов Саубон. – В смысле – вы ведь увидели Священное воинство там у себя, в Атриау.

Келлхус обнял этого человека своими ощущениями. Бешено колотящееся сердце. Кровь, прилившая к лицу. Напряженные мышцы...

«Он боится меня».

– Почему вы спрашиваете?

– Потому, что Пройас – упрямый дурак. Потому что те, кто первым успеет к столу, и пировать будут первыми!

Принц галеотов был одновременно и дерзок, и нетерпелив. Хоть он и ценил хитрость и коварство, превыше всего он ставил храбрость.

– Вы хотите выступить немедленно, – сказал Келлхус.

Саубон скривился в темноте.

– Я уже был бы в Гедее, – огрызнулся он, – если бы не вы!

Он имел в виду недавний совет, на котором предложенное Келлхусом толкование падения Руома уничтожило все доводы Саубона. Но его негодование не было искренним – Келлхус это видел. Коифус Саубон был безжалостен и корыстен, но не мелочен.

– Тогда почему вы пришли ко мне?

– Из-за того, что вы сказали... ну, про то, что Бог сжег наши корабли... В этом чувствовалась правда.

Келлхус понял, что Саубон из тех людей, что постоянно наблюдают за другими, сравнивают и оценивают. Он всю жизнь считал себя человеком проницательным, гордился умением наказывать лесть и вознаграждать критику. Но с Келлхусом... Саубон не знал, с какой меркой к нему подойти. «Он сказал себе, что я – пророк. Но боится, что я – нечто большее...»

– И что вы видите? Правду?

При всем своем корыстолюбии Саубон обладал неким приземленным благочестием. Для него вера была игрой – но игрой очень серьезной. Там, где другие кланчили и называли это «молитвой», Саубон торговался. Идя сюда, он думал, что отдает богам то, что им причитается...

«Он боится совершить ошибку. Блудница-Судьба дает ему всего один шанс».

– Мне нужно знать, что вы видите! – выкрикнул принц. – Я воевал во многих кампаниях: все – ради моего жалкого отца. Я не дурак повоевать. И я не думаю, что иду в фанимскую ловушку...

– Вспомните, что сказал на совете Найюр, – перебил его Келлхус. – Фаним сражаются верхом. Они заманят вас в капкан. И не забывайте про кишау...

Саубон громко фыркнул.

– Мой племянник отправился к Гедее на разведку и каждый день шлет мне донесения. Нет никаких фанимских войск, затаившихся в тени этих гор! Их застрельщики, за которыми гоняется Пройас, просто дурачат нас, задерживают, чтобы язычники успели собрать силы. Скаур достаточно благоразумен, чтобы понять, когда расклад не в его пользу. Он отступил в Шайгек, засел в городах по Семпису и ждет, пока подойдет падираджа с кианскими грандами. Он уступит Гедее тому, у кого хватит мужества прийти и взять ее!

Галеотский принц определенно верил в то, что говорил, но можно ли верить ему? Его доводы казались достаточно здравыми. И Пройас с уважением отзывался о военных талантах Саубона. Во время затишья Саубон даже боролся с Икуреом Конфасом, за несколько лет до...

Поток вероятностей. Где-то среди них кроется благоприятная возможность... И наверное, нет необходимости открыто противостоять Сарцеллу или уничтожать его. Пока что.

«Я мало знаю о войне. Слишком мало...»

– Значит, вы надеетесь, – сказал Келлхус. – Скаур может...

– Значит, я знаю!

– Тогда какое имеет значение, одобряю я ваши действия или нет? Правда есть правда, вне зависимости от того, кто ее высказал...

Безрассудство.

– Я прошу лишь вашего совета. Скажите, что вы видите... И ничего больше.

Слабость в глазах. Прерывистое дыхание. Глухой голос.

«Еще одна ложь».

– Но я вижу многое... – пожал плечами Келлхус.

– Ну так скажите мне!

Келлхус покачал головой.

– Я лишь изредка вижу проблески будущего. Сердца людей... то, чем они являются...

Он умолк, с беспокойством посмотрел вниз, на крутой склон, на выбеленные солнцем кости изломанных деревьев.

– Вот что я обычно вижу.

Саубон насторожился.

– Тогда скажите... Что вы видите в моем сердце?

«Разоблачи его. Сорви с него всю ложь, все притворство.

Когда стыд пройдет...»

Келлхус на краткий миг впился взглядом в глаза принца.

«...он будет думать, что так и надо – стоять нагим передо мной».

– Мужчина и дитя, – сказал Келлхус, вплетая в голос более глубокие обертоны, делая его почти осязаемым. – Я вижу мужчину и дитя... Мужчину терзает пропасть между силой и бессилием, данными ему по праву рождения. Ему навязали судьбу, которую он отверг, и потому он день за днем живет среди того, чем не обладает. Жажда, Саубон... Не жажда золота – жажда признания. Неудержимое желание быть признанным людьми – чтобы они смотрели и говорили: «Вот король, создавший себя сам!»

Келлхус смотрел в пустоту у себя под ногами, пустоту, от которой начинала кружиться голова. Глаза его были стеклянными: он созерцал путаницу внутренних тайн...

Саубон глядел на него с ужасом.

– А дитя? Вы сказали, что есть еще и дитя!

– Дитя по-прежнему страшится отцовской руки. Просыпается по ночам и плачет, не потому, что хочет признания, а потому, что хочет, чтобы его знали... Никто его не знает. Никто не любит.

Келлхус повернулся к принцу; в глазах его светилось понимание и неземное сострадание.

– Я могу продолжить...

– Н-нет, – запинаясь, пробормотал Саубон, словно выходя из транса. – Хватит. Довольно...

Но чего довольно? Саубон хотел получить предлог. Что он даст взамен? Там, где так много вероятностей, все сопряжено с риском. Абсолютно все.

«Что, если я сделаю неверный выбор, отец?»

– Вы слышите?! – со страхом воскликнул Келлхус, поворачиваясь к Саубону.

Галеотский принц отскочил от края утеса.

– Что слышу?

Правда порождает правду, даже если это ложь.

Келлхус пошатнулся. Саубон метнулся и оттащил его от обрыва.

– Поход! – выдохнул Келлхус прямо в лицо Саубону. – Блудница-Судьба будет благосклонна к вам... Но вы должны позаботиться, чтобы шрайские рыцари...

Он изумленно распахнул глаза, словно говоря: «Не может быть, чтобы послание оказалось таким!»

Есть предназначения, которые невозможно постигнуть заранее. Есть дороги, по которым следует пройти, чтобы узнать их. Рискнем.

– Вы должны позаботиться, чтобы шрайские рыцари были наказаны.

Когда Келлхус и Саубон ушли, Эсменет осталась сидеть, молча глядя в костер и изучая мозаичное изображение Последнего Пророка у себя под ногами. Она убрала ступни с ореола, окружающего руки Айнри Сейена. Это казалось кошунством, что им приходится ходить по нему...

Хотя с каких пор ее это волнует? Она проклятая. Никогда еще это не казалось таким очевидным, как сейчас.

Сарцелл здесь!

Несчастье за несчастьем. Почему боги настолько ее ненавидят? Почему они так жестоки?

Сарцелл, великолепный в своей серебристой кольчуге и белой котте, дружелюбно беседовал с Серве о Келлхусе, расспрашивая, откуда он родом, где они встретились, и все такое. Серве наслаждалась его вниманием; по ее ответам ясно было, что она обожает князя Атри-

тау. Она говорила так, словно существовала только в той мере, в какой была связана с ним. Ахкеймион смотрел на них, хотя почему-то казалось, будто он не слушает.

«Ох, Акка... Почему я знаю, что потеряю тебя?»

Не боюсь, а знаю. До чего же жесток этот мир!

Пробормотав извинения, Эсменет встала и медленной, размеренной походкой отошла от костра.

Окутанная темнотой, она остановилась и опустилась на обломок рухнувшей колонны. Ночь была пропитана шумом, поднятым людьми Саубона: ритмичный стук топоров, гортанные возгласы, грубый смех. Под темными деревьями фыркали боевые кони и рыли копытами землю.

«Что мне делать? А вдруг Акка узнает?»

Эсменет оглянулась и была потрясена, обнаружив, что по-прежнему видит Ахкеймиона, темно-оранжевую фигуру у костра. Его несчастный вид и пять белых прядей в бороде вызвали у нее улыбку. Кажется, он говорил с Серве...

А куда делся Сарцелл?

– Должно быть, трудно быть женщиной в подобном месте, – раздался голос у нее за спиной.

Эсменет подскочила и стремительно обернулась; сердце бешено забилося от испуга и тревоги. Она увидела идущего к ней Сарцелла. Ну конечно...

– Так много свиней, – продолжил он, – и всего одно корыто.

Эсменет сглотнула и застыла, ничего не ответив.

– Я уже где-то видел тебя, – сказал Сарцелл, продолжая игру притворства, начатую еще у костра. – Ведь правда?

Он насмешливо поднял брови.

Глубокий вздох.

– Нет. Я уверена, что мы не виделись.

– Но как же... Да! Ты... проститутка. – Он обворожительно улыбнулся. – Шлюха.

Эсменет огляделась по сторонам.

– Я понятия не имею, о чем вы говорите.

– Колдун и шлюха... Пожалуй, в этом есть некое странное соответствие. Если учесть, сколько мужчин вылизывали тебе промежность, пожалуй, неплохо припасти одного с магическим языком.

Эсменет ударила его – точнее, попыталась. Рыцарь перехватил ее руку.

– Сарцелл, – прошептала она. – Сарцелл, пожалуйста...

Она почувствовала, как его пальцы скользнули по внутренней стороне ее бедра, следуя какой-то немислимой линии.

– Как я и сказал, – пробормотал он тоном, который она сразу узнала. – Корыто одно.

Эсменет оглянулась на костер и увидела, что Ахкеймион, хмурясь, смотрит туда, куда она ушла. Конечно, он ничего не видит в темноте – таково вероломство огня, освещающего небольшой круг и делающего весь остальной мир еще темнее. Но мог Ахкеймион это видеть или не мог, значения не имело.

– Нет, Сарцелл! – прошипела она. – Не... «...здесь».

– Нет, пока я жива! Ты понял?

Она чувствовала его жар.

«Нет-нет-нет-нет...»

Тут раздался другой, более звучный голос:

– Что-то случилось?

Развернувшись, Эсменет увидела, как из рощи вышел князь Келлхус.

– Н-нет. Ничего, – выдохнула Эсменет, с изумлением осознав, что ее рука свободна. – Господин Сарцелл испугал меня, только и всего.

– Она говорит охотно, – сказал Сарцелл. – Но то же самое делает большинство женщин.

– Вы так думаете? – отозвался Келлхус и подошел вплотную, так что Сарцеллу пришлось поднять взгляд. Келлхус смотрел на рыцаря. Держался он спокойно и даже несколько рассеянно, но в его поведении чувствовалась неумолимая, непреклонная решимость, от которой у Эсменет бешено заколотилось сердце. Ей захотелось кинуться прочь, не разбирая дороги. Неужто он слушал? Неужто он слышал?

– Возможно, вы правы, – бесцеремонно заявил Сарцелл. – Большинство мужчин тоже говорят легко.

На миг воцарилось неловкое молчание. Что-то в душе Эсменет требовало заполнить тишину, но ей не хватало воздуха, чтобы заговорить.

– Ну что ж, я вас покину, – объявил Сарцелл.

И, небрежно поклонившись, он размашисто зашагал обратно к костру.

Оставшись наедине с Келлхусом, Эсменет облегченно вздохнула. Рука, сжимавшая ее сердце мгновением раньше, исчезла. Эсменет взглянула на Келлхуса и мельком заметила Гвоздь Небес над его левым плечом. Князь казался призраком, сотканным из золота и тени.

– Спасибо, – прошептала она.

– Ты любила его?

У Эсменет защемило глаза. Ей почему-то даже в голову не пришло просто ответить «нет». Князю Анасуримбору Келлхусу невозможно было солгать. Вместо этого Эсменет сказала:

– Пожалуйста, не говорите Акке.

Келлхус улыбнулся, но в глазах его по-прежнему стояла глубокая печаль. Он протянул руку, словно собираясь коснуться щеки Эсменет, – но уронил ее.

– Пойдем, – сказал он. – Ночь заканчивается.

Держась за руки крепко, как юные влюбленные, Эсменет и Ахкеймион брели через кусты, выбирая подходящее местечко для сна. Они нашли ровный пятачок на опушке рощи, неподалеку от утеса, и расстелили там свои циновки. Улеглись, тяжело дыша и постанывая, словно старик со старухой. Ближайшее к ним железное дерево недавно засохло, и теперь его алебастровый силуэт застыл на фоне неба искривленной рукой. Эсменет принялась разглядывать созвездия сквозь ветви. Ее тяготили мысли о Сарцелле и воспоминание о гневных словах, брошенных Ахкеймионом.

«От конца света не убежишь!»

Как она могла быть такой дурой! Чтобы шлюха посмела ставить себя на одну доску с ним! Он ведь – адепт Завета! Каждую ночь он теряет любимых, каких она даже вообразить не может, не то что самой стать достойной их. Она слышала его крики. Слышала, как он лихорадочно бормочет что-то на неведомых языках. Видела, как его взгляд теряется в древних галлюцинациях.

Она же знала это! Сколько раз она удерживала его во влажной тьме?

Да, Ахкеймион любил ее, но любовь Сесватхи была мертва.

– Я тебе когда-нибудь рассказывала, – спросила Эсменет, содрогнувшись от этой мысли, – что моя мать умела читать по звездам?

– Это опасно, особенно в Нансурии, – отозвался Ахкеймион. – Разве она не знала, какая кара за это грозит?

Запрет на астрологию был таким же строгим, как и на колдовство. Будущее слишком ценно, чтобы делиться им с людьми низших каст. «Лучше быть шлюхой, Эми, – говаривала мать. – Камни – всего лишь далеко бьющие кулаки. Лучше быть побитой, чем сожженной...»

Сколько лет ей было тогда? Одиннадцать?

– Знала, потому и отказалась учить меня...

– Она была мудрой женщиной.

Задумчивое молчание. Эсменет боролась с необъяснимым приступом гнева.

– Акка, как ты думаешь, они действительно знают будущее? Ну, звезды?

Короткая пауза.

– Нет.

– А почему?

– Нелюди считают, что небо – это бездонная, бескрайняя пустота...

– Пустота? Но как такое возможно?

– Более того, они считают, что звезды – это далекие солнца.

Эсменет хотелось рассмеяться, но потом она увидела – словно вдруг взглянула сквозь отражение в воде – как небесное блюдо тонет в невозможной глубине, как пустота громоздится на пустоту, бездна на бездну, и звезды – не солнца! – висят, словно пылинки в луче света. У нее перехватило дыхание. Станным образом небо превратилось в зияющую дыру. Эсменет безотчетно ухватилась за траву, будто стояла на краю обрыва, а не лежала на земле.

– Как они могут так считать? – спросила она. – Солнце ходит вокруг мира. Звезды движутся кругами вокруг Гвоздя.

Тут ей вдруг пришло в голову, что и сам Гвоздь Небес может быть еще одним миром, одним из тысячи тысяч солнц. В таком небе все может быть!

Ахкеймион пожал плечами.

– Предполагается, что им это рассказали инхорои. Что они приплыли сюда со звезд, которые на самом деле солнца.

– И ты им веришь? Нелюдям? Потому и не думаешь, что звезды прядут наши судьбы?

– Я им верю.

– Но при этом ты веришь, что будущее предрешено...

В воздухе сгустилось напряжение; трава сделалась колкой, словно проволока.

– Ты веришь, что Келлхус – Предвестник.

Эсменет осознала, что все время говорит о Келлхусе. О князе Келлхусе.

Краткий миг тишины. Смех среди разрушенных стен – Келлхус и Серве.

– Да, – сказал Ахкеймион.

Эсменет затаила дыхание.

– А что, если он нечто большее? Больше, чем Предвестник?

Ахкеймион перекатился на бок и подложил ладонь под щеку. Эсменет лишь сейчас заметила дорожки слез на его лице. Он плакал все это время – поняла она. Все это время.

«Он страдает... Страдает куда сильнее, чем когда-либо страдала я».

– Ты понимаешь, – сказал Ахкеймион. – Ты понимаешь, почему он мучает меня, ведь правда?

Ее кожа вспомнила прикосновение пальцев Сарцелла ко внутренней стороне бедра. Эсменет содрогнулась, и ей показалось, будто она слышит, как Серве постанывает и вскрикивает в темноте...

«Я просил тебя рассказать, – сказал тогда Келлхус, – каково это».

Она больше не хотела бежать.

– Завету не следует знать о нем, Акка... Мы должны нести эту ношу сами.

Ахкеймион поджал дрожащие губы. Сглотнул.

– Мы?

Эсменет снова перевела взгляд на звезды. Еще один язык, которого она не знает.

– Мы.

Глава 5. Равнина Менгедда

«Почему я должен завоевывать, спросите вы. Война приносит ясность. Жизнь или Смерть. Свобода или Рабство. Война изгоняет осадок из воды жизни».

Триамис I, «Дневники и диалоги»

4111 год Бивня, начало лета, неподалеку от равнины Менгедда

Найюр понял, что не все гладко, еще до того, как увидел вытопанные пастбища и мертвые очаги: слишком мало дыма на горизонте, слишком много стервятников в небе. Когда он сказал об этом Пройасу, принц побледнел, словно Найюр был заодно с грызущим его беспокойством. Когда они выехали на гребень последней гряды холмов и увидели, что под стенами Асгилиоха остались лишь конрийцы и нансурцы, Пройас впал в такую ярость, что казалось, будто его вот-вот хватит удар. Он нахлестывал коня, мчась вниз по склону, и пронзительно выкрикивал проклятия.

Найюр, Ксинем и прочие конрийские кастовые дворяне из их отряда гнались за ним всю дорогу до штаб-квартиры Конфаса, где экзальт-генерал со свойственной ему бойкостью объяснил, что вчера утром Коифус Саубон решил выступить в отсутствие Пройаса. Шрайские рыцари, конечно же, не могли допустить, чтобы кто-то ступил на земли язычников прежде них, а что касается Готьелка, Скайельта и их варваров – разве стоит ожидать, что они отличат дурака от мудреца, если волосы закрывают им глаза?

– И вы что, не спорили с ними? – воскликнул Пройас. – Не привели свои доводы?

– Саубона не интересовали доводы, – отозвался Конфас с таким видом, будто мысленно полировал ногти. – Он прислушивался к более громкому голосу – судя по всему.

– Голосу Бога? – спросил Пройас.

Конфас рассмеялся.

– Я бы сказал – к голосу жадности, но да, я полагаю, ответ «Бог» тоже подойдет. Он сказал, что у вашего друга, князя Атритау, было видение...

Он взглянул на Найюра.

– У кого – у Келлхуса?! – крикнул Пройас. – Келлхус сказал ему выступать?!

– Так он заявил, – отозвался Конфас.

«Настолько уж безумен этот мир», – звучало в его голосе, хотя в глазах читалось совсем иное.

Всех охватило полное замешательство. За прошедшие недели имя дунианина приобрело большой вес среди айнрити, словно Келлхус был камнем, который они держали в руке. Найюр видел это по их лицам: взгляды попрошайек, у которых в подол зашито золото, или пьянчуг с чрезмерно застенчивыми дочерьми... Интересно, а что произойдет, когда камень сделается слишком тяжелым?

Позднее, когда Пройас добрался до лагеря Ксинема и отыскал дунианина, Найюра преследовала одна и та же мысль. «Он совершил ошибку!»

– Что ты наделал?! – спросил Пройас у чудовища.

Голос его дрожал от гнева.

Все – Серве, Динхаз, даже болтливый колдун и его сварливая шлюха, – все сидели вокруг костра, ошеломленные. Никто и никогда не разговаривал с Келлхусом в подобном тоне. Никто.

Найюр едва не расхохотался.

– Что ты хочешь, чтобы я сказал? – спросил дунианин.

– Что произошло?! – крикнул Пройас.

- Саубон пришел к нам, – быстро проговорил Ахкеймион, – пока ты был в Тус...
- Тихо! – рявкнул принц, даже не взглянув на колдуна. – Я спрашиваю тебя...
- Ты не выше меня по статусу! – прогремел голос Келлхуса.

Все, включая Найюра, подскочили, и не только от неожиданности. Что-то было такое в его голосе... Что-то сверхъестественное.

Дунианин вскочил и, хоть и стоял на некотором отдалении, словно бы навис над конрийским принцем. Пройас даже попятился.

- Ты равен мне по положению, Пройас. И не претендуй на большее.

С того места, где остановился Найюр, казалось, будто красновато-желтые стены и приземистые башни Асгилиоха обрамляют головы и плечи мужчин. Келлхус с его аккуратно подстриженной бородой и длинными волосами, сияющими золотом в лучах закатного солнца, был на целую голову выше смуглого конрийского принца, но в обоих в равной мере ощущались изящество и сила. Взгляд Пройаса вновь загорелся гневом.

– Я претендую лишь на одно, Келлхус: чтобы решения, касающиеся Священного воинства, не принимались без меня.

- Я не принимал никакого решения. Ты это знаешь. Я только сказал Саубону...

На краткий миг на лице Келлхуса проступило странное, почти безумное выражение уязвимости. Казалось, будто он смотрит сквозь конрийского принца.

- Только – что?

Глаза дунианина стали пустыми, поза сделалась напряженной – все в нем будто... будто бы сошлось в одной точке, словно он присутствовал здесь и сейчас куда больше, чем все прочие. Словно он стоял среди призраков.

«Он говорит загадками, – напомнил себе Найюр. – Он воюет против всех нас!»

- Только то, что я видел, – вымолвил наконец Келлхус.

- И что же ты видел?

Эти слова прозвучали вымученно.

- Ты хочешь знать, Нерсей Пройас? Ты действительно хочешь, чтобы я рассказал тебе?

Теперь Пройас заколебался. Взгляд его заметался, на долю секунды, не более, задержавшись на Найюре. Бесцветным, лишенным выражения голосом принц произнес:

- Ты нас погубил.

А затем, резко развернувшись, зашагал к своему лагерю.

Впоследствии, когда они очутились в душном шатре, Найюр уселся напротив дунианина по-скюльвендски и потребовал объяснить, что же произошло на самом деле. Серве забилась в угол, словно щенок, побитый двумя хозяевами.

- Я сказал то, что сказал, и это укрепит наше положение, – заявил Келлхус.

Голос его был бесстрастен и бездонен – как всегда, когда он желал проявить свое истинное «я».

– Так ты укрепляешь наше положение? Отталкивая от себя нашего покровителя? Посылая половину Священного воинства на верную смерть? Поверь мне, дунианин, я воевал с фаним. У Священного воинства... этого переселения, или как там еще его назвать, очень мало шансов их одолеть, не говоря уж о том, чтобы отвоевать Шайме! А ты еще уменьшил эти шансы! Мертвый Бог, ты же говорил, что я нужен тебе, чтобы научиться войне!

Келлхус, конечно же, остался непреклонен.

– Ссора с Пройасом пойдет нам на пользу. Он слишком резок в суждениях и слишком подозрителен. Он откроется лишь после того, как его подтолкнут к раскаянию. И он раскается. Что же касается Саубона, я сказал ему только то, что он хотел услышать. Каждому человеку нравится, когда подтверждают лстящие ему иллюзии. Каждому. Потому-то люди и поддерживают – охотно поддерживают – столько паразитических каст: тех же прорицателей, жрецов, сказителей...

– Читай мое лицо, пес! – прорычал Найюр. – Ты не убедишь меня в том, что это – успех!
Пауза. Сияющие глаза сощурились, наблюдая. Намек на устрашающий испытующий взгляд.

– Нет, – сказал Келлхус. – Думаю, нет.

Новая ложь.

– Я не предвидел, – продолжал монах, – что остальные – Готьелк и Скайельт – последуют за ним. В том, что касалось галеотов и шрайских рыцарей, я счел риск приемлемым. Священное воинство может пережить их потерю. А если вспомнить, что ты говорил про слабости неповоротливого войска, может, это даже к лучшему. Но без тидонцев...

– Лжешь! Иначе ты остановил бы их! Ты мог бы их остановить, если бы захотел!

Келлхус пожал плечами.

– Возможно. Но Саубон покинул нас в ту самую ночь, когда отыскал в холмах. Вернувшись, он сразу поднял своих людей и на следующий день выступил еще до рассвета. К тому времени, как мы вернулись, Готьелк и Скайельт уже двинулись следом за ним к Вратам Юга. Мы опоздали.

– Ты ему поверил, так? Ты поверил во весь этот вздор насчет того, что Скаур бежал из Гедеи. Ты до сих пор в это веришь!

– Верит Саубон. Я лишь полагаю, что это возможно.

– Как ты сказал, – злобно огрызнулся Найюр, – каждому нравится, когда подтверждают льстящие ему иллюзии.

Очередная пауза.

– Сперва мне требуется кто-нибудь из Великих Имен, – сказал Келлхус, – затем последуют другие. Если Гедея падет, принц Коифус Саубон будет обращаться ко мне всякий раз, прежде чем принять сколько-нибудь серьезное решение. Нам нужно Священное воинство, скульвенд. Я решил, что ради этого стоит рискнуть.

Недоумок! Найюр уставился на Келлхуса, хоть и знал, что по лицу дунианина ничего не прочесть, а вот по его собственному – все, что угодно. Он подумал было, не рассказать ли ему о коварстве фаним, которые постоянно пускали в ход ложные атаки и дезинформацию и с неизменным успехом одурачивали кретинов вроде Коифуса Саубона. Но тут он боковым зрением заметил Серве, наблюдающую за ним из угла; ее взгляд был полон ненависти и ужаса. «Все как всегда», – сказала часть его души. Измученная часть.

И вдруг Найюр осознал, что он действительно поверил дунианину, поверил, что тот совершил ошибку.

Такое случается часто – когда человек верит и не верит одновременно. Найюру вспомнилось, как он слушал старого Хаюрута, сказителя утемотов, который в детстве учил его своим стихам. Вот только что Найюр плыл по степи с каким-нибудь героем вроде великого Утгая, а в следующий миг видел перед собой сломленного старика, перепившего гишрута и бормочущего фразы тысячеклетней давности. Когда человек верит, это трогает его душу. Когда не верит – все остальное.

– Не все, что я говорю, – сказал дунианин, – обязательно является ложью, скульвенд. Почему ты упорно считаешь, будто я обманываю тебя во всем?

– Потому что так ты ни в чем не сможешь меня обмануть.

...Найюр ехал с краю, чтобы избежать пыли, и посматривал на Пройаса и его свиту. Несмотря на великолепия нарядов, вид у кастовых дворян был мрачный. Они перешли горы Унарас через Врата Юга и теперь наконец-то ехали по землям язычников, по Гедее. Но они не чувствовали ни ликования, ни уверенности. Два дня назад Пройас разослал несколько конных отрядов на поиски Саубона, галеотского принца. Нынешним утром кавалеристы лорда Ингиабана обнаружили воинов одного из этих отрядов мертвыми.

Гедя – во всяком случае здесь, в предгорьях Унарас, – была неуютным краем, сплошь состоящим из каменистых склонов и приземистых скал. Весенняя зелень уже начала выгорать под летним солнцем; свежими остались лишь рощи выносливых кедров. Небо напоминало бирюзовое блюдо, плоское и сухое – совершенно не похожее на усыпанные облачками глубокие небеса Нансурии.

Грифы и вороны взмыли в воздух при приближении людей.

Пройас выругался и натянул поводья.

– Что это значит? – поинтересовался он у Найюра. – Что Скаур умудрился зайти в тыл Саубону? Что фаним их окружили?

Найюр приставил ладонь ко лбу, закрывая глаза от солнца.

– Возможно...

Трупы были раздеты: шесть-семь десятков мертвецов, раздувшихся на жаре, разбросанных, словно вещи, потерянные во время бегства. Найюр без предупреждения послал коня в галоп, вынудив принца и его свиту отправиться следом.

– Содорас был моим кузеном, – раздраженно произнес Пройас, резко останавливаясь рядом с Найюром. – Отец будет в бешенстве!

– Еще одним кузеном, – мрачно заметил лорд Ингиабан.

Ему вспомнился Кальмемунис и Священное воинство простецов.

Найюр втянул воздух, принюхиваясь к запаху разложения. Он почти забыл, что это такое: ползающие мухи, раздувшиеся животы, глаза, подобные разрисованной ткани. Почти забыл, как это свято.

Война... Казалось, будто сама земля трепещет.

Пройас спешил и присел рядом с одним из покойников. Смахнул мух латной перчаткой. Повернувшись к Найюру, спросил:

– А ты? Ты все еще веришь ему?

Он отвел взгляд, словно смутившись искренности вопроса.

Ему... Келлхусу.

– Он... – Найюр помедлил, потом сплюнул, хотя следовало бы пожать плечами. – Он видит разные вещи.

Пройас фыркнул.

– Что-то твои слова не сильно меня успокаивают.

Он встал – тень принца накрыла мертвого воина – и принялся отряхивать пыль с богато украшенной юбки, которую носил поверх кольчужных штанов.

– Пожалуй, все как всегда.

– Что вы имеете в виду, мой принц? – спросил Ксином.

– Мы считаем явления более прекрасными, чем они есть на самом деле, думаем, что они будут развиваться в соответствии с нашими чаяниями, нашими ожиданиями...

Он открыл бурдюк и сделал большой глоток.

– У нансурцев даже есть для этого специальное слово, – добавил принц. – Мы – идеалисты.

Найюр решил, что подобные заявления отчасти объясняют тот благоговейный трепет, который Пройас внушает людям, в том числе и кастовым дворянам, таким как Гайдекки и Ингиабан. Смесь честности и проницательности...

Келлхус делает то же самое. Или не то?

– Ну, так что ты думаешь? – спросил Пройас. – Что здесь произошло?

Он снова взобрался на коня.

– Трудно сказать, – отозвался Найюр, еще раз оглядывая мертвецов.

Лорд Гайдекки громко фыркнул.

– Ха! Содорас не был дураком. Его превзошли числом.

Найюр не был с ним согласен, но, не став спорить, пришпорил коня и поскакал к гребню горы. Почва была песчаной, дерн – рыхлым, и его конь – холеный вороной конрийской породы – несколько раз оступися, прежде чем добрался до вершины. Там Найюр остановился, прислонившись к луке седла, чтобы не так болела спина. Прямо на севере в дымке расплывались вершины гор Унарас.

Найюр немного проехал вдоль гребня, разглядывая истоптанную землю и считая мертвых. Еще семнадцать убитых: раздетых, как и прочие, руки искорежены, вокруг ртов кишат мухи.

Слышно было, как внизу Проюас спорит с придворными.

Прюас неглуп, но горячность делает его нетерпеливым. Он подолгу слушал рассказы Найюра об изобретательности кианцев, но до сих пор плохо представляет себе врага. Однако, с другой стороны, его соотечественники вообще не понимают, с кем им придется воевать. А когда люди, знающие мало, спорят с людьми, не знающими ничего, то непременно выходят из себя.

С первых же дней похода Найюр испытывал серьезные опасения насчет Священного воинства. До сих пор едва ли не все его предложения, высказанные на советах, либо просто отвергались, либо высмеивались в открытую. Мягкотелые придурки!

Во многих отношениях Священное воинство было полной противоположностью скюльвендской орде. Степной народ не терпел, чтобы за ним кто-то тащился. Никаких рабов, подтирающих задницу хозяину, никаких прорицателей и жрецов, и уж, конечно, никаких баб – их всегда можно найти во вражеской стране. Скюльвенды брали с собой ровно столько, сколько могли унести конь и всадник, – даже для самых долгих походов. Если у них заканчивался амикут и не удавалось раздобыть еды, они пили кровь своих коней либо ходили голодными. Их лошади были маленькими, невзрачными и относительно небыстрыми, но зато приспособленными к жизни под открытым небом. Коню, на котором Найюр ехал сейчас, не просто требовалось зерно вместо травы; ему требовалось столько зерна, что его хватило бы на трех человек!

Безумие.

Единственным, против чего Найюр не протестовал, был распад Священного воинства – именно то, чего так боялось напыщенное дворянство. Что такое с этими айнрити? Они что, спят с собственными сестрами? Или их в детстве часто бьют по голове? Ведь чем больше войско, тем медленнее оно продвигается. Чем медленнее оно продвигается, тем больше припасов съедает. Что тут непонятного? Проблема не в том, что Священное воинство разделилось. У него просто не было другого выхода: Гедея, судя по описанию, страна бедная и малонаселенная. Проблема в том, что они разделились, ничего не обдумав, не выслав разведку, не согласовав маршруты продвижения и способы связи.

Но как заставить их понять это? Понять, что от этого согласования зависит жизнь Священного воинства. Зависит все...

Найюр сплюнул в пыль, послушал их перебранку, посмотрел, как они размахивают руками.

Важным было лишь одно: убить Анасуримбора Моэнгхуса. Вот мера всего.

«Любое унижение... Все, что угодно!»

– Лорд Ингиабан! – крикнул Найюр.

Спорщики умолкли и повернулись к нему.

– Скачите обратно к главной колонне и приведите хотя бы сотню людей. Фаним любят внезапно обрушиться на тех, кто отходит посмотреть на покойников.

Когда никто из толпящихся внизу дворян не сдвинулся с места, Найюр выругался и поскакал вниз по склону. Проюас нахмурился при его приближении, но ничего не сказал.

«Он меня испытывает».

– Меня не волнует, считаете ли вы меня наглецом, – сказал Найюр. – Я говорю только то, что должно быть сделано.

– Я съезжу, – вызвался Ксином и уже развернул было коня.

– Нет, – отрезал Найюр. – Поедет лорд Ингиабан.

Ингиабан заворчал, провел пальцами по синим воробьям, вышитым на котте, – знаку его дома – и гневно взглянул на Найюра.

– Из всех псов, которые осмеливались мочиться мне на ногу, – бросил он, – ты – единственный, кто прицелился выше колена.

Несколько придворных загоготали, а палатин Кетанейский с горечью усмехнулся.

– Но прежде чем я сменю брюки, – продолжил Ингиабан, – пожалуйста, объясни, скульвенд, почему ты решил помочиться именно на меня.

Найюра эта речь не позабавила.

– Потому что твои люди ближе всего к нам. Потому что на кон поставлена жизнь твоего принца.

Худощавый длиннолицый придворный побледнел.

– Делай, как он говорит! – крикнул Ксином.

– За собой последи, маршал! – огрызнулся Ингиабан. – Если ты играешь в бенджук с принцем, это еще не значит, что ты выше меня.

– Это значит, Ксин, – язвительно заметил лорд Гайдекки, – что ты не должен описывать его выше пояса.

Новый взрыв смеха. Ингиабан печально покачал головой. Он немного задержался, прежде чем уехать, и слегка наклонил голову, глядя на скульвенда, но трудно было сказать, то ли это знак примирения, то ли предостережения.

Воцарилось неловкое молчание. На миг группу придворных накрыла тень грифа. Пройас взглянул на небо.

– Итак, Найюр, – сказал он, щурясь от яркого солнца, – что же здесь произошло? Их превзошли числом?

Найюр хмуро посмотрел на принца.

– Их превзошли умом, а не числом.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Пройас.

– Твой кузен был глупцом. Он привык строить своих людей колонной. Они свернули в эту низинку и начали подниматься по склону, по трое-четверо в ряд. Кианцы, заставив лошадей лечь, поджидали их наверху.

– То есть они попали в засаду...

Пройас приставил руку козырьком ко лбу, вглядываясь в гребень холма.

– Ты думаешь, язычники натолкнулись на них случайно?

Найюр пожал плечами.

– Может быть. А может, и нет. Поскольку Содорас считал свой отряд передовым, то не видел нужды самому высылать разведчиков. Фаним более благоразумны. Они вполне могли отслеживать его так, что он об этом не знал, и рассчитать, что рано или поздно он подойдет сюда...

Он развернул коня и указал на раздувшихся мертвецов у самого гребня. Они выглядели до странности мирно, словно группа евнухов, вздремнувших на солнышке после купания.

– Ясно одно: фаним атаковали их, когда первые всадники поднялись на гребень, Содорас – в их числе...

– Какого черта! – не сдержался лорд Гайдекки. – Откуда ты знаешь, как...

– Кавалеристы, которые находились ниже, сломали строй и кинулись защищать лорда, да только обнаружили, что фаним заняли весь гребень. А этот склон, хоть и кажется безобидным, весьма коварен. Песок и щебень. Многих перебили стрелами в упор, когда их кони

увязли в песке. Те немногие, кому удалось добраться до вершины, все-таки доставили фаним неприятности – там куда больше пятен крови, чем мертвых тел, – но в конце концов враги одолели их численным превосходством. Прочие – человек двадцать, более здравомыслящие, но безнадежно храбрые, – поняли, что лорда уже не спасти, и отступили – во-он туда. Возможно, они намеревались заманить фаним вниз и хоть немного отыграться.

Найюр взглянул на Гайдекки, проверяя, осмелится ли дерзкий придворный оспорить его слова. Но тот, как и все прочие, разглядывал, как и где лежат мертвецы.

– Кианцы, – продолжал Найюр, – остались на гребне... Я думаю, они пытались спровоцировать уцелевших, осквернив труп Содораса – вон там кого-то выпотрошили. Затем они попытались сократить численность противника путем обстрела. Айнрити, сражавшиеся на гребне, должно быть, изрядно подорвали их силы, и даже на короткой дистанции стрелы не принесли особого результата. В какой-то момент фаним начали стрелять по лошадям – хотя обычно они этого не делают. Что, кстати, стоит запомнить... Как только люди Содораса оказались спешены, кианцы просто затоптали их.

Война. Он почувствовал, как волосы на загривке встают дыбом...

– Они обообрали убитых, – добавил он, – и ускакали на юго-запад.

Найюр вытер ладони об штаны. Лорды поверили ему – это было ясно по ошеломленному молчанию. Прежде это место было упреком и грозным знаменем, но теперь... Тайна делает все колоссальным. Знание умаляет.

– Сейен милостивый! – внезапно воскликнул Гайдекки. – Он читает мертвых, словно рукопись!

Пройас нахмурился:

– Не богохульствуйте, пожалуйста, господин палатин.

Он потерял аккуратную бородку; взгляд его снова метнулся к мертвецам. Казалось, будто он вот-вот кивнет своим мыслям. Затем он спокойно взглянул на Найюра.

– Сколько?

– Фаним? – Скульвенд пожал плечами. – Шестьдесят. Может, семьдесят. Не больше. Легковооруженные всадники.

– А Саубон? Значит ли это, что он окружен?

Найюр ответил ему таким же спокойным взглядом:

– Когда пеший воюет против конного, он всегда окружен.

– Так, значит, этот ублюдок может все еще быть жив, – произнес Пройас; одышка выдавала легкую дрожь в его голосе.

Священное воинство могло пережить потерю одного народа, но чтобы троих сразу... Безрассудным маневром Саубон поставил на карту не только собственную жизнь, а намного больше – потому-то Пройас, невзирая на протесты Конфаса, приказал своим людям выступать. Быть может, четыре народа смогут одержать верх там, где это будет не под силу троим.

– Судя по тому, что нам известно, – сказал Ксином, – не исключено, что этот галеотский ублюдок прав. Он может промчаться через всю Гедею и загнать Скаура в море.

– Нет, – возразил Найюр. – Он в большой опасности... Скаур собрал силы в Гедее. Он ждет вас со всем своим войском.

– Откуда ты знаешь?! – воскликнул Гайдекки.

– Оттуда, что фаним, перебившие ваших родичей, сильно рисковали.

Пройас, прищурившись, кивнул. Он предчувствовал недоброе.

– Они напали на крупный, хорошо вооруженный отряд. Это означает, что им было приказано – строго-настрого приказано – не допускать сообщения между отдельными частями войска.

Найюр склонил голову в знак почтения – не к этому человеку, а к правде. Наконец-то Нерсей Проиас начал понимать. Скаур наблюдает за ними; он стал изучать Священное воинство задолго до того, как оно вышло из Момемна. Он знает его слабости...

Знание. Все сводится к знанию. Моэнгхус научил его этому.

– Война – это ум, – сказал скульвендский вождь. – Если ты и твои люди будете поступать так, как подсказывает сердце, вы обречены.

– Акирейя им Вал! – грянула тысяча галеотских глоток. – Акирейя им Вал па Валса!

Хвала Богу. Хвала Богу Богов.

Вырванный из своих мечтаний, Коифус Саубон взглянул на огромную беспорядочную колонну – его войско, – пытаясь разглядеть там Куссалта, конюха, отправившегося навстречу разведчикам. Он грыз мозолистые костяшки пальцев – как всегда, когда его терзало беспокойство. «Пожалуйста, – подумал он. – Ну пожалуйста...»

Но Куссалта не было видно.

Стащив шлем и подшлемник, Саубон провел рукой по коротко стриженным белокурым волосам, выжимая пот, упорно заливавший ему глаза. Принц стоял на скале, выходящей на небольшую, но очень быструю речку, не отмеченную ни на одной карте. К счастью, речку, хоть и не без труда, можно было перейти вброд. Она уже забрала четыре повозки и одну жизнь, не считая нескольких часов драгоценного времени; в долине за бродом скапливалось все больше и больше людей и обозных телег. На противоположном берегу воины и обслуга отряхивались от воды, а затем расходились по сторонам; некоторые шли вдоль берега, чтобы наполнить мехи водой или, как мрачно отметил Саубон, половить рыбу. Другие с трудом брели дальше; лица их были отупелыми от усталости; с пик и копий свисали узелки с пожитками.

На юге громоздились высокие горные гряды, мешали разглядеть, что там за ними, и ограничивали обзор речной долиной, открывая лишь смутные контуры того, что впереди. А там, за холмами, он видел широкую равнину, уходящую до самого горизонта. Равнина Менгедда. Великая равнина Битвы из легенд.

Что-то сдавило принцу грудь. Он подумал о своем старшем кузене, Тарцилке, чьи кости рассыпались в прах вместе с костями Кальмемуниса и Священного воинства простецов где-то среди тех далеких трав. Он подумал о князе Келлхусе...

«Эта земля моя... Она принадлежит мне! Должна принадлежать!»

Они шли целую неделю, через Врата Юга, а затем по разрушенной кенейской дороге, которая внезапно уткнулась в ущелье и там оборвалась. Там они с Готьелком – упрямый старый ублюдок! – поссорились, да так, что дело едва не дошло до кулаков, – поссорились из-за того, по какому маршруту им двигаться дальше. Драгоценностью Гедеи, если можно так сказать, был город Хиннерет на юго-востоке Менеанорского побережья. Саубон, конечно же, хотел заполучить этот город себе, а кроме того, Священному воинству необходимо было обезопасить фланги, если оно собиралось и дальше продвигаться на юг. Однако же, по мнению великого Хоги Готьелка, Гедею следовало просто пересечь, а не завоевывать. Этот дурак думал, будто земли, отделяющие Священное воинство от Шайме, не более чем дорожные столбы на пути скорохода. Они орали друг на друга до поздней ночи, Готиан пытался найти решение, которое устроило бы всех, а Скайельт кивал из своего угла, время от времени делая вид, будто слушает переводчика. В конце концов они решили идти разными дорогами. Готиан, получивший, подобно всем нансурским кастовым дворянам, полноценное военное образование, решил продолжать двигаться на Хиннерет – он, по крайней мере, не дурак. Что решил Скайельт, никто не знал до следующего дня, когда он рванул на юг вместе с Готьелком и его тидонцами.

«Ну и скатертью дорога», – подумал Саубон.

Тогда он все еще верил, что Скаур уступил Гедею.

«Поход... – сказал князь Атритау той ночью в горах. – Блудница-Судьба будет благосклонна к вам. Но вы должны позаботиться о том, чтобы шрайские рыцари были наказаны».

Никогда в жизни Саубон не размышлял так долго над столь малым количеством слов. Казалось, будто они прозвучали точно в срок. Но, подобно жутковатым древним изваяниям нелюдей, которые выглядели то благожелательными, то злобными, то божественными, то демоническими, смотря с какой стороны на них взглянуть, значение этих слов изменялось с каждым прошедшим днем. Действительно ли принц Келлхус подтвердил то, во что верил Саубон? Да, конечно, боги дали свои заверения и, как истинные скряги, назвали условия. Но они ничего не сказали насчет того, что Скаур оставил Гедею. Скорее уж намекнули на обратное...

Битва. Они намекали на битву. Как еще он может наказать шрайских рыцарей?

– Акирейя им Вал! Акирейя им Вал!

Саубон посмотрел вниз, затем снова перевел взгляд на равнину Битвы. Плоская, темно-синяя, она больше походила на океан, чем на земной простор, и казалось, будто она способна поглотить целые народы.

Скаур не отказался от Гедеи. Саубон чувствовал это. Понимание, появившееся после ссоры с Готьелком, наполнило Саубона ужасом – таким сильным, что он сперва даже лишился самообладания. Он же получил заверения богов – самих богов! Так какое имеет значение, отправился он вместе с Готьелком или нет? Блудница-Судьба благосклонна к нему. Гедея падет!

Так он говорил себе.

А потом внутренний голос прошептал: «Возможно, князь Келлхус – мошенник...»

Этот мир так безумен – так извращен! – что одна-единственная мысль, одно-единственное движение души способно все перевернуть. Он понимал, что бросил кости – поставил на кон жизни тысяч людей! А может, и судьбу всего Священного воинства.

Одна-единственная мысль... Так хрупко равновесие между душой и миром.

Страх обуял его, угрожая отчаянием. Ночью Саубон тайком плакал у себя в шатре. Почему все так? Почему боги постоянно насмеваются над ним, срывают его замыслы, унижают его? Сперва само рождение – душа первенца в теле седьмого сына! Потом отец, который наказывал его совершенно ни за что, бил, потому что видел в сыне свой огонь, свое хитроумие! Потом войны с нансурцами, несколько лет назад... Считанные мили! Они подошли так близко, что он уже чувствовал дым Момемна! А в результате его сокрушил Икурей Конфас – его превзошел этот сопляк!

И вот теперь...

Почему? Почему боги его дурят? Разве он не ухаживал за их прекрасными статуями, разве не удовлетворял их отвратительную жажду крови?

А вчера Атьеаури и Ванхайл, которых Саубон отправил на разведку, заметили большие отряды фаним.

– Многоцветные, в тонких, развевающихся одеждах, – рассказывал Ванхайл, граф Куригладский, на вечернем совете.

Несмотря на то что они были близки по возрасту и даже внешне похожи, Ванхайл всегда казался Саубону одним из тех людей, которые волей случая рождаются далеко от их естественного состояния: трактирный шут в нарядах кастового дворянина.

– Даже хуже айнонов... Отряд каких-то гребаных плясунов!

Ему ответил взрыв смеха.

– Но быстрые, – добавил Атьеаури, не отрывая глаз от огня. – Очень быстрые.

Когда он перевел взгляд на окружающих, лицо его было сурово, и глаза под длинными ресницами глядели строго.

– Когда мы погнались за ними, они с легкостью ушли от погони...

Он сделал паузу, чтобы значение его слов дошло до присутствующих на совете графов и танов.

– А лучники! Я в жизни не видел ничего подобного! Они умудряются пускать стрелы на полном скаку – стрелять в преследователей.

На предводителей войска это сообщение впечатления не произвело: айнритийские кастовые дворяне, что норсирайцы, что кетьянци, считали стрельбу из лука вульгарным и недостойным мужчины занятием. Что же касалось самих стрелков, общее мнение гласило, что они особого значения не имеют.

– Конечно, они тайком следили за нами! – заявил Ванхайл. – Удивительно только, что мы до сих пор не замечали их шутов-застрельщиков.

Даже Готиан согласился с ним, хотя в основном приличия ради.

– Если бы Скаур хотел бороться за Гедю, – сказал он, – он бы защищал перевалы, так?

И только Атьеаури остался при своем мнении. Немного позже он оттащил Саубона в сторону и прошипел:

– Дядя, здесь что-то не так!

Что-то действительно было не так, хотя тогда Саубон ничего не сказал. Он давно уже научился воздерживаться от резких суждений в обществе своих военачальников – особенно в тех ситуациях, когда его главенство легко было оспорить. Хоть он и мог рассчитывать на многих, в основном на родичей или ветеранов его предыдущих кампаний, на самом деле он был лишь номинальным главой галеотского войска, и это прекрасно понимали многочисленные дворяне, постоянно отправляющиеся в холмы поохотиться. Разница между графом и безземельным принцем была сугубо протокольной; складывалось впечатление, будто всем приказам Саубона нужно преодолевать море гордыни и прихотей.

Поэтому он притворялся, будто размышляет, скрывая уверенность, что легла на его плечи тяжелым грузом. Скрывая правду.

Они были одни, сорок-пятьдесят тысяч галеотов и примерно девять тысяч шрайских рыцарей, не говоря уже о бесчисленных тысячах тех людей, что тащились за войском, – одни во враждебной стране, в когтях безжалостного, хитроумного и решительного врага. Готьелк с его тидонцами ушел. Пройас и Конфас остались у Асгилиоха. Враг намного превосходил их численностью, если оценка сил Скаура, которую давал Конфас, была верной – а Готиан настаивал на том, что она верна. У них не было ни реальной дисциплины, ни реального вождя. И у них не было колдунов. Не было Багряных Шпилей.

«Но он сказал, что Блудница-Судьба будет благосклонна ко мне... Он так сказал!»

Саубона озадачил хор голосов, по-прежнему гремевший вниз. «Акирейя им Вал!» Обычно подобное переплетение выкриков, скандирования и гимнов было характерно для войска на марше. Это возбуждало солдат. Саубон снова принялся вглядываться в запыленную плотную толпу, пытаясь отыскать своего конюха. Ну где же Куссалт...

«Пожалуйста...»

А, вот! Скачет вместе с небольшим отрядом всадников. У Саубона вырвался прерывистый вздох. Он смотрел, как отряд пробирается сквозь строй тяжеловооруженных кавалеристов – агмундрменов, если судить по каплевидным щитам, – и начинает взбираться по каменистому склону туда, где стоит Саубон. Охватившее его облегчение быстро испарилось. Он увидел, что у всадников при себе копыя. А на копыя насажено несколько голов.

– Акирейя им Вал па Валса!

Саубон стиснул кулак и ударил себя по бедру, обтянутому кольчужной сеткой. Он надавил на глаза, пытаясь прогнать навязчивое видение – образ князя Келлхуса.

«Никто не знает тебя...»

Копья! Они несут копыя... Традиционный знак, который используют галеотские рыцари, чтобы предупредить командиров о надвигающейся битве.

– От Атьеаури? – крикнул принц, когда конь Куссалта добрался до гребня.

Старый конюх нахмурился, словно бы говоря: «А от кого же еще?» Все в нем было тусклым – кольчуга, древний, покрытый зарубками шлем, даже Красный Лев на синем фоне, нашитый на его котту, знак принадлежности к дому Коифуса. Тусклым и опасным. Куссалта абсолютно не волновало, как он выглядит, и это придавало ему особую внушительность. Саубон никогда не встречал человека, у которого был бы столь безжалостный взгляд, как у Куссалта, – не считая князя Келлхуса.

– Что он говорит? – крикнул Саубон.

Старый конюх отшвырнул копье и натянул поводья, останавливая коня. Саубон с трудом поймал копье. На нем красовалась отрубленная голова. Бескровная темная кожа, сухая, словно долго пролежавшая на солнце. Бородка, заплетенная в косички. Мертвый кианский вельможа. Но даже сейчас казалось, будто он продолжает глядеть на Саубона из-под тяжелых век.

Его враг.

– «Война и яблоки», – сказал Куссалт. – Он сказал: «Война и яблоки».

«Яблоками» галеоты называли отрубленные головы. Наставник когда-то сказал Саубону, что во время оно галеоты вываривали и набивали их, как до сих пор поступают туньеры.

Остальные с топотом неслись к Саубону, приветствуя его на ходу. Готиан со своим заместителем, Сарцеллом. Анфириг, граф Гесиндальский с конюхом. Несколько танов, представителей разных домов. Четверо-пятеро безбородых юнцов, готовых разносить послания. И на всех лицах читалось нечто среднее между отчаянием и злобой.

Последовавший спор был наиболее ожесточенным из всех после ухода Готьелка. Видимо, Атьеаури и Ванхайл с раннего утра вели бои. Куссалт сказал, что Атьеаури уверен, будто войска Скаура собраны где-то неподалеку, скорее всего – на равнине Менгедда.

– Он думает, что сапатишах пытается замедлить наше продвижение, натравливая на войско мелкие отряды, чтобы не пустить нас на равнину Битвы, пока он не будет готов к встрече.

Но Готиан не согласился с ним и принялся настаивать, что Скаур уже давным-давно готов и на самом деле заманивает их.

– Он знает, что ваши люди безрассудны и неосторожны, что предвкушение битвы заставит их мчаться вперед.

Когда Анфириг и прочие запротестовали, великий магистр начал хрипло выкрикивать: «Разве вы не понимаете? Не понимаете?» – и кричал, пока все, включая Саубона, не умолкли.

– Он хочет как можно скорее втянуть вас в бой при благоприятных для него обстоятельствах! Как можно скорее!

– И что? – надменно спросил Анфириг.

Готиан постоянно твердил о хитрости и свирепости фаним. И в результате многие галеоты решили, что он трус и боится язычников. Но Саубон знал, что на самом деле шрайский рыцарь боится опрометчивости своих союзников-норсирайцев.

– Он, скорее всего, знает нечто такое, чего не знаем мы! Что-то такое, из-за чего ему надо побыстрее с нами покончить!

От этих слов Саубону сделалось нечем дышать.

– Если вся Гедея – одна сплошная пересеченная местность, – ошеломленно проговорил он, – значит, равнина Битвы – самый быстрый способ пересечь ее...

Принц взглянул на Готиана. Тот осторожно кивнул.

– И что... – начал было Анфириг.

– Думай! – воскликнул Саубон. – Думай, Анфи, думай! Готьелк! Если Готьелк хочет пройти через Гедею как можно быстрее, какой путь он выберет?

Граф Гесиндальский не был дураком, но и гением тоже не был. Он опустил седеющую голову, задумался, потом произнес:

– Ты хочешь сказать, что он близко, что тидонцы и туньеры все это время двигались параллельным курсом, направляясь, как и мы, к равнине Битвы...

Когда он поднял голову, в глазах его светилось скупое восхищение. Саубон знал, что для Анфирига, близкого друга его старшего брата, он всегда оставался мальчишкой, которого весело было дразнить в детстве.

– Ты думаешь, сапатишах пытается помешать нам объединиться с Готьелком?

– Именно, – отозвался Саубон.

Он снова взглянул на Готиана, осознав, что великий магистр попросту подарил ему это озарение. «Он хочет, чтобы я возглавлял войско. Он мне доверяет».

Но ведь Готиан не знает его. Никто его не знает. Никто...

«Опять эти мысли!»

Тидонцы составляли самую большую, если не считать айнонов, часть Священного воинства – около семидесяти тысяч человек. Добавить к этому двадцать тысяч головорезов Скайельта, и получится... Да это же величайшее норсирайское войско, какое только собиралось после падения Древнего Севера!

«Ах, Скаур, мой языческий друг...»

Внезапно отрубленная голова на копье перестала выглядеть укором, знаком нависшего над ними рока. Теперь она казалась сигналом, дымом, обещающим священный огонь. Саубон с непостижимой уверенностью вдруг осознал, что Скаур боится...

Так и надо.

Все заблуждения исчезли, и прежний азарт заструился по жилам, подобно вину; для Саубона это ощущение всегда было неразрывно связано с Гильгаоалом, Одноглазой Войной.

«Блудница-Судьба будет благосклонна к тебе».

Саубон вернул копье с насаженным на него неприятным трофеем обратно Куссалту, затем принялся выкрикивать приказы – отослал множество гонцов, чтобы сообщить Атьеаури и Ванхайлу о сложившейся ситуации, поручил Анфиригу поиски Готьелка, велел Готиану рассредоточить рыцарей по всей колонне для усиления дисциплины.

– До тех пор пока не объединимся с Готьелком, мы останемся в холмах, – объявил принц. – Если Скаур хочет познакомиться с нами поближе, пускай бьется пешим или ломает шеи!

Потом вдруг оказалось, что рядом с ним остался только Куссалт; в ушах у принца гудело, лицо горело.

Вот оно, – понял Саубон. Началось. После долгих лет война слов наконец-то закончилась, и началась подлинная война. Другие, как тот же Проиас, говоря о Священной войне, выделяли голосом слово «священная». Другие, но не Саубон. Его интересовала «война». Во всяком случае, так он себе говорил.

Это не только произошло – это произошло именно так, как предсказывал князь Келлхус.

«Никто не знает тебя. Никто».

Он взглянул вслед удаляющимся Готиану и Сарцеллу. И вдруг у него остановилось сердце при мысли о том, что ими придется пожертвовать, как того потребовал князь Келлхус – или боги.

«Накажи их. Ты должен позаботиться о том, чтобы шрайские рыцари были наказаны».

Что-то сдавило Саубону горло, и Гильгаоал покинул его.

– Что-то не так, милорд? – поинтересовался Куссалт.

Этот человек с какой-то сверхъестественной проницательностью угадывал его настроение. Но, впрочем, он ведь всегда был рядом с принцем. Первое детское воспоминание Сау-

бона: Куссалт прижимает его к себе и мчится по коридорам Мораора. Это случилось, когда малолетнего принца ужалила пчела и он едва не задохнулся.

Саубон сам не заметил, как снова принялся грызть костяшки пальцев.

– Куссалт!

– Что?

Саубон заколебался и поймал себя на том, что смотрит на юг, в сторону равнины Битвы.

– Мне нужен экземпляр «Трактата»... Мне нужно найти... кое-что.

– Что именно? – спросил старый конюх; в голосе его звучало потрясение, смешанное с какой-то странной нежностью...

Саубон гневно взглянул на него.

– Какое тебе дело...

– Я спрашиваю потому, что всегда ношу «Трактат» при себе... – Куссалт приложил обветренную руку к груди, ладонью к сердцу. – Вот здесь.

Он выучил его наизусть, понял Саубон. Это потрясло его до глубины души. Он всегда знал, что Куссалт благочестив, и все же...

– Куссалт... – начал было принц и умолк, не зная, что сказать.

Неумолимые глаза моргнули, и ничего более.

– Мне нужно... – набрался храбрости Саубон. – Мне нужно знать, что Последний Пророк говорит о... о жертве.

Кустистые белые брови конюха сошлись к переносице.

– Много что. Очень много... Я не понимаю.

– Если боги требуют... Надлежит ли приносить жертву, если того требуют боги?

– Нет, – ответил Куссалт, продолжая хмуриться.

Почему-то ответ конюха, быстрый и уверенный, рассердил Саубона. Да что может знать этот старый дурак?

– Вы мне не верите, – произнес Куссалт; голос его был хриплым от усталости. – Но в том и слава Айнри Сейе...

– Хватит! – резко оборвал его Саубон.

Он взглянул на отрубленную голову и заметил за обмякшими, разбитыми губами блеск золотого зуба. Так вот он каков, их враг... Вытащив меч, он одним ударом сшиб голову с копья, выбив древко из рук Куссалта.

– Я верю в то, что мне нужно, – сказал принц.

Глава 6. Равнина Менгедда

«Древние говорили, что один колдун стоит тысячи воинов в битве и десяти тысяч грешников в аду».

Друз Ахкеймион, «Компендиум Первой Священной войны»

«Когда щиты становятся костылями, а мечи – посохами, сердца многих охватывает смятение. Когда жены становятся добычей, а враги – танами, всякая надежда иссякает».

Неизвестный автор, «Плач по завоеванным»

4111 год Бивня, начало лета, неподалеку от равнины Менгедда

Рассвело, и чистый воздух разорвало пронзительное пение галеотских и тидонских труб.

Призыв к битве.

Вопреки всем стараниям фанам, предыдущий день был ознаменован воссоединением галеотской, тидонской и туньерской армий, здесь, на холмах к северу от равнины Битвы. Помирившись, Коифус Саубон и Хога Готьелк договорились дойти до северного края равнины тем же вечером, в надежде укрепить свое преимущество. Они решили, что там их положение будет настолько прочным, насколько это вообще возможно. С северо-востока их будут прикрывать болота, а на западе они смогут уйти в холмы. Неглубокая ложбина, по которой протекал ручей, питающий болота, оказалась довольно длинной, и айнрити решили построиться в линию. Склоны были слишком пологими, чтобы сорвать атаку противника, но так язычникам придется карабкаться по грязи.

Теперь же ветер подул с востока, и люди клялись, что чувствуют запах моря. Некоторые удивленно смотрели на землю у себя под ногами. Они спрашивали у других, спокойно ли тем спалось и не раздавался ли негромкий шум, похожий на шипение воды во время отлива.

Великие графы Среднего Севера собирали вассалов со свитами. Мажордомы объявляли приказы, стараясь перекрыть царящий повсюду гам. В воздухе звенели радостные кличи, и смех, и раскатистый топот копыт – это отряды рыцарей помоложе, уже подвыпивших, устремились на юг, желая оказаться в числе тех, кто первым увидит язычников. Кружа по коврам смятой, истоптанной травы, тысячи людей готовились к битве. Жены и наложницы обнимали своих мужчин. Шрайские жрецы проводили службы и для воинов, и для обслуги, сопровождающей войско. Тысячи людей становились на колени, бормотали молитвы, касались губами по-утреннему прохладной земли. Священники разнообразных культов нараспев произносили слова древних ритуалов, умащивали идолов кровью и дорогими маслами. Гильгаоалу принесли в жертву ястребов. В костры Темного Охотника, Хузьельта, полетели ноги разделанной антилопы.

Прорицатели кинули кости. Хирурги положили ножи калиться и собирали инструменты.

Солнце решительно поднялось над горизонтом, залив всю эту суматоху золотистым светом. Ветерок вяло теребил знамена. Тяжеловооруженные всадники сбивались в кучи и старались найти себе место в строю. То и дело по лагерю проезжали конные отряды; доспехи сверкали, на щитах красовались грозные гербы и изображения Бивня.

Внезапно со стороны тех, кто уже выстроился вдоль ложбины, донеслись крики.казалось, будто весь горизонт пришел в движение, мерцая так, словно его посыпали металлическими опилками. Язычники. Кианские гранды Гедее и Шайгека.

Рассыпая ругательства и выкрикивая команды, графы и таны Среднего Севера кое-как расставили людей вдоль северного края ложбины. Ручей уже превратился в черную илистую

лужу, усеянную глубокими отпечатками копыт. На южном краю ложбины стояли пехотинцы, а перед ними толпились кучками айнритийские рыцари. Потом слышались испуганные возгласы – солдаты начали натекать в траве на кости, поверх которых еще сохранились ошметки сгнившей кожи или ткани. Останки предыдущего Священного воинства.

Звучало множество гимнов, особенно среди пехотинцев, но потом их заглушил мерный ритм победной песни. Вскоре ее уже подхватил многотысячный хор. Всадники отмечали рефрены громкими возгласами. И даже кастовые дворяне, уже выстроившиеся длинными рядами, запели:

Война из наших смотрит глаз,
Нам тяжек ратный труд,
Но если битвы день угас,
Наш отдых боги чтут!

Эта песня была древней, как сам Север, – песня из «Саг». И когда айнрити запели ее вслух, то ощутили, как на них хлынула слава их прошлого, хлынула и связала воедино. Тысяча голосов и одна песня. Тысяча лет и одна песня! Никогда еще они не чувствовали себя так уверенно. Многих слова этой песни поразили, будто откровение. По загорелым щекам текли слезы. Войско воодушевилось; люди принялись бессвязно орать и потрясать оружием. Они стали единым целым.

Но если битвы день угас,
Наш отдых боги чтут!

Кианцы же, используя рассвет в качестве прикрытия, мчались им навстречу. Они были народом жаркого солнца, а не пасмурных небес и мрачных лесов, как норсирайцы, и казалось, будто солнце благословляет их своим великолепием. Его лучи сверкали на посеребренных шлемах. Шелковые рукава мерцали, превращая строй кианцев в разноцветную линию. А из-за строя неся рокот барабанов.

А айнрити все пели:

Но если битвы день угас,
Наш отдых боги чтут!

Саубон, Готьелк и прочие высокородные дворяне собрались для последнего краткого совещания, перед тем как разъехаться по местам. Несмотря на все их усилия, строй получился неровным, болезненно мелким в одних местах и бессмысленно глубоким в других. Между вассалами разных лордов вспыхивали споры. Некогого тана по имени Тронда, вассала Анфирига, пришлось усмирить, потому что он пытался заколоть ножом человека, равного ему по статусу. Но все же песня звучала так громко, что некоторые хватались за грудь, опасаясь, как бы не выскочило сердце.

Война из наших смотрит глаз,
Нам тяжек ратный труд.

Кианцы подъехали ближе, расходясь веером по серо-зеленой равнине, – бесчисленные тысячи всадников; казалось, их куда больше, чем предполагали военачальники айнрити. Грохот барабанов разносился над равниной, пульсируя, словно океанский прибой. Галеотские лучники, по большей части – агмундрмены из северных болот, вскинули луки и выпу-

стили залп. На миг небо словно покрылось соломенной крышей, и навстречу приближающейся лаве язычников метнулась разрезанная тень – но без особого эффекта. Фаним были уже близко, и теперь айнрити видели полированную кость их луков, железные наконечники копий, одеяния с широкими рукавами, реющими на ветру.

И они пели, благочестивые рыцари Бивня, голубоглазые воины Галеота, Се Тидонна и Туньера. Они пели, и воздух дрожал, как будто над ними вместо неба был каменный свод.

Но если битвы день угас,
Наш отдых боги чтут!

С криком «Хвала Богу!» Атьеаури и его таны бросились прочь из строя, припав к шеем коней и постепенно опуская копы. Все больше и больше домов оставляли строй и мчались навстречу кианцам – Ванхайд, Анфириг, Вериджен Великодушный, сам Готьелк, – выкрикивая: «Так хочет Бог!» Дом за домом срывался с места, словно лавина, до тех пор, пока почти вся мощь Среднего Севера не понеслась навстречу врагу. «Вон они!» – кричали пехотинцы, завидев Красного Льва Саубона или Черного Оленя Готьелка.

Могучие боевые кони перешли с рыси на медленный галоп. Прятавшиеся в траве дрозды разлетелись из-под копыт, лихорадочно хлопая крыльями. Осталось лишь дыхание, лязг железа да стук копыт, впереди, сзади, по сторонам. А затем, словно туча саранчи, в ряды айнрити ворвались стрелы. Поднялся чудовищный шум, где смешалось пронзительное ржание и потрясенные возгласы. Боевые кони валились на землю и молотили ногами, роняя всадников, ломая им спины, дробя ноги.

Затем безумие схлынуло. Остался лишь чистый грохот конной атаки. Удивительный дух товарищества устремленных к единой, роковой цели людей. Пригорки, кустарник и кости солдат из Священного воинства простецов остались позади. Ветер проникал между кольцами кольчуг, трепал косы туньеров и гребни на шлемах тидонцев. Яркие знамена реяли на фоне неба. Язычники, свирепые и отвратительные, приближались. Налетел последний шквал пущенных почти горизонтально стрел, пробивающих щиты и доспехи. Некоторых просто вышибло из седла. Многие при падении прикусывали языки. Упавшие корчились на земле и кричали. Раненые кони, все в мыле, металась, не разбирая дороги. Остальные продолжали нестись вперед, по траве, по пяточкам цветущего молочая, покачивавшегося на ветру. Они взяли копы наперевес, двадцать тысяч человек, облаченных в длинные кольчуги поверх плотных акитонов, в шлемах с забралами, на боевых конях. Страх растворился в одуряющей скорости и смешался с радостным возбуждением. Они были пьяны этой атакой, Люди Бивня. Мир сжался до сверкающего наконечника копы. Цель все ближе, ближе...

Песня их родичей потонула в топоте копыт и рокоте барабанов. Они проломили через тонкую стену сумаха... увидели глаза, побелевшие от внезапного ужаса.

Удар. Расщепившееся дерево. Копья, пронзающие щиты и доспехи. Земля под ногами вдруг сделалась твердой и неподвижной, а воздух наполнился криками. Все повыхватывали мечи и топоры. Повсюду, куда ни глянь, сцепились между собою враги. Кони поднимались на дыбы. Из рассеченных тел била кровь.

И кианцы падали, погубленные своей свирепостью, сокрушенные руками северян, умирали перед белыми лицами и безжалостными голубыми глазами. Язычники вырвались из бойни – и побежали.

Галеоты, тидонцы и туньеры с победными воплями ринулись следом. Но шрайские рыцари придержали коней; казалось, они впали в замешательство.

Рыцари айнрити мчались изо всех сил, но фаним обогнали их и принялись забрасывать стрелами прямо на скаку. Внезапно они растворились в наступающей волне более тяжелых кавалеристов. Два строя с грохотом налетели друг на друга. На несколько мгновений воца-

рился ад. Оранжево-черное знамя графа Хагаронда Юсгальского исчезло в этой кутерьме, и сам галеотский лорд рухнул на землю бездыханным. Удар копья в горло снес Маггу, кузена Скайельта, с коня. Завертелся водоворот смерти. Сам Готьелк был повержен, и яростные вопли его сыновей перекрыли шум боя. Улюлюканье фаним достигло пика...

Но война – тяжелая работа, и железные люди били врагов, раскалывали черепа сквозь шлемы, разбивали деревянные щиты и ломали руки, державшие эти щиты. Ялгрота Гибель Шранков одним ударом снес голову коню какого-то язычника и принялся вышибать фанимских грандов из седел, словно малых детей. Вериджен Великодушный, граф Плайдеольский, собрал вокруг себя тидонцев и рассеял язычников, сваливших Готьелка. Туньер Гокен Рыжий, граф Керн Авглаи, оставшись без коня, пробился обратно к своему знамени, вокруг которого кипела битва, по дороге кроша людей и лошадей. Никогда еще кианцам не приходилось сталкиваться с такими людьми, с такой яростной решимостью. Смуглолицые язычники выли от боли, валяясь на земле. Ястребиные глаза наполнились страхом.

Мгновение передышки.

Челядь оттащила раненых лордов в более-менее безопасные места. Кинней, граф Агмундский, раненный в руку, устроил выволочку своим людям, пытавшимся увести его прочь. Отрейн, граф Нумайнейри, со слезами взял старинное знамя их рода из мертвых рук сына и воздел его над головой. Принц Саубон орал, чтобы ему привели другого коня. Там, где они прошли всего несколько мгновений назад, валялись раненые и искалеченные. Но куда больше было тех, кто ликовал, кого охватило безумие битвы, сквозь чьи сердца сейчас скакал жестокий Гильгаоал.

Враги были повсюду – впереди, сзади, с флангов. Гранды Гедеи и Шайгека, великолепные в своих шелковых халатах и позолоченных доспехах, снова атаковали железных людей.

Окруженные со всех сторон, Люди Бивня умирали. Их били копьями в спину. Стаскивали крючьями с седел и затапывали лошадьми. Протыкали их кольчуги чеканами. Закидывали стрелами великолепных боевых коней. Умиравшие звали жен и богов. Из общего шума то и дело выделялись знакомые голоса. Кузен. Друг. Пронзительный вскрик брата или отца. Темно-красное знамя Котвы, графа Гаэтунского, упало, появилось снова, а потом сгнуло навеки, вместе с Котвой и пятью сотнями тидонцев. Черный Олень Агансанора тоже был повержен и втоптан в грязь. Люди Готьелка пытались спасти своего раненого графа, но были перебиты кианскими кавалеристами. Лишь неистовая атака сыновей спасла Готьелка, но при этом старший из них, Готерас, получил серьезную рану в бедро.

Сквозь шум графы и таны Среднего Севера слышали пронзительное пение труб, командующих отход, но отходить было некуда. Вокруг тучами клубились язычники, осыпая Людей Бивня стрелами, наскакивая на них с флангов, подавляя попытки контратак. Куда ни глянь, повсюду вились шелковые знамена фаним, шитые золотом, с изображениями странных животных. И нескончаемый, сверхъестественный рокот барабанов, отбивающих ритм смерти.

А затем вдруг произошло невероятное: отряды фаним, перекрывавших путь к отступлению, разметало по сторонам, и на их месте возник строй облаченных в белое шрайских рыцарей, выкрикивавших: «Бегите, братья! Бегите!»

Охваченные паникой рыцари пустились скакать, бежать или ковылять вместе со своими соотечественниками. Окровавленные отряды спускались в ложбину. Шрайские рыцари продержались еще несколько мгновений, потом развернулись и поскакали прочь, а за ними гнались язычники – лавина копий, щитов, темнокожих лиц и взмыленных лошадей, море, раскинувшееся от одного края горизонта до другого. Сотни раненых, тащившихся по равнине Битвы, были зарублены на расстоянии броска копья от строя. Люди Бивня ничего не могли поделать и лишь в ужасе смотрели на это. Их песня была мертва. Они слышали лишь барабаны, которые грохотали, грохотали, грохотали...

Вокруг были только язычники и смерть.

– Мы их одолели! Одолели! – выкрикнул Саубон, сплевывая кровь.

Готиан схватил его за плечи.

– Никого ты не одолел, идиот! Никого! Ты знаешь правило! Рассеял их – вернись в строй!

Миновав жидкую грязь, в которую превратился ручей, и пробившись сквозь шеренги воинов, Готиан отправился искать галеотского принца – а вместо него нашел буйного умалишенного.

– Но мы же их одолели! – воскликнул Саубон.

Раздался громкий крик, и Готиан непроизвольно вскинул щит.

Саубон продолжал бредить и буйствовать.

– Мы разбили их, как детей, прежде...

Послышался звук, напоминающий стук града по медной крыше. Новые крики.

– ...как детей! Мы им всыпали!

Из груди галеота торчало древко языческой стрелы. На мгновение великий магистр подумал, что принц тяжело ранен, но Саубон просто взялся за стрелу и выдернул ее. Она пробила кольчугу, но увязла в акитоне.

– Мы их одолели, так их растак! – продолжал орать Саубон.

Готиан снова схватил его и хорошенько встряхнул.

– Послушай! – крикнул он. – Они хотят, чтобы ты так думал! Кианцы слишком хитры, слишком гибки и неистовы, чтобы их было так просто одолеть. Надо, атакуя, пустить им кровь, а не рассеять их!

Саубон тупо взглянул на великого магистра.

– Я погубил всех нас...

– Да возмись же за ум! – взревел Готиан. – Мы – не такие, как язычники. Мы твердые, но ломкие. Это нас одолели! Готьелк из игры выбыл. Он ранен – возможно, смертельно! Теперь ты должен возглавить войско!

– Да... возглавить...

Внезапно глаза Саубона засияли, будто внутри у него развели костер, прибавивший ему бодрости.

– «Блудница-Судьба будет благосклонна к тебе!» – воскликнул принц. – Именно так он и сказал!

Сбитый с толку Готиан молча глядел на него.

Коирус Саубон, принц Галеота, седьмой сын Эрьеата, старого черта, снова заорал, требуя коня.

...Волны фанимских копейщиков, бессчетные тысячи язычников налетели на строй айнрити – и остановились. Галеотские и тидонские пикинеры вспарывали животы их лошадям. Татуированные нангаэлы из северных болот Се Тидонна забивали дубинками тех, кто валился в грязь. Агмундрмены натягивали свои смертоносные тисовые луки и прошивали стрелами щиты и доспехи. Когда фаним начали отступать, авгулишмены из глухих лесов Туньера выскочили из строя и метали вдогонку язычникам свои топоры, жужжащие на лету, словно стрекозы.

Тогда вдоль ложбины, параллельно строю айнрити, принялись носиться отряды фаним в кожаных доспехах, осыпая противника стрелами и ядовитыми насмешками и швыряя в солдат головами их лордов, убитых в первой схватке. Северяне укрылись за щитами, пережидая обстрел, а потом стали кидаться в язычников теми же самыми головами, чем повергли их в растерянность.

Вскоре фаним начали объезжать подальше некоторые места в строю айнрити – отважных гесиндальменов и куригальдеров из Галеота, угрюмых нумайнеришей и бородатых

плайдольменов из Се Тидонна; но наибольший страх им внушали соломенноволосяе туньеры, чьи огромные щиты казались каменными стенами, а двуручные секиры и палаши были способны до пояса разрубить человека в доспехах. Оставшийся без лошади великан Ялгрота Гибель Шранков стоял перед строем туньеров, выкрикивал ругательства и потрясал топором. Когда кианцы, не выдержав, бросились на него, Ялгрота со своим кланом изрубил их на кусочки.

И все же гранды Гедеи и Шайгека то и дело перебирались через ложбину и очертя голову кидались на железных людей, то на галеотов, то на тидонцев, пытаясь отыскать слабое звено. Им хватило бы один-единственный раз прорвать строй айнрити, и, понимая это, они действовали с безрассудством фанатиков. Люди со сломанными саблями, с кровоточащими ранами, даже те, у кого кишки свисали до самых колен, рвались вперед и набрасывались на норсирайцев. Но каждый раз они безнадежно увязали в грязи и рукопашной схватке, перерастающей в бойню, и в конце концов крики кианских грандов вынуждали их отойти на равнину. Люди Бивня, в свою очередь, падали на колени, плача от облегчения.

На северо-востоке, там, где строй упирался в болота, сын падираджи, наследный принц Фанайял, повел койяури, элитную тяжелую кавалерию отца, на кюрвишменов из Се Тидонна. На некоторое время воцарился хаос, и видно было, как кюрвишмены десятками удирают в болота. Палаши и сабли вспыхивали на солнце. Внезапно отряды койяури появились с другой стороны, хотя знамя Фанайяла с изображением белого коня по-прежнему оставалось у ложбины. Два младших сына Готьелка ринулись на койяури, и фанам, чья тактика ориентировалась на открытую местность, были отброшены и понесли ужасающие потери.

Воодушевленный успехом, принц Саубон собрал тех рыцарей, которые еще сохранили коней, и айнрити начали, все более и более уверенно, отвечать на нападения фанам контратаками. Они врезались друг в друга, образуя бесформенную кучу, айнрити колошматили фанам, а потом изо всех сил мчались обратно, потому что их пытались обойти с флангов. Запыхавшись, они в беспорядке вваливались в общий строй: копья поломаны, мечи иззубрены, ряды поредели. Под Саубоном убили трех лошадей. Отрейна, графа Нумайнейри, привезли обратно его слуги; граф был смертельно ранен. Вскоре он ушел вслед за сыном.

Солнце взобралось на самый верх и оттуда опалило равнину Битвы.

Графы и таны Среднего Севера и костерили кианцев, и поражались их гибкой тактике. Они с завистью глядели на великолепных лошадей, которыми их всадники-язычники управляли, казалось, одной лишь силой мысли. Они больше не насмехались над языческими грандами за то, что те искусны в обращении с луком. Многие щиты айнрити словно обросли перьями. Из кольчуг торчали сломанные древки. В лагере набралось уже несколько тысяч убитых и раненых, пострадавших именно от стрел.

Когда фанам отступили и перестроились, Люди Бивня разразились нестройными, но радостными возгласами. Многие пехотинцы, задохнувшиеся от жары, кинулись в заваленную трупами ложбину и погрузили головы в грязную, смешанную с кровью воду. Некоторые попадали на колени и затряслись от беззвучных рыданий. Рабы, жрецы, жены и проститутки сновали среди воинов, перевязывали раны, предлагали воду или пиво простым солдатам и вино знати. То тут, то там группки измученных воинов затягивали гимн. Офицеры выкрикивали приказы; сотни людей были отправлены вбивать сломанные копья, пики и просто острые обломки в склон перед строем войска.

Пролетел слух, будто язычники послали несколько крупных отрядов на север, в холмы, чтобы обойти айнрити с фланга, и там, поскольку принц Саубон это предвидел, они были полностью разгромлены благодаря доблести и искусству графа Атьеаури и его галеотских рыцарей. Войско снова разразилось радостными возгласами, и на некоторое время они даже заглушили непрекращающийся рокот барабанов фанам.

Но ликование длилось недолго. Язычники собрались под свои треугольные знамена и выстроились длинными рядами. Барабаны смолкли. На мгновение Люди Бивня слышали шорох ветра в траве и даже жужжание пчел, бесцельно летавших над мертвыми телами. Небольшой отряд всадников проехал вдоль рядов застывших фанов, и над этим отрядом реяло знамя с черным шакалом, гербом сапатишаха Скаура, правителя Шайгека. До айнрити донеслись отголоски речи, обращенной к войскам; в ответ раздались дружные вопли на неизвестном языке.

Принц Саубон заорал дурным голосом, обещая пятьдесят золотых талантов лучнику, который сумеет убить сапатишаха, и десять – тому, кто сможет его ранить. Оценив ветер, кое-кто из агмундрменов натянул луки и сделал несколько выстрелов наугад. Большинство стрел не долетело до противника, но некоторые все же преодолели расстояние, разделявшее два войска. Всадники делали вид, будто ничего не замечают, пока один вдруг не схватился за горло и не рухнул на землю.

Люди Бивня разразились смехом и улюлюканьем. Они принялись колотить по щитам, свистя и вопя. Свита сапатишаха рассыпалась в разные стороны. На месте остался лишь один: знатный человек в великолепном белом одеянии, расшитом черно-золотыми узорами. Видимо, он не испугался, недвижим под градом насмешек. И айнрити, все до единого, поняли, что видят великого Скаура аб Налайяна, которого нансурцы называют Сутис Сута-дра, Южный Шакал.

Стрелы, выпущенные галеотами, усеяли землю вокруг него, но сапатишах не шелохнулся. Все больше и больше стрел вонзались в землю – агмундрмены оценили расстояние и силу ветра. Глядя на айнрити, сапатишах достал из-за темно-красного кушака нож и невозмутимо принялся чистить ногти.

Теперь уже фанов разразились хохотом и заколотили по круглым щитам сверкающими на солнце саблями. Казалось, будто сама земля содрогнулась – такой поднялся шум. Два народа, две религии, готовые ненавидеть и убивать, стояли друг против друга на равнине Битвы.

Затем Скаур поднял руку, и барабаны зарокотали снова. Строй фанов двинулся вперед. Люди Бивня замолчали, опустили пики и сомкнули щиты. Все начиналось заново.

Кианцы постепенно набирали скорость, поднимая клубы пыли. Словно повинуюсь ритму барабанного боя, передние ряды слаженно, единым движением опустили копья и пустили коней в галоп. С пронзительным криком они ринулись на айнрити, а конные лучники разлетелись по сторонам, осыпая северян стрелами. Язычники шли волна за волной, и их было куда больше, чем утром. Они жертвовали целыми отрядами за пядь земли. Там, где стояли юсгальдеры из Галеота, потрепанные кюрвишмены, нангаэлы и варнуты из Се Тидонна, кианцы выбирались из ложбины и теснили железных людей. Сломанные копья, изувеченные лица, порванная сбруя. Изогнутые сабли раскалывали шлемы, ломали ключицы через кольчуги. Обезумевшие кони врезались в ряды щитов. И когда показалось, что напор язычников стал ослабевать, из пыли вынырнули новые воины; они скакали прямо по трупам, шли в атаку на выстроившихся ступенями пехотинцев. Было уже не до тактики и не до молитв; осталась лишь ожесточенная схватка, в которой каждый стремился убить врага и уцелеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.